

Денис Колесников

ДЕТИ ВОСТОЧНОГО ВЕТРА

Последняя обитель людей на востоке далекого мира закрывает свои двери, и ее последние жители отправляются в паломничество. За их спиной — покинутый дом, а впереди — Экумена, царство людей, которых соединяет великая Связь и разделяет Пустошь с ее хозяевами. Это лишь первые испытания в долгом пути. И первые шаги долгого путешествия на Запад.

Открытая дверь

Ворота начали отворяться с натужным гулом. Через тонкий просвет с этой стороны стены стала видна полоска звездного неба и облачного моря под ним, берег которого был не более чем в ста шагах от порога. Ворвавшийся свет осветил камни двора за стеной.

Ворота продолжили открываться. Теперь в проем заглянула луна, полностью обернувшаяся своей серой стройно и плавно скользящая вдоль пересекающей весь небосвод тропы из поблескивающих астероидов. А на фоне пейзажа появились очертания человеческой фигуры, высокой и мощной, с двумя посохами в руках — массивным в правой, и более тонким в левой.

Ворота отворились полностью. И человек обернулся.

— Я сделал все, что мог, — сказал он и переступил через порог, встав ногами на ведущую вдаль тропу. — И у меня больше нет ни единой причины вновь войти через эти ворота.

Звук его глубокого голоса прокатился по двору. Теперь здесь было тихо, ведь ни осталось ни одной живой души и ни одной работающей машины. Сердце, питающее это место, сделало свой последний удар, и удар это был потрачен на открытие дверей.

— А ты, дитя? — спросил человек. — Тебя все ещё что-то держит?

Из темноты внутреннего двора, на свет вышла ещё одна фигура — девушка, на две головы ниже ростом. Она промолчала, только склонила голову. Словно стесняясь чего-то, она робко протянула руку. Мужчина вручил ей второй посох, тот, что тоньше — ей он был по размеру. А затем он не торопясь зашагал по дороге.

— Не знаю как ты, я ночевать тут не собираюсь. Так ты идешь или нет?

Неуверенно и неохотно, словно к ногам были прикованы в цепи, девушка все же свой шаг за порог. Первый шаг по дороге, уходящей по склону горы под облака. Спутники уходили в молчании. Тихий скрип снега под их подошвами звучал вместо прощания, а двери позади остались открытыми. И теперь ветер, последний гость этого дома, мог плясать в его дворах сколько угодно.

Однажды на Восточном Краю

Катер лежал на голой земле, не дойдя до порта совсем немного. Но с развороченным бортом и задним боковым мотором, держащимся на честном слове и паре чудом не оторвавшихся креплений, этот последний рывок оказался ему не под силу.

Ловко орудуя четырьмя закрепленными на спине манипуляторами, похожими на четыре трехпалые руки с двумя локтями каждая, Дин копошился на обшивке судна и хлопотал над мотором. Закончив работу, он утер пот со лба.

— Что ж ещё для тебя сделать? — спросил юный механик самого себя, запустив ладонь в копну рыжих волос. Не найдясь с ответом, он пожал плечами и пинком поставил агрегат на место. Машина сообщила о своей готовности к запуску, и механик отдал команду. Он ждал ровного, мурчащего гула, но раздался металлический хрип, накатывающий волна за волной — знак того, что Сердце машины уже не справлялось с работой. Но это был прогресс, хоть катер все ещё предстояло отогнать док и принять там решение — чинить его дальше или выпотрошить все, что пойдет на запчасти.

Дин собрал инструменты, манипуляторы словно крылья сложились на его спине. Он забрался в свой маленький бот на магнитной подушке и двинулся в сторону города. Юный механик бросил взгляд на каменистую пустошь, уходящую за горизонт. Край солнца одаривал пейзаж последней порцией своих красок на сегодня. Засмотревшись на пейзаж и подавшись честной трудовой усталости, он не сразу заметил столб дыма, поднимающийся над его крохотным пограничным городком. А заметив, лишь с досадой вздохнул.

Лавируя по городским улицам и двигаясь на дым, Дин наконец добрался до огня. Кантина, в которой он часто коротал вечера со старшими товарищами, была охвачена пламенем. И полыхала она намного сильнее, чем должна — горючего в здании было не так уж много. Дин остановил свой бот у стоящего через дорогу повара, отрешенно наблюдающим за хаотичной пляской пожара. Механик тоже позволил себе полюбоваться огнем пару секунд и спросил:

— Что на этот раз?

— Пьянка, драка, зажигательная граната, — буднично ответил повар, — об остальном прочитаешь утром в новостях.

— Да уж. Дай мне знать если на кухне что-нибудь приготовится.

Повар оценил иронию, но ничего не ответил. Дин направил свой бот дальше, к зданию городского управления. Город был довольно низкорослым и городская управа пятнадцати метров в высоту без усилий возвышалась над скопищем временных построек, в которых проживало уже четвертое поколение колонистов.

Парадные двери были открыты, но внутри никого не было. Дин поднялся наверх, к покоям и кабинету управляющего. День потух окончательно, ночная темнота помещения теперь была покрыта разрезами от пробивающегося через жалюзи зарева от пожара.

Когда управляющий все же появился и включил свет, перед ним предстал опершийся на стол механик, со сложенными на груди руками, за спиной которого манипуляторы возились с набором для кофе и наливали свежесваренный напиток.

— Закрывал бы ты двери, отец, — пожаловался он.

— Что-то ты сегодня поздно, — вздохнул управляющий, — что-то срочное?

— Хотел выпить кофе после работы, но... — он кивнул в сторону окна, в котором играло зарево пожара, — обжарка сегодня слишком сильная.

— Можешь оставить жалобу. Но вопрос уже будет решать глава охраны, когда явится сюда разбираться.

Не распуская рук, Дин манипулятором поднес чашку ко рту. Воцарилась тишина. Управляющий молча прошел и уселся в свое кресло.

— И какова официальная версия? — спросил юноша.

— Капитан судна должен был вывезти часть охранников по прибытии смены, наткнулся на хтона рядом с городом, чудом сам уцелел. От стресса и сильной привязанности к судну, он напился и повздорил с отрядом охраны, который должен был вывезти. Далее показания путаются.

— Моя версия попроще. Мы просрочили очередной платеж и этим громилам дали приказ напомнить, от кого они нас действительно защищают. И вот им подвернулся удобный повод. Мы просто продолжим их терпеть, верно?

— Вопросы безопасности решаются выше.

— А что решается здесь?

Управляющий рассудил, что вопрос риторический и отвечать не стал. Дин допил свой кофе, попрощался с отцом и отправился в док, служивший ему ещё и домом. Они уже не раз повторяли этот разговор, и ни разу ни к чему не пришли. И оба от этого порядком устали.

Следующим утром Дин отправился на работу весьма хмурым. Он успел обменяться парой слов с поваром, вместе с помощниками выносящим из сгоревшего здания все, что за ночь превратилось в пепел и мусор. Тот сказал что больше не будет протестовать, если кто-нибудь поднимет это вопрос на городском собрании, хоть смысла в этом не видел — это решается выше.

Вечером, сделав все, что можно было сделать за обычный рабочий день, Дин расположился на палубе с термосом. Он откинулся на спину и закрыл глаза, собираясь погрузиться в Сеть. Блуждая от узла к узлу механик искал решения для очередной задачи, которую ему подкинула машинерия судна. В какой момент разум его сбился с пути и начал блуждать среди фантазий о собственном корабле.

Момент забытья продлился недолго, его прервал сигнал от городского маяка — с востока приближалось судно. Дин решил что это ошибка, ведь дальше на восток не идет ни одна Магистраль и людей там уже нет. Но на фоне черной полосы горизонта, где далекая горная гряда отделяла голую землю от неба, уже зримо мерцали навигационные огни.

Дин собирался дожидаться пришельцев в доке. Но о себе напомнили насколько сообщений, призывающих посетить уже начавшееся городское собрание. Выругавшись, механик отправился в город.

Собрание проходило на открытом воздухе во дворе здания управления. Этому Дин был несказанно рад — он намеревался поднять весьма болезненный вопрос, и не хотел бы быть запертым в одном помещении с недовольной толпой. Хотя назвать собрание толпой было сложно, ведь пришла от силы сотня человек — правом голоса обладали далеко не все горожане, а пользоваться им хотели и того меньше. Пока шло обсуждение не интересных ему вопросов, Дин следил за доками, краем глаза поглядывая на видимый ему одному висящий в воздухе экран. Все докеры были или на собрании, или разошлись по домам, поэтому сейчас там не было никого.

Собрание двигалось к своему завершению, но про пожар так никто и не заикнулся. Дин уже собрался с духом и приготовился высказаться, как из дока начали поступать сигналы — судно с востока хочет зайти в док для ремонта. Собрав волю в кулак, Дин решил, что гости подождут. Через городскую сеть он отправил доковым машинам команды впустить судно и сообщить гостям, что нужно немного подождать. Управляющий поинтересовался, нужно ли обсудить что-то ещё, будучи в полной уверенности что никто ничего уже не скажет и собрание можно закрыть.

— У меня есть один горящий вопрос! — слегка дрожащим голосом объявил Дин, приближаясь к трибуне с тремя поднятыми правыми руками. На лице управляющего читалось разочарование. Механик подключился к акустической системе и теперь вещал достаточно громко, чтобы все слышали.

— Почему мы не разрываем этот рабский контракт с корпорацией? — без лишних прелюдий задал вопрос механик. В словах все ещё звучало волнение.

Управляющий вперил в Дина свои покрасневшие за долгий день глаза. И ответил без всяких эмоций:

— Во-первых, корпорация помогает обслуживать скважину и сбывать добытую воду. Во-вторых, других охранных служб в нашем уголке Края нет, расквартированный здесь отряд заменить просто нечем. Вопрос считаю исчерпанным.

Тихая волна одобрения прокатилась по собранию желающих побыстрее пойти домой работяг. На это Дин уже разозлился.

— И это повод терпеть? — Собравшиеся сохраняли молчание. Управляющий хотел было что-то сказать, но Дин опередил его. — Весь ущерб городу за последние пару лет причинен ими, а не теми от кого нас якобы охраняют. Мы просто платим дань с переменным успехом.

— Ты слишком молод, чтобы помнить события пятнадцатилетней давности. — Хладнокровно парировал управляющий, потирая шрам на шее. — Весь ущерб причиненный наемниками за последние годы не составляет и двадцатой части того, что устроили здесь пираты за одни сутки. И все ещё могут устроить. Это математика, которую ты должен понять как механик.

— Я достаточно взрослый, чтобы помнить, что отсюда Магистраль должна была идти дальше на восток. Мы живем на самом краю света и для корпорации мы лишь строка в самом внизу отчета о доходах.

— Разорвать контракт мы можем хоть сейчас. Заодно потеряв большинство торговых лицензий и какую-никакую защиту от внешних угроз, весьма реальных, хоть и незначительных. Но что нам делать потом?

— Не знаю, — прямо ответил Дин. — Но стоя на месте корабль болеет, гниет и гибнет. Эту метафору вы должны понять как управляющий.

На этих словах Дин решил перестать дальше позориться в глазах коллектива и закончить спор. Механик покидал место собрания так ничего и не добившись, но чувствуя себя лучше. А в доке его ждали куда более интересные дела.

Дин мчался на всех парах. Он уже не мог ничего разглядеть через камеры — док был полностью окутан дымом или газом, но система почему-то не поднимала тревогу. А второй пожар за неделю, да ещё и так близко к дому, был бы уже перебором.

Доки уже были в поле зрения и признаков очередного пожара не было. Бросив бот у

входа для рабочих, Дин побежал к двери в док для катеров, который заняли пришельцы. Он уже собрался отдать системам команду открыть дверь, но остановился и прислушался — стояла тишина, пожарная тревога была неактивна, запаха гари тоже не было. Напротив, странно пахло чем-то приторно сладким.

Сделав глубокий вдох, Дин, пожалел что не позвал с собой пару парней, но все равно открыл дверь. Кудрявые клубы дыма ринулись в дверной проем. Тусклый свет старых ламп стал почти осязаемым в густом мареве. Дин хотел отдать докам команду проветрить помещение, но решил что проще будет просто открыть ворота настежь. Подъемные ворота начали подниматься и массы дыма пришли в гипнотическое движение, помещение начало заполняться лунным светом словно сосуд водой.

Сквозь редеющие клубы Дин теперь мог увидеть очертания бота, на котором прибыли гости. Между стеной и судёнышком он видел двух человек, сидящих прямо на полу. Дым достаточно рассеялся, и теперь Дин мог разглядеть их лучше.

Одним из них был мужчина, коренастый верзила. Крупное грубое лицо со звериным чертами обрамляла черная с проседью густая растительность, а волосы собраны в хвост. Одет он был не то в доспех, не то в глухой комбез, поверх которого носил что-то похожее на выцветший оранжевый донгак. На мощной словно свая шее покоилось причудливое ожерелье, каждая бусина которого была размером с кулак. Он сидел опершись на стену, сложив руки на выдающемся животе, и держа в зубах конец трубки, идущей к некоему баллону на поясе.

Второй была девушка, на вид не старше двадцати лет. Она была на голову выше Дина и сидела с прямой, как мачта, осанкой. Одета она была в такой же странный комбинезон, поверх которого носила что-то похожее на сари из той же ткани, что и жилет её спутника. Передние волосы были собраны на макушке в пучок с двумя довольно длинными шпильками, остальные падали на плечи. Она повернулась к Дину и механик заметил, как необычно отражается свет от её левого глаза, словно слегка светящегося на фоне погруженного в тень лица.

Они выглядели как отец и дочь, но связь их была иной.

А затем Дин увидел два длинных черных посоха, лежащих между ними. В этот момент он понял, кто же к нему пожаловал — пара странствующих монахов. Он заволновался, поняв что бестактно заставил ждать весьма высоких гостей. Его рот беззвучно открывался в тщетных попытках произнести приветствие и извинение разом. А тем временем манипуляторы, ведомые судорожным ходом мыслей, спешно сняли с головы механика защитные очки, насколько возможно причесали грязные рыжие волосы и расправили рабочую одежду с оранжевыми светоотражателями. Но они ничего не могли сделать с лицом, совсем недавно познакомившимся с бритвой и давно не видевшего душ.

Тишину прервал большой человек. Он с шипением выдохнул целое облако дыма, заполнившего помещение до этого, показал большим пальцем на свой бот и спросил:

— Сможешь починить, парень?

— Увы, но нет, сид — ответил Дин, вывалившись из люка в днище бота и отряхиваясь всеми конечностями. — Думаю, старушка переживет ещё один, может два перехода. Ещё и хтон завелся в округе. Вам повезло, что не столкнулись с тварью.

— Жаль, застрять едва начав путь не хотелось бы, — вздохнул монах. Он все также отказывался от мебели и сидел на полу, задумчиво пуская клубы приторного дыма. А

девушка тем временем ходила по доку и со сдержанным любопытством осматривала все вокруг.

— Тогда у вас проблема. В ближайшее время вверх по Магистрале пойдет только судно службы охраны, а с ними лучше не связываться.

— Ценю твою заботу, парень, но путешествие на тесной посудине в компании кучки вооруженных людей в плохом настроении — это для нас не проблема, а дискомфорт, не более.

— Мне больше претит идея того, что вы им будете платить за... услуги.

— Да, мне, в общем-то, тоже, — ответил монах.

— С пассажирскими перевозками на Краю очень туго, сами понимаете. Без собственного ко... — Дин осекся и тут же дал системе дока команду открыть базу данных. Перед его и только его взором возникли несколько экранов с нужными сведениями. — Да, без собственного путешествовать сложно. Но я могу с этим помочь.

— Издыхающий, что лежит на юге, — сказал монах, выпуская очередной клуб дыма.

— Да... как вы о нем узнали? — спросил Дин, но сразу вспомнил, что перед ним самый настоящий монах, а в их власти и не такое. Вопрос отпал сам собой. — А пожарную сигнализацию тоже вы отключили, чтобы подымить вдоволь?

В ответ монах широко улыбнулся, показав два ряда исключительно крупных и чистых зубов. Несмотря на оскал выглядел он вполне доброжелательно. Дин продолжил:

— Я могу снять с вашего бота все, что снимается и привести тот катер в относительный порядок. — Дин позволил себе немного гордости, хотя и преждевременно. — Но есть одно «но».

— Сердце, — ответил монах.

— Да, сид. Оно старое и слабое, и я знаю только один быстрый способ достать замену. И он вам не понравится.

— Отобрать у охраны.

— Именно... Так, а об этом как вы узнали?

— Слежу за новостями, только и всего. Расслабься, парень, я не читаю твои мысли. Хотя это и нетрудно.

Расслабиться Дин не смог, поняв наконец, что вот-вот на полном серьезе начнет обсуждать с незнакомцами ограбление.

— Лучше забудьте об этом. Нужно ещё прикрыть незаконную пересадку Сердца, а для этого мои руки коротки.

— А наши? — монах улыбнулся, демонстративно поиграл монументально массивными бицепсами, — Но это дела завтрашние, сегодня уже нужно отдохнуть. И я не нашел в городской сети гостиниц.

— Вам и с этим не повезло. Единственная кантина, она же гостиница, сгорела недавно. Вы можете попросить ночлег в здании управления, думаю для монахов там найдется место. Или здесь, в бытовке... — Дин посмотрел на девушку, которая держала в руках и разглядывала какой-то большой и сложный инструмент, — ... со мной.

— Ты так легко готов приютить пару незнакомцев? — спросил монах. Механик осознал что они до сих пор друг другу не представились.

— Я почти предложил вам участие в грабеже, сид, — он протянул свою правую руку. Остальные две по привычке потянулись следом. — Меня зовут Надин.

— Андж — монах крепко, но аккуратно пожал все протянутые ему ладони. — А

скромнягу, — он кивнул в сторону девушки, которая судорожно пыталась собрать инструмент, что мгновение назад был цел, — зовут Дади. Спасибо за приглашение.

— В таком случае, добро пожаловать в Барнол-Семь.

После весьма неловкой ночевки Дин проснулся в одиночестве — монахи отправились по своим делам. Без манипуляторов его тело справлялось с утренней рутинной медленно и неохотно. Он смотрел как его кофе подгорает на плите, но мыслями был в одновременно в нескольких других местах. В уме он уже разбирал монашеский бот, вез запчасти к сбитому катеру и ставил их на место разными способами.

Работа спорилась, механик уже собрался покинуть док, но получил сообщение — его ждали в городском управлении. Войдя в кабинет отца, Дин машинально его поприветствовал и направился к кофеварке. Он посмотрел на лица монахов — о чем думал Андж понять было невозможно, но его подопечная явно была чем-то расстроена.

Управляющий назначил Дина, ответственным за гостей — раз юноша уже их принял, пусть ещё и накормит и покажет город, будь на то желание путников. А ещё велел проследить, чтобы их личный транспорт был готов к отбытию в ближайшее время. Механик возражать не стал.

Выйдя наружу Дин тяжело вздохнул и предложил монахам пообедать у себя и заодно рассказать, чем их огорчил управляющий. Бот Дина был только двухместным и Андж учтиво отказался от транспорта, сказав что его огромная туша дойдет до дока сама.

Всю дорогу девушка отрешенно смотрела на проплывающий мимо скудный пейзаж пограничного городка. В полном молчании они добрались до кухни в бытовке и Дин начал возиться у плиты. Он хотел как-то разрядить обстановку, но ничего путного на ум не шло. Он вызвал экран с камерами у входа, в надежде, что Андж уже на подходе. К его удивлению, монах просто сидел на крыльце, попыхивая своим агрегатом. А затем повернулся к камере и подмигнул. Дин посмотрел на Дади, скромно сидящую за столом, и снова на экран — монах с ехидной ухмылкой все ещё смотрел в камеру и кивал, явно на что-то намекая. Сам того не ожидая, Дин вполне ясно понял на что.

— Откуда вы, сида? — спросил Дин.

— Из монастыря Калат, — после недолгой паузы ответила Дади.

— Разве его не забросили? Дальше на восток никто вроде бы не живет.

— Теперь никто. Я и учитель — мы последние, — девушка отвечала с явной неохотой. И тоской в голосе.

Дин решил сменить тему, а заодно подать еду на стол. Глядя как ловко он раскладывает посуду, не проливая ни капли, девушка спросила:

— Ты постоянно их носишь? — спросила она указывая на португую с манипуляторами.

— Без них как без рук, — ответил механик, складывая свои лишние «руки» за спиной, чтобы сесть за стол. Он сделал вид, что размешивает свой рамен вилкой, которую держал странным образом — всем кулаком и зубцами вниз, словно для удара. На самом деле он украдкой смотрел в тарелке трансляцию с камеры у крыльца. Андж тоже как-то следил за происходящим в бытовке, ибо жестами на камеру давал понять, что надо продолжать разговор.

— А сюда вас что привело? Ну, кроме того, что больше вы бы никуда пойти не смогли.

— Паломничество, — ответила девушка. Она с отсутствующим видом смотрела на свой суп. Тут Дин понял, что она тоже смотрит на крыльцо и получает от своего учителя

команды. — Я должна посетить четыре города и выполнить четыре просьбы. Но ваш управляющий сказал что от нас ничего не требуется.

— Чем больше у нас проблем, тем меньше ему нужно, — ответил Дин приступая к еде. — Ешьте пока не остыло. Я и так готовлю не ахти, а холодный суп отвратителен вдвойне.

Дади попробовала бульон и выловила из миски немного лапши.

— Приемлемо, — ответила она, явно по указке своего учителя. Дин тоже смотрел через камеру в этот момент и видел как монах бьет себя ладонью по лицу.

— Вам нужно выполнить любые просьбы, или есть какие-то правила?

— Прощение должно исходить от всего народа. Или от того, чьим голосом он говорит. Как ваш управляющий. Это основные правила.

— Может, вам стоит поговорить с людьми?

— Управляющий уже отказал. Боюсь мне придется отправиться дальше.

Оба приступили к еде в молчании. Но девушка срезу прервалась, явно получив очередное послание от учителя через суп, и сказала:

— Я бы хотел осмотреться. Покажите мне город, Надин-сати.

Экскурсия по Барнолу-Семь выдалась короткой, но вполне содержательной. Первой остановкой была кантина, сожженная наемниками. Затем была главная улица, повидавшая немало лиха как от пиратов, так и от тех, кто им должен был противостоять.

Последней остановкой была скважина, являющая собой конгломерат насосных установок, цистерн и небольших зданий, нагроможденных друг на друга в центре города и посвященных одной единственной функции — добыче воды. Дин имел право приходить сюда и иногда помогать ремонтникам, поэтому вместе с Дади они спокойно прошли и также спокойно гуляли по территории. Девушка быстро затерялась в лесу протекающих труб, подъедаемых ржавчиной конструкций и работающих машин. Тут и там им попадались рабочие, с некоторым Дин перебрасывался парой слов. Если гостья из монастыря и вызывала у кого-то любопытство, никто его особо не показывал — рабочий день был в разгаре, у всех были дела по важнее. По дороге обратно в док Дин спросил:

— Ну и как вам наш городок, сида?

— Выглядит устало.

— Да. И вы ещё не видели, сколько нашего труда уходит оплату “услуг” кучки бандитов, приставленных сюда корпорацией и сжигающих что-нибудь каждые полгода или около того. Без этого пункта длинном в списке забот, у нас были бы силы взбодриться.

Девушка ничего не сказала, только вопросительно подняла бровь.

— По вашему это не стоит вашего вмешательства, сида?

— Возможно. Но правила...

Дин чувствовал сомнение своей спутницы. А ещё он уже чувствовал укол совести за то, что собирался этим воспользоваться.

— Прощение должно исходить от народа или того, кто может говорить за него, верно? Я в таком случае, — Дин откашлялся, — как глава портовой службы, я уполномочен говорить от имени людей, трудящихся и живущих в наших доках.

Это не было ложью. Но право это он получил потому, что был сыном управляющего. А также прочие докеры видели это право в гробу.

— И от их имени, — продолжал механик, — я прошу вашей помощи. Разве не для этого

созданы ордена? Помогать, направлять, рассеивать мглу неопределенности?

Девушка снова не ответила. Дин воспользовался этим, чтобы сказать последнее слово:

— Если вы правда хотите помочь, то разве не найдется способ соблюсти формальности?

Остаток пути они проделали в молчании. Когда они прибыли к докам, Дади спрыгнула и сразу отправился в здание, а Дин ещё немного повозился со швартовкой. На крыльце его уже поджидал монах. Его лицо расплылось в улыбке.

— Расслабься, парень, я судить не буду.

— Судить? — едва не взвизгнув спросил Дин, чувствуя ползущий по спине холодок, — за что?

— За попытку манипулировать моей подопечной, — с довольным видом ответил монах. — К счастью это, скажем так, укладывается в программу обучения, — монах не переставал ухмыляться, и это начинало выглядеть жутковато. — Ученик облачается властью, ставится в неудобное положение и принимает решения. Учитель помогает их воплощать, а потом тыкает носом в последствия. Такова суть паломничества. И твоя затея как нельзя кстати. Но, если тебе это выйдет боком, — монах затыкнулся дымом, и выдыхая договорил заметно опустившимся голосом, — пеняй на себя, парень.

Предупреждение Анжда начало буром ввинчиваться в разум Дина. Поначалу он испугался, что взялся в нечто крайне опасное, и теперь не может повернуть назад. Но быстро пришел к выводу, что для него плохого исхода в этой ситуации просто нет — в худшем случае все останется как есть.

Когда Дин наконец собрался спросить у паломницы ответ, он обнаружил её на крыше, сидящей скрестив ноги и закрыв глаза. В шуме ветра он едва слышал, как она что-то напевает себе под нос. Девушка заговорила первой:

— Мы согласны. Но твое прошение должно быть официальным.

— Я знаю, — ответил механик, которого Андж успел посвятить в эти тонкости Дин набрал в грудь воздуха и произнес формулу — От имени народа портовой службы Барнола-Семь, я прошу помощи — помогите свергнуть тирана.

Следом он отправил длинный сетевой документ, составленный и заполненный по всем правилам. Девушка открыла глаза. Из левого ручьем скатились скопившиеся слезы.

— Моей рукой эта воля будет исполнена, — ответила она.

— Экумена тому свидетель.

— Система тому судья.

Обоим потребовалась какое время, что бы осознать неизбежность последствий, идущий за такими словами. Девушка, до этого державшая прямую осанку, устало ссутулилась.

— Вы в порядке, сида?

— Да. Я открыла сетевой узел вашей службы охраны. Он находится довольно далеко. Хочешь узнать, что там?

— Не хочу. Может лучше подумать, что делать? Взбучки ведь будет мало.

— Учитель говорит взбучки всегда мало.

— Но иногда без взбучки нельзя, — раздался через Связь голос монаха, — готовьтесь дети, ваш “тиран” скоро явится.

Дин начал судорожно продумывать дальнейшие действия, борясь с бессмысленными «как» и «если». Планирование столкновения с отрядом вооруженных головорезов оказалось

куда как сложнее сборки силовой установки в уме. Но каким бы маршрутом ни отправилась его мысль, она всегда проходила к городскому управлению — спасение от тирании вооруженных людей наверняка затеряно среди документов.

— Вы можете стащить кое-что из системы в здании управления? — Спросил механик у собравшихся в бытовке монахов. — Если это не нарушает ваших уставов, разумеется.

— Не сейчас, — ответила Дади, все ещё прикрывающая левый глаз рукой.

— А вы? — обратился Дин к монаху.

— А я не на твоих побегушках, парень.

— Седлайте это по моей просьбе, учитель, — обратилась к нему Дади. Монах выпустил носом облако дыма, медленно, но верно заполняющего помещение.

— Ты осознаешь риски, дитя?

— Да, — не сразу ответила девушка, — я думаю да.

— Тогда держите.

— Уже?

Не успел Дин удивиться, как Связь сообщила ему о получении данных. Он открыл её, увидев перед собой несколько дюжин видимых ему одному экранов с документами. Он читал их наискосок, закрывал ненужные один за другим, и огорчился, так и не обнаружив ничего касательно ремонта кантины.

Найдя договор с управляющей корпорацией, он прочитал все что касается обеспечения безопасности и условий расторжения. Договор оказался настолько кабальным, что Дин проникся к отцу сочувствием. Отложив договор он принялся рыскать по перепискам, в надежде найти что-то полезное. А найдя как следует выругался. После чего он быстро связался с городским маяком — судно наемников шло курсом мимо доков, прямиков в город.

— Итак, есть две новости, — начал излагать свои мысли механик, — определенно плохая и потенциально хорошая. Плохая — мы правда многое потеряем разорвав контракт. Хорошая — не так давно отцу предложили сотрудничество с домом Хинан, о котором управляющий... — Дин тяжело вздохнул, — вполне обоснованно умолчал.

— Обоснованно? — поинтересовалась Дади.

— Дом подчиняется другому правительству. Приняв его подданство мы, вроде как, совершим преступление против нашего губернатора. Но перед домом город будет чист. Наверное.

Дин был крайне взволнован. По счастливой случайности в его руках оказались нужные инструменты, чтобы починить сломленный город вокруг хоть немного.

— Если вам интересно, то у меня есть план.

Механик забрал из дока угасающее Сердце гибнущего корабля из Пустоши. Когда вместе с монахами он прибыл к зданию управления уже стемнело. Он хотел выглядеть также спокойно как его спутники, но клубы пара, моментально напитывающиеся светом уличных фонарей, выдавали неровное дыхание.

Корабль наемников сел прямо напротив здания. Палуба, оцетинившаяся магнитными мачтами, похожие на массивные лапы выдвижные опоры и низко гудящие моторы, по поверхности которых то и дело пробегали разряды — все придавало машине довольно хищный вид.

— Отец все ещё у себя в кабинете и не отвечает. Должно быть общается с главарем этой

пайки. Последний шанс передумать, — сказал Дин, обращаясь не то к монахам, не то к самому себе.

— Нет, — ответила Дади, — Но... Учитель, мне точно не стоит браться за самое сложное?

— Начинать надо с малого, — ответил Андж, — просто выбей дурь из ребят снаружи.

— А что же тогда сложное? — взволновался механик. Дин потихоньку начинал паниковать. Ему было не привыкать к опасностям на работе, но противостояние с отрядом обученных убийц все таки вызывало рациональный страх.

— Дипломатия, парень. Особенно для неё. Лучше с управляющим потолкую я.

Андж растворился в переулке, собираясь проникнуть в здание управления через задний вход, оставив подопечных дожидаться сигнала. И в оковах ожидания время начало ползти. Дин чувствовал, как по лбу и спине скатываются бусины пота. Сквозь шум собственного дыхания, скрежета зубов и биения крови в ушах, он услышал как девушка снова начала что-то тихо напевать. Она прислонилась к стене и выглядела совершенно спокойной, даже отрешенной.

— Вы разве не волнуетесь, сида? — шепотом спросил Дин.

— Нет. Все решено и спланировано. Осталось только сделать.

— Так просто?

— Мое снаряжение лучше. Моя подготовка эффективнее. Доступ в Сеть глубже, — сказала девушка. Она не бахвалилась и не пыталась кого-либо подбодрить, просто описывала действительность.

— А что если все пойдет не по плану? — не унимался Дин.

— По плану они откажутся, будет повод для боя. Следовательно, не по плану они отдадут Сердце и уйдут.

— Тхе, вот бы все пошло наперекосяк...

Девушка посмотрела куда-то перед собой характерным для общения по Связи взглядом.

— Учитель говорит, что договорился. Наемники согласны не отдавать Сердце. А ещё он говорит что их главный — жуткий позёр.

— Не похоже сложную дипломатию.

— Нужен не просто отказ. Нужен открытый вызов монаху. И учитель его получил.

В сумраке Дину показалось, что девушка улыбнулась в этот момент. Он многое слышал о монахах, но никогда в жизни не рассчитывал угодить в подобную историю. И он надеялся просидеть все самое интересное во внутренностях корабля.

Дади вскинула посох на плечо и отправилась навстречу наемникам. Разговоры бойцов тут же стихли, когда они заметили что рядом с ними стоит необычного вида незнакомка черным посохом на плече. Дади воспользовалась Связью, протянутой к наемникам ранее, и быстро отправила по ней несколько код-мантр. Второй раз это далось почти без боли.

Один из них медленно подошел к ней и справедливо поинтересовался, что она здесь забыла. В ответ от одежды девушки потянулись струйки теплоотводного пара. Комбинезон словно съезжился на размер, став плотнее и позволяя двигаться свободнее. Местами начало проступать свечение накалившихся искусственных мышц, скрытых в броне.

Стоявший перед девушкой наемник не был вооружен или оснащен боевыми протезами. Дади одним движением разбила его колено, повалила его на землю и занесла посох над головой, словно меч. На мгновение большая его часть тут же перестала быть твердой и

вспенилась. Пена сразу сжалась, приняв форму настоящего обоюдоострого клинка, настолько черного, что он четко выделялся на фоне ночи. Лишь кромка угрожающе блестела, выдавая свою остроту.

Остальные тут же всполошились. Некоторые из них выхватили свои ружья, выглядящие как металлический брус с рукоятками и прицелами. И быстро обнаружили, что наделенное Связью табельное оружие им не подчиняется и отказывается стрелять. Короткого замешательства хватило, чтобы Дади настигла первого стрелка. Она успела сделать два взмаха, похожих на пробежавшую мельком тень, и в сторону полетели разрубленная винтовка и отсеченный протез руки.

От такого зрелища Дин чуть не забыл, зачем устроил все это мероприятие. Драка быстро скрылась из виду, переместившись за корабль, и Дин и со всех ног побежал к нему. Он прижался к корпусу, мысленно благодаря все силы Вселенной за то, что никто не выглянул в окно, пока он несся по улице. Он без труда нашел технический люк и юркнул в утробу судна.

Механик быстро сориентировался во внутренностях корабля и добрался до силовой установки, являвшей собой большой и мирно урчащий железный шар среди сплетения толстых кабелей и труб. Механик проворно орудовал инструментами во всех шести руках и надеялся, что никто из связанных с кораблем наемников пока не получил сигнал, что с машиной что-то происходит.

Дин снял последнюю крышку и Сердце машины предстало перед ним. Прозрачная сфера из неизвестного материала была покрыта разметкой для подключения кабелей с помощью магнитов. Внутри был заключен сгусток алого вещества. Этот материал сиял багрянцем, окрашивая всю полость корабля глубокими оттенками красного. Сгусток материи непрерывно двигался, ритмично меняя форму в выверенном геометрическом танце.

Здоровое и крепкое Сердце.

Из сумки Дин извлек второе, старое и больное, цвет которого был блеклым, а движения рваными и сбивчивыми. Пока манипуляторы продолжали работать сами по себе, механик, перебирая команды и коды, уговаривал призрак в машине не замечать подключения к машине второго Сердца. Осталось сделать только самое простое. И самое опасное.

— Спокойно, — говорил он себе, — я всего лишь рискую взорваться вместе со всем городом...

Два Сердца теперь были подключены к одной машине, что было весьма взрывоопасно. Дин замкнул магнитные контакты на больном, и мирное урчание сменилось чем-то похожим на хрип, а багровый свет стал тусклее. Он осторожно поменял сердца местами и отсоединил провода от здорового.

Пересадка прошла успешно. Пока Дин прятал новое Сердце в сумку, раздался глухой грохот, словно о корпус корабля ударилось что-то большое. Через Связь он спросил у монахов, что творится снаружи. В ответ он получил трансляцию с камер наблюдения, за которой наблюдал все время, пока выбирался из корабля и бежал обратно в переулок, чтобы скрыться.

Дади задавала ритм боя. Часть наемников уже была повержена, часть ломилась на корабль или в здание, но двери им не открывались. Остальные беспорядочно метались вокруг, пытаясь окружить неуловимую паломницу или машинально взять её на прицел. На

земле множилось отрубленные протезы и обломки бесполезного оружия.

Схватка прервалась на мгновение, когда девушку взяли в кольцо. Но никто не решался первым броситься в атаку. Наемники переглянулись, Дади тоже уловила присланное им сообщение — берегите головы. Все побежали в стороны, чтобы не попасть под осколки стекла и не стать посадочной площадкой для своего босса.

Командир выпрыгнул прямо в окно, отскочил от борта стоящего корабля и приземлился на четвереньки. Массивный и сложный экзоскелет погасил падение. Он демонстративно медленно поднялся. В полном боевом облачении он выглядел крупнее даже учителя. Дотянувшись до общедоступной части его Связи, командир представал окруженный аурой орденов и наград, экраны с разрешениями на оружие и боевые теломоды покрывали его словно пластины брони. И эти разрешения исходили из таких далеких источников, что добраться до них в горячке боя даже монаху было бы нелегко.

Девушка оказалась в клещах, с одной стороны её теснили несколько самых стойких вояк, с другой — человек, похожий на боевую машину. Но командир тоже трезво оценивал свои шансы, глядя лежащие на земле обрубки и обломки, на лица своих бойцов, некоторые из которых были искажены страхом, а некоторые — болью.

Манипуляторы экзоскелета пришли в движение и изготовили оружие. В правых руках он держал огромную, похожую на рельс винтовку, в левой наготове был гранатомет. Решив, что в своих он стрелять не станет, Дади ринулась в обратную сторону, дабы держаться ближе к недобитым членам отряда. Когда на земле оказалось достаточно тел, чтобы ещё стоящие бойцы наконец решились на бегство, Дади догнала самого медленного и взяла его в ловкий захват. Она стала толкать его перед собой, прикрываясь им как щитом.

Достигнув цели, девушка отпихнула своего нечаянного защитника в сторону и со всего размаху ударила по уже готовой открыть огонь винтовке. Клинок застрял, пройдя массивное оружие на половину. Не дожидаясь ответа, она вернула посоху изначальную форму. Увеличившись, он разорвал пушку на пополам и освободился. Вернув оружию былую длину, Дади смогла ударом дотянуться до головы. Защита выдержала удар, но Дади ловко скользнула в слепую зону ошеломленного командира.

Забравшись на закрытую металлом и механизмами спину, девушка нашла прореху в экзоскелете и зацепилась за неё посохом, мешая дополнительным рукам двигаться. Командир начал пытаться стряхнуть противницу, дотянуться до неё, но его отвлекла собственная Связь. Открыв её он увидел как один за другим пропадают подключения к оружию и теломодам.

В панике командир попытался выстрелить в паломница из оставшегося оружия, но так и не смог прицелиться. Зажигательные снаряды летели во все стороны, попадали в здание и падали на землю. Раздались взрывы, вспыхнуло пламя. Он все таки скинул Дади с себя, но к тому моменту в его распоряжении остались только ноги, руки и один спинной манипулятор, а здание начал быстро охватывать прожорливый химический пожар.

Глотая горячий и воздух вперемешку с дымом, Дади осмотрела поле боя, закрыв разболевшийся левый глаз. И испытала странное облегчение — её первое настоящее сражение двигалось к её первой настоящей победе. Но для полного удовлетворения кое-чего пока не хватало. Заряженная приливом уверенности, девушки с новой силой бросилась на врага. Три увесистых кулака командира со свистом рассекали воздух, но ни один не попал в цель. Посох паломницы, вновь обретший форму клинка, бил без промаха, отсекая от брони командира один кусок за куском. Дади ликовала с каждым уклонением, радовалась каждому

замаху и давала волю гневу с каждым ударом. И когда в движениях командира стал ощутим страх, девушка решила закончить бой, перебив клинком жилы искусственных ног.

Поверженный враг упал на колени, Дади встала перед его лицом на расстоянии удара. Но ударов больше не последовало. Командир смотрел как его отключают от Сети. Как один за другим гаснут всего контракты, права и обязанности. Как он становится никем. Смотрел как девушка пытается не дать своему лицу превратиться в гримасу боли, как неестественно свет отражается в её широко открытом левом глазу, и как из него по щеке покатила слеза.

Девушка посмотрела на охваченное огнем здание. Зная что учитель внутри и позаботится обо всех, она с облегчением выдохнула и закрыла глаза.

Разбитый корабль принял новое сердце, а большой монах помог Сети принять заново рожденный корабль. Довольный собой сверх всякой меры, Дин отдал машине приказ стартовать. Судно охотно подчинилось, со скрипом и гулом оно оторвалось от земли и поднялось на маршевую высоту в паре метров над почвой, магнитные мачты привели его в нормальное положение. Дин поднялся на палубу, взял управление на себя и повел судно, отдавая машине осторожные команды. Покалеченный катер шел с заметным трудом, прихрамывая на пару двигателей и норовя завалиться на бок. Но несмотря на это, оранжевый шарф Дина победным флагом трепетал на ветру.

— Какая досада, что эту зверушку списали! — радостно возвестил Дин, сходя с трапа. — Я ведь её все-таки выходял. Ну не считая дырок в борту и некалиброванных моторов, но со времени я разберусь и с этим. Осталось дожидаться управляющего и все оформить.

Монахи ждали опять сидя на полу у стены. Девушка отсутствующим взглядом смотрела в пол. Собой она была недовольна, и Дин решил её подбодрить.

— Пока наемники будут добираться до штаба и разбираться с начальством, дом Хинан успеет здесь обосноваться. Похоже зубы они будут собирать ещё долго. По-моему, все получилось.

— А что если мы создали больше проблем, чем решили? — спросила Дади.

— Время покажет. Хотя бы можно не переживать что в ближайшее время сгорит что-то ещё. Хотя со зданием управления получилось неловко. Кстати, — обратился Дин к монаху, — Андж-сид, а как вы уговорили отца на сделку с домом?

Этому вопросу суждено было остаться без ответа, ведь разговор прервал явившийся наконец управляющий.

— Это уже не твое дело. Катер готов? Прекрасно. В таком случае официально передаю эту городскую собственность в ваше владение, почтенные монахи. — отрапортовал управляющий, но тут же заметил, что Система его приказ отклонила.

— Это вряд ли, — ответил Дин. — Как глава портовой службы, списанным транспортом здесь распоряжаюсь я.

— А ты уверен, что у тебя ещё остались эти полномочия? — парировал управляющий.

— А ты хочешь отстранить меня в обход протокола?

— А ты решил наконец ему последовать?

— Почему бы и нет?

— В таком случае, — пожал плечами управляющий, — увидимся на собрании.

— Определенно нет. Слухи уже сделали свое дело, так что вопрос можно считать закрытым. Мне здесь теперь не рады, так что лучше дать вам всем от меня отдохнуть. Я

сложу полномочия сам, но сперва... — Дин окинул взглядом катер, брошенный судьбой к его порогу и улыбнулся.

— Как глава портовой службы Барнола-Семь передаю списанный этот транспорт во владение... мне! — торжественно объявил механик.

— Значит я не смогу ткнуть тебя носом в последствия — управляющий тяжело вздохнул, — в таком случае, увидимся когда увидимся. Ясного вам завтра, сидэ.

— Легкого вам вчера, — ответил по обычаю Андж, остальные ограничились почтительным поклоном.

Отец и сын пожали руки. Не сказав больше ни слова, управляющий покинул док.

— Ты хочешь пойти с нами, — догадалась Дади, увидев как странно механик посмотрел на своих гостей.

— Вы в любом случае не уйдете на этом катере далеко без механика. А также штурмана. И кока. А я как раз хотел сменить работу, и предложить вам контракт на пассажирские перевозки как единственный доступный здесь и сейчас капитан.

Все трое понимали, что это самое выгодное предложение. И не было у них веских причин от него отказаться. Оставалось только отправиться дальше вместе, гонимые в одну сторону одним ветром.

— Так когда в путь?

Молодой монах читал лекцию сидя на небольшом подиуме, примыкающем к стене полукруглого помещения. Перед ним в несколько рядов на подушках расположились ученики — дети не старше двенадцати. Они или слушали рассказ с искренним интересом, или механически делали пометки, уделяя занятию настолько мало внимания, насколько было возможно без дальнейших проблем. Но все так или иначе были вовлечены в процесс обучения.

Только одна девочка, место которой было позади даже заднего ряда, не прикрито игнорировала происходящее. Её куда больше интересовал пейзаж в панорамном окне, проходящем через всю полукруглую стену. Впрочем, в тот день от неё ничего и не ждали — к занятиям по прикладной математике её допустили совсем недавно, учебный курс она ускоренно проходила сама, а на лекциях присутствовала по воле настоятеля.

Несмотря на задумчивый вид, девочка не думала вообще ни о чем. Но как только учитель хлопнул в ладоши и предложил перейти от теории к практике, она встрепенулась и села как подобает. Да так резко, что на неё обернулся весь класс. В их взглядах и лицах читалось много разных эмоций, кроме дружелюбия. Она тут же смутилась и понурилась. В конце концов, учитель просто забыл уточнить, что перейти к практике он предложил всем, кроме неё.

Девочка почувствовала что один взгляд, исполненный настоящей, глубокой неприязни, все же задержался на ней. Из всех монастырских воспитанников так смотрел на неё только один долговязый и гладко обритый парнишка, с тонкими, едва заметными прямыми линиями шрамов, идущих от уголков рта к основанию ушей — свидетельство наличия теломода вместо родной нижней челюсти.

Учитель вновь завладел вниманием детей, когда через Связь выдал всем доступ к учебным системам. В сети отразилась суета урока — создавались и обрывались нити, вились строчки кодов, учебные Призраки металась туда-сюда.

Девочка во всем этом участия не принимала, так ей доступа ни к чему не дали. Но это её не остановило. Теперь она слушала инструкции, которые давал учитель, слушала вопросы учеников. И попутно сама тянулась через Сеть. Наконец она нашла себе самого незначительного Призрака для упражнения. А для выполнения этого самого упражнения всего-то и требовалось, что правильно связать Призрака с другим узлом данных. Но остальные дети сейчас пользовались замкнутой подсетью монастыря, в которую девочку не пустили. Тогда она стала искать какой-нибудь непримечательный узел в большой Сети. Наконец она нашла один, в близлежаще городке, потянулась к нему и...

Девочка с визгом прижала ладони к своему левому глазу, который пронзила резкая боль. Она сжала зубы, не давая вырваться ещё одному крику, согнулась пополам и уперлась лбом в пол. Ручьем потекли слезы и сопли, её стошнило прямо на пол, в глазах потемнело. Паники вокруг себя она уже не услышала.

Девочка открыла глаза, увидев стену лазарета прямо перед лицом. Она лежала на койке, свернувшись калачиком и не могла вспомнить, как здесь оказалась. Впрочем, она и не пыталась — едва ли этот случай отличался от предыдущих. Она перевернулась на спину, увидев знакомый потолок и знакомое лицо настоятеля Оргуна.

— Как ты, дитя? — устало спросил он.

— В порядке, — шепотом ответила Девочка. Она так и смотрела на потолок, боясь заглянуть в глаза настоятеля.

— Хорошо, — ответил Оргун. Этим “хорошо” он заменил целую тираду о важности послушания взрослым. Но уходить без даже малейшего нравоучения для него было бы почти неприлично. Настоятель продолжил:

— Хорошо, что опять все обошлось. Право слово, тебя все же следует за это наказать. Но я не стану, вопреки желанию некоторых. Ты же понимаешь, что мы позволяем тебе столько, сколько вообще возможно без угрозы окружающим? — уже в который раз спросил настоятель.

— Да, — тихо ответила Дади.

— А я понимаю, почему ты продолжаешь так поступать. И что наказывать тебя за этот треклятый Недуг нет толку. Хотя, может и стоило бы, как считаешь?

— Возможно.

— Лучше бы ты ответила “нет”, — посетовал настоятель. — Отдыхай, Дади. И приходи завтра на тренировки, если здоровье позволит. Не переживай, заниматься с мечом тебе никто не запретит.

Какое-то время на тренировках по фехтованию все старались не обращать на Дади внимания. Пока не пришло время для спаррингов. Тренер с удовлетворением отметил, что с тренировочным мечом в руках девочка уже держится куда увереннее большинства сверстников — в конце концов, боевым искусствам Андж обучал её лично.

Ученики разбились на пары и приступили. Правила были простые — бой до первого попадания. Первый соперник Дади явно нервничал и пребывал в полном замешательстве от того, что его поставили в паре с этой странной девочкой, которую сторонились даже многие из взрослых. И вот теперь она стоит перед ним, бесстрастно смотря своими глазами немного разного цвета.

Выйдя наконец из ступора, мальчик замахнулся, сделал шаг вперед и с выкриком нанес исполненный детского рвения удар. Дади выставила блок, слегка отпрянув под напором. Мальчик попытался замахнуться снова, но пропустил удар в плечо. Тренер закончил поединок и вызвал следующего оппонента.

Не понимая что вообще происходит, мальчик занял место среди остальных детей, сидящих по краям фехтовального зала. Ему на смену пришла другая девочка, светловолосая и более крепкого сложения, чем Дади. Этот поединок продлился дольше, но закончился точно также.

Тренер вызвал третьего оппонента и сказал, что если Дади одолеет четверых подряд, то получит зачет за этот год прямо здесь и сейчас. Она, казалось, не обратила на это внимания, и без лишней суеты уложила третьего соперника на пол.

В этот раз тренер предложил поучаствовать добровольцам. И желанием проучить эту молчаливую выскочку загорелся только один — парень со шрамами на щеках. Как только тренер дал отмашку, мальчик рванул вперед. Он был быстр, в один миг достиг Дади и навалился на неё всем телом. Дади смогла только отвести первый удар и тут же потеряла равновесие. Парень рубанул по открывшемуся бедру. Дади зашипела от боли, но сделала шаг в сторону и приняла оборонительную стойку. А юноша уже замахивался для очередного удара.

— Фаридин! — крикнул тренер, останавливая разгорячившегося дуэлянта. Отдав тренировочный меч, мальчик одарил Дади довольной ухмылкой.

После этого Фаридин стал вызываться на поединки с Дади при каждой возможности, побеждая семь раз из десяти. Так продолжалось несколько месяцев, пока девушка не сравняла счет. Почувствовав равенство сил, Фаридин стал только злее.

Последней каплей стал очередная попытка Дади сделать с Сетью то, что делали другие ученики. В это раз все было не так страшно, ей даже не пришлось отправлять в лазарет, но вмешательство настоятеля Оргуна все равно потребовалось. И плохо в этот раз стало уже ему. Пока Дади вела настоятеля в лазарет вместе с другим монахом, в коридоре она наткнулась на Фаридина. Он быстро зашагал в её сторону, и она сразу заметила его сжатые кулаки.

— Фаридин, нет. — Тихо, но твердо сказал настоятель.

— Но дедушка! — Выпалил парень, забыв о приличиях. На свое потное и словесно постаревшее на год лицо Оргун натянул маску непоколебимости.

— Мы это уже обсуждали. Хочешь поспорить со мной прямо сейчас?

— Нет...

— Тогда дай старику выспаться, — уже мягче ответил настоятель. — И, пожалуйста, — он кивнул в сторону Дади, — не наделай глупостей.

Разумеется, Фаридин не видел ничего глупого в том, чтобы избавить дедушку от проблемы.

Дади переступила порог фехтовального зала, тускло освещенного лунным светом. Очертания доспехов и тренировочных болванчиков, выглядывающих из тени, выглядели бы устрашающе, не будь они так привычны.

Когда она дошла центра зала, дверь за ней закрылась. Она обернулась и увидела Фаридина на пороге, сжимающего в руках два тренировочных меча и две пары перчаток.

— Бой до десяти попаданий, — сказал он, шагая к центру зала, — если ты выиграешь, то я отстану. Если выиграю я, — мальчик остановился, против меча и перчатки, — то ты прекратишь делать все, что утруждает дедушку. Идет?

Не сказав ни слова, Дади натянула перчатки. Как только она взяла меч и приняла стойку для спарринга, парень коснулся её клинка своим, знаменуя начало боя. Фаридин тут же бросился вперед. Как только мечи скрестились, он круганулся и ударил в бок ногой. Дади чуть не повалилась.

— Забыл сказать, — прошипел Фаридин, принимая стойку для второго раунда, — до десяти попаданий чем угодно.

Он снова ринулся вперед. Парировав удар, Дади отскочила назад, ожидая очередной пинок. Теперь она перешла в наступление, замахнувшись для удара сбоку. Фаридин приготовился встретить её клинок своим, но в итоге встретил её локоть своим лицом.

Один-один.

Они сидели в центре зала, сверля друг друга глазами. Оба были щедро усыпаны синяками, тяжело дышали и то и дело морщились от боли. Глаз Фаридина, принявший на себя удар локтем уже заплыл. Щека Дади была вымазана кровью из рассеченной губы. Поодаль от них лежал чей-то последний молочный зуб.

— Почему? — тихо спросил Фаридин. Дади, ничего не ответив только подняла глаза.

Парнишка так и не понял, что выражала её лицо, поровну покрытое лунным светом, тенью и свежей кровью. Только глаз казался каким-то странным. — Почему ты просто не запрещаешь в комнате, не мешая жить другим?

— Потому что я заставляю её выходить, — раздался низкий мужской голос. Огромный монах сидел скрестив ноги рядом с доспехами и своей мощной фигурой вполне вписывался в их шеренгу.

Дади просияла, впервые увидев своего учителя после нескольких недель разлуки. Она попыталась резко встать, но ушибы на её теле тут же устроили переключку, отзываясь вспышками боли. Девочка проигнорировала их и была готова сорваться с места, но Андж уже подошел к ним и встал на одно колено. Даже наклонившись, он все ещё нависал над детьми.

— Парень, — обратился старый монах к Фаридину, который тоже попытался встать, но был удержан на месте могучей рукой, — если хочешь на кого-то злиться, то злись на меня. Твой дед возится с ней по моей просьбе. А попросил я его потому, что никто здесь не знаком с Недугом ближе него. Твои родители соврать не дадут. А ты, дитя, — Андж повернулся к Дади, — в чем ты хотела его убедить своим молчанием?

— Ни в чем, — ответила девочка, потупив взор, — он ведь прав.

— В чем же?

— Я приношу вред.

— И скольким ты по-настоящему навредила, кроме себя? И настоятеля Оргуна, который, напоминая, помогает тебе добровольно?

— Пока никому...

— Вот видишь, — Андж поднялся на ноги. — Дети, читать вам долгие нотации я не буду, ваши воспитатели справятся с этим лучше. Скажу только вот что. Ты, Фаридин, должен успокоиться. Ты здесь не единственный взрослый. А ты, Дади, должна говорить, тогда кто-то тебя однажды услышит.

Монах обнял обоих за плечи и пошел к выходу из зала.

— Да, — Андж обернулся на полпути, — И не забудьте протереть пол когда закончите. За вами никто подчищать не будет.

— Закончим что? — Спросил парнишка.

— Счет девять-девять, — ответил монах улыбаясь во всю ширь. — Вы же понимаете почему это случилось? — Андж указал пальцем на зуб, лежащий в небольшой, размером монету, лужице запекшейся крови. — Вы двое улыбались как дурачки, пока махали мечами.

Монах и его Ученица I

Корабль пересекал пустошь, вздымая за собой кудрявый шлейф пыли. Автопилот вел судно по нанесенным на карты магнитным потокам Магистрали. Свободный от необходимости беспрестанно сидеть у руля, Дин все это время проводил на палубе, порядком замерзший от ветра. Его беспокоила матча, угрожающая вновь сгорбиться или вовсе отвалиться от резкого порыва ветра. А от нервных переговоров призраков в машине механик начал переживать, что в системе катера вот-вот что-то откажет.

Монахи тем временем были предоставлены сами себе. Дади какое-то время просто сидела в одной из пары маленьких кают, в которых помещались только по две подвесных кровати одна над другой, и отрешенно наблюдала за пейзажем, проплывающем в огромной и все ещё не залатанной пробоине в борту. Её учитель напротив был даже рад дополнительной вентиляции, но девушку было решено поселить в кают-компанию до конца перехода.

Отсутствие сквозняка и относительная тишина позволили Дади попробовать помедитировать и выкинуть из головы последние пару дней. Девушка имела неплохое представление о жизни вне монастыря, но смягчить удар реальности это не помогло. Из тревожного полутранса её буквально выкинуло резкой остановкой катера, она чуть не повалилась на пол. Раздался грохот падающих вещей и скрип выдвигающихся посадочных опор. Но на землю судно опустилось уже довольно плавно.

— Что-то не так? — спросила девушка через Связь.

— Да, — ответил Дин, — у этого судна крайне неопытный капитан.

Спустя минуту Дин спустился в кают-компанию и начал вводить своего пассажира в курс дела. Дади хотела позвать своего учителя, но тот глубоко ушел в медитацию и на внешний мир не реагировал. А может просто дрых как убитый.

— Итак, я неверно рассчитал выхлоп нового Сердца. Оно несколько слабее, машине уже нужен отдых. Поэтому пришлось сделать остановку сейчас, а дорога будет дольше на полдня, может день. А сейчас мне нужна помощь с мачтой. Я хочу закрепить её понадежнее, пока не начались проблемы.

— Я в технике не смыслю. Не думаю, что могу помочь.

— Чего вы не можете, сида, так это отказаться.

— Что же мне помешает? — слегка возмутилась девушка.

— Контракт, разумеется!

Дади потянулась к контракту через сеть, от чего левых глаз начал слегка зудеть. Нужный параграф она нашла быстро и он гласил: "...пассажиры обязуются исполнять обязанности младших механиков, матросов и охраны судна в тех случаях, в которых капитан сочтет это необходимым."

— Мне правда нужна помощь, — уже смиреннее попросил парнишка, — но сперва...

Дин начал копаться в разбросанной от резкой остановки утвари на маленькой кухне. Приведя все относительный порядок, он наконец понял, что не взял с собой ничего для приготовления кофе. Проблемы, которых он так боялся, все же начались.

Вместе с механиком Дади поднялась на палубу. Она встала на носу, наблюдая как он проворно забрался на верх похожей на огромную ветвистую антенну мачты, поднимая с собой концы нескольких закрепленных на палубе тросов. Она следила за креном, пока Дин

наверху закреплял и регулировал стяжки. Сильный порыв ветра чуть не сбросил механика вниз, но его спасли страховка и инстинктивно вцепившиеся в металл четыре дополнительных руки.

Дади с облегчением выдохнула. Она задумчиво оглядела палубу под ногами. Её пересекали глубокие и длинные вмятины. Кое-где были наспех заварены дыры. По небу тем времен куда-то торопились редкие облака. Погода упорно портилась.

Дади проснулась еще до первого света. Чуткий сон был прерван копошением уже вставшего механика, который провел ночь в спальном мешке на полу. Он никак не мог смириться с отсутствием кофе на корабле и все еще пытался отыскать на кухне хоть что-то. На свернувшуюся на диванчике паломницу он не обращал внимания. Невыспавшийся и недовольный Дин покинул кают-компанию, что-то ворча себе под нос. Спящая машина была разбужена, раздался навязчивый гул моторов. Следом со стороны мостика прогремела отборная брань.

Мостик был небольшим, с одним креслом для штурмана и достаточным местом для того, кто будет что-то говорить штурману прямо в ухо. Дин сидел скрестив все свои руки и нервно бегая взглядом между несколькими видимыми ему одному мониторами и горящими на приборной панели огоньками.

— Что-то не так, — на этот раз утвердительно сказала Дади, встав рядом с креслом.

— Все не так, — ответил Дин на этот не-вопрос и вздохнул, — целая куча систем дала сбой при запуске Сердца после отдыха. Большая часть придет в себя за час, но сгоревший ретранслятор приказал долго жить, — механик показал в лобовое окно. От верхней части мачты тянулась струйка дыма.

— Это очень плохо?

— Катер отключен от Сети, — ответил Дин, — никакого автопилота. Но я могу идти по приборам. А еще могу проморгать поворот потока и загнать нас в провал. Но выяснять это будем после еды. Кухня все же работает.

Быстро приготовив и съев завтрак, механик, который также работал коком на этом судне, вернулся на мостик. Дади попыталась разбудить учителя для утренней тренировки, но тот упрямо старался не подавать признаков жизни.

Не зная чем себя занять, она решила провести тренировку в одиночестве. Но перед этим еще раз заглянула на мостик. Дин всеми руками держался за всякие рычаги и с весьма сосредоточенным видом следил за россыпью золотых огней на приборной панели, девушку он не заметил. Дади хотела поинтересоваться как идут дела, но наконец заметивший её присутствие механик опередил её:

— Датчик силы потока работает, а в памяти есть карта Магистрала. Потихоньку до порта мы дойдем, — Дин обнадеживающе улыбнулся, — если не случится еще чего разумеется.

— Например пираты? Без доступа к Сети нас могут застать врасплох.

— С доступом тоже могут. Но я давно не слышал о налетах в этих местах. И к тому же, — Дин постучал пальцем по посоху, — для вас они вообще не угроза, верно?

— Пираты — нет. Но тварь, покалечившая этот корабль...

— ...к нему больше не сунется. Мелкие хтоны не рискнут нападать на машину с таким мощным Сердцем, как у нас.

— А те, что побольше?

— О тех, что больше, лучше не думать.

Решив больше не подрывать концентрацию единственного человека, который сейчас может вести катер, Дади отправилась на палубу. Гулявший там ветер напоминал ей о горной вершине, на которой стоял её монастырь. Это помогло сосредоточиться и начать отрабатывать движения с обращенным в меч посохом. От простых ударов она быстро перешла к отработке сложных приемов и связок, работая с проекцией, созданной Призраком для спарринга. Дади рассекала воздух там, где оказывался ей одной видимый противник и уходила от его мнимых атак. Развеваящаяся оранжевая ткань поверх одежды шлейфом тянулась за паломницей в быстром и четком боевом танце. И все это действие, прекрасно видимое с мостика, мешало концентрации Дина ничуть не меньше разговоров о чудовищах.

Закончив тренировку и переведя дыхание, девушка посмотрела вперед, туда куда медленно, но верно двигалось судно. Вместо линии горизонта впереди виднелись лишь смутные очертания бури.

— Дело плохо, — констатировал Дин, — придется садиться, от намагниченной пыли приборы сходят с ума.

Видимость стремительно опустилось до практически нулевой, когда катер пересек порог бури. Дади коротала время в кают-компании и наблюдала, как Дин возился с какой-то деталью, положив голову на кулак и позволив проворным манипуляторам работать с мелкими инструментами. Чем занять себя девушка не знала, даже уединиться для медитации было негде. Так они и сидели за столом. На ум девушке пришло недавнее наставление учителя, звучавшее как “во имя неба, да поболтай ты с ним”.

— Почему без рук? — спросила Дади и работа над столом буквально повисла в воздухе. Дин убрал деталь и манипуляторы в сторону, поднял руки перед собой и несколько раз сжал и разжал ладони. Дади вопросительно подняла бровь.

— Это я попытался пошевелить пальцами по отдельности, — пояснил Дин, — нарушение мелкой моторики, где-то какие-то нервы не сходятся.

— Это твой изъян?

— Да. Отец решил не рисковать с операциями, — Дин помахал своими трехпальными механическими ладошками, — зато у меня теперь четыре полноценных руки вместо двух. Вроде как, я даже в плюсе.

— Мой изъян — глаз, — немного помедлив ответила Дади. — Слепой от рождения. Учитель все же рискнул и дал мне новый.

— Это не просто протез, верно?

— Отнюдь. Он усиливает Связь. Но подключаться к Сети от этого... неприятно.

— Как и говорить об этом?

На этот вопрос девушка отвечать не стала, механик понимающе кивнул и вернулся к своему занятию. Система корабля вскоре потребовала его внимания. Отложив ремонт он вызвал панель управления судном, и тут же нахмурился.

— Буря бушует, мы стоим на месте, а показатель потока стабильно растет. Странно, — Дин еще раз все перепроверил, натянул свои защитные очки, плотно застегнул комбез и замотался шарфом, — что-то творится слева по борту. Пойду посмотрю. Ты со мной?

В ответ девушка щелкнула по воротнику, из которого её голову накрыл жесткий капюшон с прозрачной защитной маской, полностью закрывающей лицо. Они поднялись на палубу и прильнули к ограждению на левом борту. В десятке метров завеса летящей были

становилась совсем непроглядной. Вдали ничего не было видно, но приглядевшись к земле, они оба оторопели.

Железистая пыль и мелкие камни двигались как угодно, только не вслед за ветром, закручиваясь в странных вихрях круглой и спиральной формы. Между завихрениями частицы двигались тонкими длинными струйками, проявляя рисунок магнитных линий, которые сходились вместе где-то за стеной бури. Вихри вползали в поле зрения, становясь все более отчетливыми и даже начали формироваться прямо на палубе, увлекая за собой грязь и мелкий мусор. Дади вновь посмотрела вдаль. Оттуда медленно надвигалась различимая теперь огромная тень, размером с их корабль.

Разглядеть хтона все еще было нельзя, но силуэт выдавал огромную, бугристую и постоянно переваливающуюся через саму себя массу. В шуме ветра её движение казалось совершенно беззвучным.

Через изначальный шок Дади начали прорываться паника и любопытство. Любопытство оказалось на один миг быстрее и девушка, несмотря рывок боли в левом глазу, попытался дотянуться до Связи гиганта. Открывшаяся картина вернула её в оцепенение.

Вместо стены пыли она увидела нечто похожее на стену бурлящей жидкости золотого цвета, даже краски окружающей реальности стали темнее. Бесчисленные скопления Призраков и сгустки данных метались, сталкивались в агонии случайных встреч, словно пузыри в кипящей воде. Некоторые пытались дотянуться то спящего корабля, но общая масса быстро затягивала их обратно. И с каждым движением хтона тянутся им оставалось все меньше и меньше.

Дади чувствовала, как от одного только соприкосновения с таким количеством информации, готовой хлынуть прямо в мозг, её рассудок мутится и собственные мысли выходят из-под контроля. Дин неподвижно стоял рядом, вцепившись руками в леер.

— Смотри! — крикнул механик, стараясь перекричать ветер, — Кажется он остановился!

Тень действительно перестала надвигаться, хотя и продолжала двигаться. В самой её середине начало загораться бесформенное пятно красного цвета, контур которого менялся вслед за силуэтом. Лучи багрового света пронзили густой воздух бури. Пыль и щебень, кружащие наперекор ветру застыли в воздухе, вся палуба начала громко скрипеть. Гигант все еще не издавал ни единого звука, который можно было бы расслышать в шуме ветра.

Красное пятно внезапно окрасилось теплым желтым цветом. Поток пыли вновь пришли в движение, но в обратном направлении. Хтон начал быстро удаляться и вскоре исчез в той буре, из которой явился. Дади и Дин наблюдали за этим в полном исступлении, из которого их вывала пара больших и увесистых ладоней, внезапно опустившаяся на их плечи.

— Похоже этот катерок ему не по вкусу, — успокоил их Андж, поднявшийся на палубу. В ответ на это Дин смог лишь несколько раз открыть и закрыть рот, не произнеся ни слова.

— Да в нем длины метров пятнадцать, мелкий совсем, — успокоил его Монах, — Давайте внутрь, погода отвратная.

Спустя несколько часов буря начала стихать, и катер с отдохнувшим Сердцем тронулся с места. Дин вел корабль неровно, стараясь двигаться как можно быстрее и рискуя угодить в провал. Успокоиться помогла загоревшаяся точка на горизонте — городской маяк уже был в поле зрения, хотя к нему и было не пройти на прямую.

Дади принесла ему в кабину обед.

— До города дойдем без остановок, сида. Уже не далеко.

— Ты в порядке? — Спросила девушка.

— Буду, когда причалим, — ответил Дин, устраивая вилку в руке поудобнее. —

Интересно, был ли это тот же хтон, из-за которого мне пришлось чинить этот катер. Было бы иронично.

Дин наконец поднес вилку с едой ко рту, но остановился и принюхался.

— Ты же сам это готовил.

— Пахнет не этим. Кажется, твой учитель опять курит в кают-компании, хотя в каюте есть вентиляция.

Тут же через Связь Дади услышала призыв спуститься. Андж действительно успел напустить внутри плотный кумар. Жестом он призвал свою ученицу сесть за стол, и сказал:

— Что скажешь, паломница? Путешествия с посохом бывают весьма... нервными, правда?

— Если он станет моим полностью, будет также? — спросила девушка.

— Качественно? Вполне сопоставимо. Количественно? Масштабы будут другие. А что, у тебя уже возникли сомнения?

— Да, — буркнула Дади, — но не из-за этого. Я уже на первом этапе нарушила половину правил. Каковы мои шансы теперь?

— Не знаю, — монах пожал плечами, — смотря во что это все выльется. Впрочем, первый блин, как правило, комом.

— Вы же знали, что этот... блин будет комом? Чтобы это ни значило.

— Обоснованно предполагал.

— И все равно подтолкнули меня это.

— Справедливости ради, дитя, я ни разу не помешал тебе сказать “нет” и просто пойти дальше. Но ты знаешь, что таков уж наш путь — совать свой нос в чужие дела. Будь то дела космоса или дела мирские. И помогать искать путь тем, кто топчется на месте. Что мы и сделали, пусть и коряво. По твоему это плохое начало? — Спросил монах. Дади колебалась, но все таки ответила:

— Да. Пострадали люди. Пострадал город. Я поддалась гневу, — отчиталась Дади. — Возможно я лишь навредила.

— Да уж... — Андж выпустил облако дыма. — Тогда вот мой наказ. Отбрось эти мысли и следи за новостями. Если через месяц-полтора там станет хуже, чем сейчас, тогда я разрешу тебе себя бичевать. А пока готовься. Я связался с Барнолом-Шесть, нас там уже ждут.

Вокруг путеводного огня маяка постепенно возникли и другие, создавая целое созвездие на горизонте. Уже по одному очертанию было видно, что Барнол-Шесть в два, а то и три раза больше своего младшего брата стоящего ниже по Магистрале. Но берущий здесь начало горный хребет, на фоне которого и блестели огни города, ясно давал понять что было не такое уж большое селение.

Первое впечатление Дина было смешанным. С одной стороны, все выглядело вполне знакомым и мало чем отличалось от его родного Барнола-Семь. С другой, всё здесь было больше. На более просторном причале стояли более крупные суда, больше докеров сновали туда-сюда. Улицы выглядели также устало, но здания по их сторонам нависали хвастая

большим числом этажей. Здесь все строилось для жизни без ожидания миграции дальше.

У портовых паломников уже поджидал бот, который должен был доставить их к городскому управлению. Когда компания в него собралась и отправилась в путь, Дин дотянулся до городской сети, серость города вокруг резко озолотилась. Куда он не бросал взгляд, он видел горящие объявления, указатели, новостные экраны, приглашения посетить ближайшую кантину и другие признаки устоявшейся жизни. Он начал просто дотягиваться до всего, что видел и смотреть, что же скрыто в том или ином открытом узле местной сети.

Дади же была не радушно настроена к такому количеству навязчивой информации, левый глаз тут же начал свербеть. Но и она начала тянуться к источникам новостей. И для небольшого города здесь в последнее время случилось довольно много скверного. Вздохнув, девушка оставила попытки с наскока разобраться в местных делах и просто смотрела по сторонам остаток поездки.

— Почти ничего не изменилось... — задумчиво сказала Дади.

— Вы уже здесь бывали, сида? — спросил Дин.

— Несколько раз. Довольно давно.

— Полагаю обходилось без наемников, пожаров и драк?

— Да. Этих проблем не было, — ответила Дади.

— Надеюсь, что после нас они не появятся, — попытался пошутить Дин. Никто, включая него самого, эту попытку не оценил.

Здание местного управления стояло на возвышении и выглядело куда более представительнее, чем вечная временная коробка из Барнола-Семь. Три многоэтажных корпуса с покатыми крышами окружали внутренний двор, украшенный фонарями и настоящим живым деревом, редкие желтые листья которого лениво трепетали на ветру.

В конце двора находился небольшой пирс для ботов, где высадились монахи и их спутник. Там их уже ждал человек, по дороговому шервани, натянутой улыбке, и стоящим рядом охранникам в нем сразу был опознан местный управляющий. Дин, прервав наконец свои блуждания по сети, подметил, что в отличие от его отца, этот управляющий еще сохранил заметные запасы энтузиазма.

— Приветствую, приветствую, приветствую, — громко отчеканил управляющий, поочередно пожимая руки своим гостям, — позвольте представиться, Сурад Ласерн, управляющий этого города, Экумена тому свидетель. Ваши покои уже готовы, если желаете отдохнуть после дороги. Мой кабинет открыт, если вы готовы обсудить дела прямо сейчас. Прошу простить мою поспешность, дело срочное, но решение ваше, почтенные монахи, — управляющий перевел взгляд на Дина, который снова витал в облаках данных, но уже с несколько удивленным видом. — Для вас также приготовлены апартаменты, сати. Но дела я бы хотел обсудить исключительно с паломниками.

Дин почтительно поклонился, давая понять что согласен и вернулся в городскую сеть.

— Как мне сообщили, это ваше паломничество, сида, — обратился управляющей к Дади. — Так куда вас проводить?

Девушка вздрогнула от ожидаемого обращения к себе и ответила:

— Мы готовы вас выслушать...

И тут же через Связь услышала голос учителя:

— Не спеши. Нам нужно помыться и переодеться.

— ...как только приведем себя в порядок.

— Прекрасно! — Воскликнул управляющий. — В таком случае я организую ужин.

Зал для приемов был относительно скромнен. Главным его украшением было панорамное окно с видом на внутренний двор, город и гору, силуэт которой был словно вырезан на полотне вечернего неба. А свидетельством высокого статуса был стол, покрытый настоящей древесиной, пусть и в виде плиты из смолы и опилок.

Дади явилась на трапезу в обычном сари поверх термокостюма. Андж даже перчаток не снял, не говоря уж о смене своего порядком поношенного одеяния. Даром что вытряхнул пыль из жилетки. Старый монах уплетал еду за обе щеки, а Дади просто смотрела в тарелку, копаясь в учебниках по застольному этикету.

— Вы ведь посетили Барнол-Семь по дороге сюда. — Начал разговор Сурад, — Как дела у наших соседей? — Управляющий посмотрел на Дади, дав понять что обращается к ней, и вернулся к еде.

— Лучше, надеюсь. Были проблемы с обеспечением безопасности. Я помогла их решить.

— А вы, — обратился управляющий к старому монаху, — помогли с экономическими противоречиями?

— Я лишь дал пару советов паре людей, — ответил Андж. — Насколько я могу судить, эти самые люди смогли извлечь из них пользу.

— Насколько могу судить я, — продолжил Сурад, — так и есть. Теперь город может замкнуть транспортный маршрут с севера на юг, что может обогатить весь Восточный Край. Я бы сказал это хорошие новости.

— А как же закон? — Поинтересовалась Дади.

— Вы о смене подданства? Бросьте, сида, наш край слишком беден при любом руководстве, чтобы отказаться от торговли. Вы поступили мудро, открыв путь большим переменам столь малой кровью. Несколько рабочих мест — это ведь не большая потеря, верно?

От слов управляющего девушка заметалась, а её учитель наострил уши, хотя и продолжал уплетать еду. Все ждали её ответа.

— Пожалуй, вы правы. — Ответила Дади, не зная что еще сказать.

Управляющий отложил столовые приборы и промочил горло чаем.

— Но боюсь в моем случае подобные жертвы неприемлемы. И я надеюсь что вы будете держать это в уме.

Управляющий встал из-за стола и подошел к окну.

— Если вы смотрели последние новости в городской сети, то знаете, что на носу выборы, а во вверенном мне городе бардак. И буду откровенен, я был бы не против сохранить должность. — Управляющий принялся ходить из стороны в сторону, держа руки за спиной. — Из всех настоящих бед я хочу обратить ваше внимание на три. Во-первых, я потерял несколько кораблей. Никто не станет возить грузы в город, где корабли могут исчезать без следа. Во-вторых, я потерял связь с близлежащим монастырем. А без его поддержки управление регионом станет затруднительным для всех. И, в-третьих... я потерял сына. Рам Ласерн исчез несколько недель назад.

Управляющий медленно подошел обратно к столу.

— Проблема не в ресурсах, ими я располагаю и готов поделиться. Проблема в информации. Мой вопрос — объединяет ли что-то пропажу моего сына, кораблей и связи с

монастырем? У меня есть подозрения, но подтвердить их я не могу. Поэтому, от имени народа города Барнол-Шесть, службы Барнола-Семь, я прошу знания — помогите найти ответ.

Сурад остановился позади своего кресла и оперся на него.

— Сейчас я вас оставлю и распоряжусь подать десерт, если хотите...

— Хотим, — подтвердил Андж.

— ...и вы сможете обсудить ваше решение.

Сурад покинул зал приемов. Как только двери закрылись, старый монах прекратить есть.

— Твои мысли, дитя?

— Он разочарован. Он хотел, чтобы здесь оказалась не я. Но на других монахов у него надежды нет.

— Верно, — согласился Андж, вынимая из пояса трубку от своего курительного агрегата.

— Он схитрил. Придется решить все три задачи. Тогда станет ясно, что их связывает.

— Это называется “политика”, привыкай, — сказал учитель, включая прибор на поясе и затягиваясь полной грудью. — Все еще хочешь играть по правилам, дитя?

— Да. Нужно все сделать правильно. Хоть раз, — Дади опустила голову на руки. — Значит я влипла?

— По уши, дитя. По уши.

Андж дожидался своих спутников сидя на краю пирса во дворе и задумчиво пуская дым. Он полностью погрузился в изучение записей общения с монастырем. Обнаруженному в них он был не рад. От раздумий его отвлекли Дади и Дин, наконец вышедшие из здания. Монах сразу отправил изучаемые документы своей ученице.

— Взгляни. Что ты видишь? — Спросил он не оборачиваясь. Дади простояла несколько секунд с закрытыми глазами, погрузившись в скоростное чтение.

— Все шло как обычно. Несколько недель назад что-то изменилось. Сообщения стали короче. Постоянные отказы. Обрывы связи. И запрет на проход судов по территории монастыря. Все в радиусе нескольких десятков километров от него будет принудительно отключено от Сети. Или хуже.

— Чтонибудь еще?

— В последнее время с внешним миром общался только настоятель.

— Или нет? — Спросил монах, поворачивая голову. — Ты не заметила отклонений в паттернах речи?

— Нет учитель.

— И я не сразу заметил, — Андж выпустил очередное облако дыма и встал. — Я попытался потолковать с настоятелем, но толку никакого. Надо бы лично там поприсутствовать, поэтому я отправляюсь в монастырь. С остальным разбирайтесь пока без меня.

— А как же запрет на проход судов?

— Так я пешком, — монах был серьезен, он похлопал по одной из двух больших бутылей воды, прикрепленных к поясу. — Немного самостоятельности тебе не повредит, дитя. И еще кое-что.

Андж повернулся к Дину. Тот получил уведомление и проверил свой карма-счет. Глаза

механика округлились под стать нулям в сумме перевода.

— Это за переход и на ремонт. Доплачу сверх того, если ты не станешь бороться с какими-нибудь угнетателями, на это правда нет времени.

Дин благодарно поклонился в ответ. Монах попросился с подопечными, вскинул массивный посох на мощное плечо и прытко зашагал в сторону горы. Дади проводила учителя взглядом, чувствуя себя все более потерянной с каждым его шагом.

— Я отправляюсь в док, — сказал Дин. — Здесь работает один из моих сетевых наставников. Я уже договорился о подработке и помощи с ремонтом.

— Так вот где ты витал вчера.

— Именно. Дайте знать если понадобится, — Дин хлопнул девушку по плечу и также двинулся прочь.

— Надин-сати... — окликнула его Дади, когда тот прошел с десятков шагов.

— Да?

— Хотя... — девушка замялась. — Нет, ничего. Учитель прав. Я должна сделать все сама.

Механик пожал плечами, пожелал ей удачи, и зашагал прочь.

Дин пытался одновременно двигаться неспешно, чтобы рассмотреть получше суда в порту, и поторапливаться, чтобы встретиться со своим наставником по скорее. Глядя во все глаза на дюжину кораблей, погрузочные машины, слушая шум непрерывных и разнообразных работ, увидев стену огромного по меркам Края дока, служившую фоном этого индустриального пейзажа, Дин понимал, насколько условным было его звание главы портовой службы в родном городе.

Своего наставника, найденного в порту по путеводному блеску идеально выбритой головы, Дин застал за работой. Он сидел на табуретке, ковыряясь руками и двумя манипуляторами в каком-то механизме, а еще четырем — в огромном снятом двигателе за спиной.

— Санам-сид? У меня тонны вопросов! — пропищал Дин, ритмично приподнимаясь на носках. Он начала загибать пальцы на механических ладонях, — калибровка мачт, резонансные мощности, коммутация двигателей... — Дин замер на миг, разглядывая собственные механические ладони. — Как вы программируете манипуляторы?

— Один вопрос за раз, Надин-сати, — Мастер посмотрел на него поверх увеличительных очков и улыбнулся, давая понять что не задет юношеской бестактностью. — И руки у меня пока заняты. Все до единой.

— Х-хорошо, тогда я...

— Можешь подождать вон там, — Санам показал на крохотную раменную, прильнувшую к стене доков. — Я скоро здесь закончу.

— А там варят кофе?

— Отменный. Возьми на двоих и скажи что угощаю. Не кормить же друг друга опытом в сухомятку, верно?

— Верно! — Ответил Дин. Сделав два шага он остановился и обернулся. — Стоп, вы сказали друг друга?

— Конечно, — ответил Санам и посмотрел на своего гостя через плечо, — кое-чему я бы сам у тебя научился.

Перешагнув границу города, Андж остановился, устремив свой взгляд на черный горный пик.

Свой массивный посох он закрепил на спине, придав ему почти вдвое меньший размер. Затем он залпом осушил большую бутылку воды, которую взял с собой и сделал глубокий вдох. Минуту он стоял на месте, прислушиваясь к ощущениям. Холодная вода растеклась по рукам, ногам и спине, напитывая внушительные мышцы. По всему нутру начались реакции, монах чувствовал как он целиком прогревается изнутри, как преобразается и бежит по сосудам свежая жидкость, отводя лишний жар. Андж улыбнулся и выдохнул облако теплого пара.

Монах взял низкий старт, и его грузное тело начало плавный разгон. Каждый его следующий шаг был быстрее предыдущего, он без видимых усилий достиг предела доступной человеку скорости. И также легко его преодолел, набрав скорость идущего на полном ходу здорового судна.

Позволив телу двигаться самостоятельно, Андж задал ему курс на монастырь и погрузился в расчеты.

Дади вернулась в свои покои. Устроившись на полу поудобнее, она закрыла глаза и погрузилась в свой отгороженный надел в Сети. Темнота закрытых век стала пространством. Пространство заполнилось золотыми отражениями разных вещей, связанных паутиной той же краски. Изображения, звукозаписи, свернутые тексты — среди всего этого девушка потянулась к записям от учителя. И Рам Ласерн начать проживать свою жизнь перед её взором.

Вот он рожден в одной из богатейших семей Восточного Края. Он обременен серьезным изъяном, из-за которого его руки невероятно слабы, но его спасает богатство фамилии.

Вот он стоит среди сверстников в своей первой школе. Стоит впереди всех, твердо и прямо, с руками закованными в экзоскелет такой тонкой работы, что его искусственные мышцы идеально дополняли настоящие, создавая очертания здоровой плоти.

Вот он в черном медицинском халате, среди уже старших товарищей, изучающих врачевание в монастыре. Среди монахов и школяров он выглядит куда счастливее, чем среди еще не окончивших школу одноклассников.

Вот он стоит в порту среди докеров, как и все вокруг небритый, хоть и в деловой одежде. Коллектив работяг принял нового руководителя портовой службы.

И вот его нет. Записи допросов друзей и знакомых вторят друг другу, говорят про безоблачность былого и смутность настоящего. Лишь с отцом у Рама был открытый конфликт. Сурад хотел наследника для своей маленькой уездной империи, и, толкая сына на этот путь, с годами встречал все большее сопротивление.

Дади понимала, что ни один из увиденных портретов не был полным, и искать нужно нечто, чего на них нет. Девушка вызвала перед собой список всех доступных людей, с кем был связан Рам. Таких было немного, большинство либо давно покинуло город, либо оставалось в закрытом ныне монастыре.

Школьная наставница Рама была первой, с кем у того сформировалась хоть какая-то связь вне семьи, Дади решила начать с неё. Девушка вновь изучила записи её допросов, и подготовила вопросы, задать которые сыщики не додумались или не успели. Она быстро прошла по основам риторики и софистики, которым сама обучалась в монастыре. Очистив свое пространство от всего лишнего, сделав пару глубоких вдохов и убедив себя, что она

сможет продуктивно поговорить, девушка потянулась через Сеть. По прямому маршруту это было легко, даже нагрузки на глаз практически не было.

— Да? — сказал уставший женский голос. Вслед за голосом в пространстве Дади возник и образ утомленной учительницы с немолодым лицом и недорогим одеянием.

— Здравствуйте, сида, — ответила Дади, когда связь была установлена, — я бы, — девушка сглотнула и продолжила говорить все еще неуверенным голосом, — я бы хотела поговорить о вашем ученике.

Её собеседница тяжело вздохнула.

— Рам? Опять? Я все уже рассказала. Мне добавить нечего, до свидания.

— Но... — Дади начала судорожно перебирать составленные ранее вопросы.

— Вы из монахов? — спросила учительница.

— Да, я...

— Тогда мне добавить совсем нечего, прощайте.

Связь оборвалась. Дади открыла глаза, большая часть дня уже была позади.

Дади встала, чтобы размяться. Вместе с кровью по телу начало циркулировать разочарование. Пару минут девушка пыталась понять, в чем же она ошиблась при разговоре. Так и не докопавшись до проблемы, она решила попытаться поговорить с другими знакомыми Рама. Но сразу передумала — раз Сеть помнит все, то и с людьми общаться, возможно, ни к чему.

Левый глаз Дади заныл от одной мысли о довольно глубоком погружении, но с этой болью она уже свыклась. Девушка вернулась в свое личное пространство и очистила его от всего, кроме начальной точки входа в городскую сеть, горевшей крошечным золотым солнцем в полной черноте. Девушка потянулась к свету, боль дернула глаз и она очутилась в Сети.

В начале было темно. Дади подумала о своих ногах и мнимые стопы. Затем она заставила бесконечную плоскость расстелиться в пустоте от горизонта до горизонта. Девушка опустила на него свои стопы, обрела ощущение опоры и чувство направления. Затем она мыслью сотворила себе мнимые руки — простой образ привычной ладони о пяти пальцах невероятно помогал работать. Глаз Дади стал свербеть сильнее, но это чувство якорем держало её в собственном теле, несмотря на все что она сейчас якобы видела и ощущала.

В пространстве вокруг отразился город. По нитям его сетевой инкарнации сновали бесчисленные призраки. Одни молча несли свой груз данных, другие ждали когда к ним обратятся с запросом, третьи сами зазывали Дади. Девушка оттолкнулась от безграничного “пола” и взлетела вверх, чтобы оглядеть город с высоты. Запутанная городская сеть выглядела лишь рядовым узелком на еще большем плетении, нити которого были украшены гирляндами из множества таких узлов. Плетение бесконечно тянулось вперед, во мрак, и вдаль терялась из виду. Позади виднелись лишь несколько крайних узлов и зияющая пустота там, где сиял монастырь Калат всего несколько дней назад.

Девушка вызвала призрака-проводника и проследовала за ним к отражению системы городского порта. В данных открытых узлов её натренированный ум подмечал незначительные искажения форм и движений, выдающих наличие скрытого массива. Найдя подходящего призрака, Дади схватила его в свои мнимые руки и начала мысленно зачитывать ему код-мантру. Пока маленький клубок алгоритмов обвивался строками кода,

боль в глазу усиливалась.

Как только призрак был приручен и отпущен, он начал метаться от узла к узлу, передавая сородичам мантру, читать которую девушка не прекращала. Наконец они указали ей на нужный узел. Дади подплыла к нему, сжала его меж своих мнимых ладоней и начала одновременно с первым зачитывать в уме и второй, более сложный код. Когда обе мантры зазвучали в её сознании в унисон, тупая боль пробила её левый висок и вязкой массой начала расползаться по голове. Девушка развела руки в стороны и окружающая Сеть пришла в движение. Похожий на точку узел, к которому её привел проводник, начал стремительно вздвигаться, расталкивая все вокруг и заполняя пространство растущим и плотным облаком скрытых и сплетенных друг с другом обрывков данных.

Дади провела несколько подчиненных ей призраков внутрь узла, чтобы те дальше распространяли её код и продолжали поиски. Следы Рама были повсюду, призраки вылавливали записи с камер, письма, разговоры. След привел её к еще одному узлу, который предстояло раскрыть. Дади начала чтение уже третьей код-мантры, подводя свое сознание к пределу. Она притянула узел к себе, раскрыла его. Вновь все вокруг зашевелилось и вновь боль стала на порядок сильнее.

На этот раз все закружилось беспорядочно, девушке едва хватало контроля, чтобы удерживать Сеть целой, множество призраков — подчиненным, а свое присутствие — незримым. Свободным от чтения кодов остатком сознания Дади стала принимать приносимые ей данные. Она дала команду отбросить все, что не касается пропавших кораблей и Рама. Просеянная информация оказалась куда более скудной, и девушка просто проследила за тем, откуда её приносят. И среди маршрутов она увидела пару едва заметных нитей, ведущих к совсем другой системе, самой важной для города. Где-то далеко её тело нервно сглотнуло.

Пять сфер в которых были заключены подвижные правильные многогранники, покоились на отдельном золотом облаке данных — то были пять больших питающих город Сердец. Дади оказалась у отражения городской силовой установки, обеспечивающей привычную жизнь в этом, и любом другом городе. И уже начала раскрывать этот узел, но остановилась едва разомкнув ладони.

Голова раскалывалась, думать было почти не возможно, а сколько узлов вглубь еще предстоит пройти девушка не знала. Желанный уголок сети, в котором хранился ответ, был буквально у неё в руках, но даже это расстояние могло быть непреодолимым. Девушка окинула взглядом городскую сеть, которая медленно скатывалась в хаос — движение данных было не ритмичным и рваным, тут и там вспыхивали алые огни и каждая следующая секунда сулила сбой Системы. Паломница сжала ладони. Остаток концентрации она потратила на то, чтобы придать окружающей Сети изначальный вид, стереть свидетельства своего визита и отпустить призраков прочь. А затем позволила боли заново втянуть разум обратно в тело.

Дади открыла настоящие глаза и вытерла слезы рукой из плоти и крови. Она едва не выпустила свой Недуг в чужом доме.

Монах и его Ученица II

Безоблачной ночью на заснеженных горных склонах было светло как днем. Полная луна только начала поворачиваться своим багровым боком. Её полумесяц был теперь наполовину красным и его на краю красовалась неглубокая вмятина — малая луна только начала вползать на свое место между планетой и своей старшей сестрой. Этот вид вызывал у старого монаха тревогу.

Тело Анджа со все той же нечеловеческой скоростью несло по камням и сугробам, пока умом он тщетно пытался общаться с монастырем. Он бы уже мог скользить по нитям монастырской сети, но хотел увидеть все как есть, не поднимая лишнего шума раньше времени.

В очередной раз поругавшись с болванчиком, который встречал и выпроваживал всех желающих связаться с монастырем, Андж окончательно бросил попытки что-то у него выведать. Монах полностью вернулся к яви. Руки и ноги прекрасно справлялись с бегом самостоятельно, поэтому он взял контроль лишь над своей головой, чтобы осмотреться.

Оказавшись на краю очередного перевала Андж наконец-то увидел монастырь. Здание было встроено прямо в тело горы, органично дополняя её формы словно недостающая деталь мозаики. Поднимаясь по склону, хаотичные рельеф сменялся рукотворными прямыми линиями, которыми архитектор природы никогда не пользуется. Тенями от многочисленных фонарей были очерчены формы ярусов, стен и крыш. Даже Астрограф в виде огромного металлического цветка лотоса, на каждом лепестке которого можно было построить дом, выглядел здесь как выросший и расцветший самостоятельно.

Главные ворота выходили на спуск в долину. Тело монаха остановилось прямо перед ними, закончив наконец движение по проложенному маршруту. По общедоступной связи Андж запросил проход у систем безопасности и получил ожидаемый отказ. Тогда он залпом выпил остаток воды и присел на корточки, дожидаясь когда тело вновь приготовится к сверхнагрузке: раз он не мог войти в монастырь просто, как мирянин, то ему оставалось войти более эффектно. И даже немного расстроился, что никто этого не увидит.

Из-под воротника и каждой прорехи в одеждах монах истекал густыми струями пара. Он шагал по внутреннему двору не обращая внимания на назойливых монастырских призраков, пытающихся выпытать у пришельца имя и цель визита. Тишину яви нарушал лишь резвящийся вихрями ветер.

Преодолевая ярус за ярусом на пути к Астрографу, Андж подмечал знаки того, что монастырь опустел не так уж давно: снега на дорожках скопилось немного, в освещенных окнах то и дело виднелись ещё живые растения, сетевые терминалы работали как положено.

Оказавшись подле циклопического железного бутона монах все же рискнул глубже заглянуть в местную сеть. Все ещё стараясь не выдать свое присутствие, он прошел через доступный терминал, натянув на себя личину попавшегося под руку призрака.

Астрограф работал исправно, собирая и транслируя астрономические данные, необходимые для навигации, и обеспечивая доступ в Сеть всем привязанным городам вокруг. И здесь было средоточие той иллюзии, с которой сталкивались все пытающиеся связаться с монастырем последнее время. Сетевое отражение Астрографа было словно

покрыто болезненными наростами, его покрывали скопища привязанных друг к другу призраков, даже целых подвижных узлов. Грубо собранные, но все же сложнейшие алгоритмы исправно имитировали людей. Изощреннее остальных была имитация настоятеля, скрепляющая всю конструкцию воедино.

Монах и до этого заметил, что эта подделка даже слишком хорошо отображала оригинал. И взглянул на неё воочию окончательно убедился в том, что достигнуто это было самым жестоким способом и его худшие опасения подтвердились.

Монах вошел и включил свет. Скользнувший в открытые двери воздух привел в движение пыль. Изнутри церемониальный зал Астрографа выглядел как огромная грудная клетка с металлическими арками-ребрами, обтянутыми железной кожей. По периметру круглого помещения располагались кресла для медитации, стоячие фонари и скульптуры. С некоторых арок висели гобелены, с других — связки кабелей. Где-то в дальнем конце помещения притаилась маленькая дверь, ведущая в аппаратную на этаже выше. Но самое важное находилось в самом центре зала.

Купель собой являла полусферу диаметром в метр, обращенную плоскостью вверх и установленную на опору. В середине плоскости находилось продолговатое углубление, в которое поместилось бы человеческое дитя. Но вместо ребенка в Купели лежал странный контейнер, толстыми проводами подключенный к машине.

Андж аккуратно снял с контейнера крышку. Внутри в питательной смеси покоился человеческий мозг, в тканях которого поддерживалась подобие жизни. На полу рядом виднелись пятна запекшейся крови. Глядя на останки настоятеля, монах лишь посетовал что не сможет доиграть с ним партию в Ур.

Не имея больше причин откладывать свое погружение, Андж нырнул в Сеть. Десятки код-мантр в его сознании сливались в нечто однородное, похожее на простое “Ом”. Один за другим он выправлял и ставил на свое место узлы, разрушая иллюзию жизни в монастыре и приводя все на штатную автоматику. Приведя систему в здоровое состояние, монах совершил рывок в узел Информария. Он обнаружил себя в окружении прочерченных в пустоте линий орбит, по которым плавно двигались все сто восемь небесных тел солнечной системы. Между ними покоились туманности из чисел, текстов и нитей, ведущих в Сеть.

Андж так сместил весь конструкт, что принадлежащая людям четвертая от светила планета оказалась в центре и всё теперь оборачивалось вокруг неё. Даже луны все время маячили в поле зрения. Монах начал отматывать данные, и движение сфер повернулось вспять. И с каждым перемотанным днем скольжение становилось все более рваным, множились сообщения об отсутствующих записях и ошибках — накопленные знания уничтожались словно сами по себе. Но монаха не интересовали глубины веков, лишь последние несколько месяцев, которые успел сохранить, прежде чем система очистилась полностью. Монах оказался в полной пустоте.

И в полной уверенности, что в этой пустоте он был сейчас не один.

Пыльная явь церемониального зала встретила монаха гробовой тишиной. Потратив ещё немного времени и вернув системе Астрографа какую-никакую работоспособность. Весь этот спектакль был разыгран с одной целью — тянуть время. Монах пытался рассчитать на сколько он отставал — недели, месяцы, может годы? Андж быстро отбросил эти рассуждения, поняв что правильным ответом будет “достаточно”.

Монах стал неспешно прогуливаться по монастырю. Потеряв все записи о здешней

жизни до запустения, он просто смотрел по сторонам и пользовался своей дедукцией. Дойдя до трапезной и увидев немного неубранной посуды на столах, что уже расценивалось как вопиющий бардак, он окончательно убедился в одном — монастырь был покинут в спешке, и, судя по всему, под руководством настоятеля.

Пользуясь отсутствием свидетелей, Андж снова раскурил свой агрегат, принялся пополнять запасы воды и чего-нибудь вкусного, если найдется. Пока тело выполняло заданные команды, разум монаха целиком был отдан расчетам. Не прошло и часа с момента наведения порядка в местной системе, как сюда посыпались сообщения от других монастырей и городских глав, жаждущих ясности. Андж быстро вводил в курс дела тех, кого счел нужным, и взамен собирал информацию. Записи нескольких Астрографов, собранные воедино, позволили ему выйти на след кораблей, на которых из монастыря был совершен исход.

Закончив с расчетами, Андж направил свой взор назад. Сеть Барнола-Шесть просто сочилась новостями, и, сложив два и два, он увидел картину недалекого и беспокойного грядущего, среди которого окажется его ученица. И лишь мысль о несостоятельности собственных предсказаний странным образом утешала.

Когда монах закончил свои раздумья, его тело уже стояло за главными воротами, с парой десятков литров воды, небольшим запасом сыра и бутылкой вина. А разум сделал выбор из двух зол. Крепя сердце, он залпом выпил несколько литров и начал спуск в долину, на запад, полный решимости продолжить свою долгую игру в прятки и салки.

Все утро Дади пыталась отделаться от навязчивых мыслей, от всплывающих в памяти уроков, которые ей доселе не помогли, от тревожного ожидания вестей от учителя. Лишь тренировка помогла заглушить шум в голове и сосредоточиться на предстоящем деле — опросе людей в порту. Для начала девушка решила прибегнуть к вопросам простым и прямолинейным, под стать опрашиваемым. Но прибыв на место опять застопорилась, не зная с чего начать.

Цепь рассуждений наконец привела паломницу в портовую столовую, в которой, вслед за множеством людей, должно оседать и множество историй. Когда она вошла внутрь и демонстративно стукнула посохом по полу, тишина раскатилась по шумному помещению, как круг по воде. Без лишних вступлений, которые ей всё равно не удавались, Дади попросила собравшихся поведать о сыне управляющего. Из рассказов местных она узнала мало того, чего нельзя было почерпнуть из записей — Рам просто исчез несколько недель назад, а его место по общему избранию занял Санам, самый уважаемый мастер в портовой службе.

Тогда Дади начала расспрашивать людей о другом — когда и почему отец и сын перестали ладить? На это докеры стали отвечать с заметно меньшей охотой. В рассказах то и дело всплывала какая-то грязная история. Замешан в ней был близлежащий к городу монастырь, поэтому к монахам в здешнем порту относились с несколько меньшим почтением, чем в округе. Хотя для Дади многие все же дали исключение, так как не могли держать зла на совсем еще молодую, едва сдерживающую волнение паломницу.

Блуждая по порту и Сети Дади теперь пыталась собрать по крупицам информацию о происшествии, но зашла в тупик. Незадолго до назначения Рама главой порта пару лет назад, из этого самого порта пропал корабль с целым экипажем. Судно найдено не было, никто из людей не вернулся. А почти вся информация стерта, не иначе как усилиями монастыря.

Здесь остались личные дела рабочих и техническая документация судна, включающая и его имя — Наава. С тех портовой службе и городскому управлению стало вместе неуютно, но к и те и другие охладели к ближайшему монастырю и его обитателям.

Через несколько часов Дади заметила, что обрела определенную популярность. Она то и дело упоминалась в разговорах в местной сети, но это тема была лишь второй среди самых обсуждаемых. Только сейчас девушка заметила, что все вокруг, и в сети и в яви, говорят только о выступлении городского главы этим вечером. Сурад хотел получить голоса, а докеры — ответы, но обеим сторонам дорогу перекрывал застарелый конфликт, готовый вспыхнуть с новой силой.

Порядком вымотавшись от разговоров и забив голову новыми сведениями, Дади отправилась в столовую пообедать и восстановить силы. В относительном одиночестве за стойкой, она начала отходить от непривычно обильного общения. Собратья законченную мозаику и собранных за пол дня кусочков она не смогла. Но момент ясности все же пришел, девушка поняла что и где ей дальше искать. Она позволила себе щепотку гордости, впервые в жизни поговорив с таким количеством незнакомых людей за один день. И сразу расстроилась, ведь это оказалось совершенно необязательно.

Абсолютно не выспавшийся от волнения Дин выжидал своего наставника у входа в док, у той самой забегаловки с отменным кофе. И, когда Санам наконец-то появился, встретил его с парой кружек бодрящего напитка.

— Прощу прощения, задержался в офисе. Приходится перебирать документы в довесок к моторам, — сходу извинился Санам, приняв рукопожатие. — Всего месяц в должности главы и уже хочу сам себя разжаловать.

— Прекрасно понимаю, сид. Я сам это ненавижу, приходилось тратить по два часа в неделю. Вот, надеюсь это смоет вкус бюрократии, — ответил Дин, протягивая кофе. — Итак, чем мы займемся сегодня?

— Ты же здесь ненадолго, верно?

— Да, у меня контракт на перевозку пассажиров, — сказал Дин, отхлебнул кофе и многозначительно кивнул. — Пары монахов, — механик ещё раз кивнул и многозначительно отхлебнул из кружки.

— Серьезные клиенты, поздравляю, — Санам наконец-то открыл встроенную в ворота дверь и оба вошли.

Такого Дин не видел в жизни никогда. В огромном помещении в ряд стояли целых пять кораблей. Первым был отогнанный сюда катер Дина. Остальные четыре были заметно больше. Лишь у одного, поставленного у самой дальней стены он заметил характерные внешние повреждения — судно явно столкнулось с хтоном.

— Раз времени немного, — заговорил Санам не будучи в полной уверенности, что его сейчас слушают, — то мы поглядим на этих бедняг. Посмотрим, что ты можешь сделать для нас. И что мы можем сделать для тебя.

— Да... — Дин продолжал зондировать док взглядом и слушал наставника в пол уха, пока тот что-то говорил о предоставлении технического доступа к кораблям и прочих формальностях. — Так с чего начнем? — наконец спросил он.

— Для начала освободим дорогу.

Зазевавшийся Дин не сразу понял что имелось в виду, и лишь посмотрев назад увидел, как через полностью открывшиеся ворота заталкивали транспортер, нагруженный большим

двигателем. Он отскочил в сторону, но запнулся и выронил свою кружку кофе.

— Только не роняй настрой, — Санам хлопнул своего подшефного по плечу. — Начинай пока работать с этим движком. Я подключусь позже.

Глядя на свое отражение в коричневой луже Дин от чего-то занервничал.

Глава портовой службы был неуловим в своей занятости, но по разговорам в сети Дади все же смогла его отыскать на краю порта. Санам дал ясно понять, что его время ограничено и несколько минут на разговоры у него есть пока они вдвоем будут идти до доков.

— Нынешний конфликт с управляющим. В чем его повод? — спросила Дади.

— Разве не очевидно? Люди хотят человеческих условий, а им в этом отказывают, — снисходительно ответил Санам.

— Это очевидно для рабочих. И это причина. Не повод.

— Не думаю, что многих заботит разница. Но даже если и так, чем вы можете нам помочь?

— Пока не знаю. Но вы знаете.

— Услуга за услугу значит?

— Это не услуга, — смутилась девушка. — Это служба.

— Рад, что вы так к этому относитесь, но все же...

Глава порта смерил девушку взглядом, взвешивая “за” и “против”. Пусть доверие к монахам в этих местах и подорвано, вера в их власть осталась не тронута. Странный блеск левого глаза паломницы, лишней раз напомнил главе порта, что не стоит обманываться безобидным лицом собеседницы.

— Ладно, я готов поделиться, если это останется между нами.

— Согласна.

— Экумена тому свидетель, сида, спасибо, — Санам был рад услышать такой ответ и замедлил свой шаг, — на самом деле все здесь, включая меня, рискуют быть просто выброшенными. И руководство порта, включая меня, старается простых работяг в это не посвящать. Уже несколько лет Сурад тихо и по кусочку выкупает власть над портом у Гильдии Судоходства. И не бодайся он с домом Хинан, скупил бы уже все. Когда будет продано достаточно, здесь наведут новые порядки в угоду личным интересам управляющего. С устранением неугодных, разумеется. Управляющий хочет нашей лояльности, мы хотим гарантий его ответственности, и никто не хочет уступать. А ведь это порт нужен нам всем.

— Тогда к чему секретность?

— Наша задача, — Санам крепко сжал все свои восемь кулаков перед собой, — крепко держаться за свой стул. Но не сломать его. Люди уже готовы на многое, даже больше, чем нужно.

— Это опасно. Кто-то может сорваться. И испортить все того не желая, — на этих словах девушка сжала посох покрепче, чтобы справиться с волнением. К счастью, перчатки скрывали её побелевшие костяшки. — Если вы не справитесь? Если потеряете контроль?

— Тогда конец настанет быстрее, — вздохнул глава порта.

— Рам знал об этом, — рассудила Дади. — Он мог пропасть из-за этого? Может назло отцу? Можно дом Хинан замешан?

— Быть может на все три вопроса можно ответить “да”. Но большего я не скажу, простите.

— Позвольте помочь, — настояла Дади. — Другой монастырь уже вмешался. Это

кончилось плохо. Я хочу восстановить равновесие.

Глава порта окинул свои владения взглядом. Погрузка и разгрузка, швартовка и отчаливание, ремонт и сборка, люди и машины: всё вокруг двигалось, выглядело и звучало как единый организм, путь и подточенный болезнью. Погромы и жертвы в этой картине всегда были для Санама неприемлемы.

— Я ценю ваше рвение, но нет. Не думаю, что этот клин можно выбить клином. Прошу извинить.

Глава портовой службы удалился, оставив Дади в одиночестве.

Дуэт многоруких технарей оплетал лежащий на погрузчике двигатель тросами и кабелями, закрепленными на борту судна в центре дока. Убедившись, что агрегат подключен и работает, Санам поручил своему подмастерью провести диагностику и приподнять корабль. Дин жестом обозначил принятие указаний и получение доступа к оборудованию подъемника.

— Мне нужно отлучиться. Я пришлю ребят, которые помогут с установкой. А заодно закажу работы для твоего катера. Итак, — Санам снял очки и натянул деловое лицо, — чего хочет наш клиент?

— Первичный ремонт корпуса, замена ретранслятора, — перечислял Дин, почесывая подбородок и оценивая бюджет, — усилить крепление заднего левого двигателя.

Санам принял заказ и отправился по своим делам.

Работа шла гладко. Дин аккуратно поднял опоры подъемника, докеры в грузовых экзоскелетах поставили двигатель на его законное место рядом с днищем, и механик проворно заглянул тросы и заварил крепления, после чего благословил мишину дав ей пинка. Двигатель отозвался ровным мурлыканьем.

— Сколько тебе лет, сати? — спросил глава порта, вернувшийся в док, пока Дин любовался результатами своего труда, — опыта у тебя явно не по годам.

— Я, ну-у-у, занимаюсь этим почти с пеленок... так что... — Дин был настолько польщен, что начал терять дар речи.

— Насладишься лестью позже, нужно ещё поставить второй движок. Кстати, про твой катер? У него есть имя? В документах только гильдейские номера.

— Он был списан и теперь безымянный.

— Я могу дернуть пару ниточек в Гильдии Судостроения и мы это быстро исправим. Подумай об этом. И о карьере. Твоему таланту здесь точно найдется место.

Дин не знал, что ответить на такое предложение. Он просто стоял подле человека, знаниями которого он проторил себе дорогу по жизни. И в голове все было затянуто легкой дымкой.

Дади вернулась в столовую и вновь приступила к расчетам. Изначальный план был прост — добраться то того, кто может добраться до нужного узла через портовую сеть. Главная загвоздка в том, Санам мог с чистой совестью проигнорировать как существование узла, так и ведущей к нему нити. По этому оставалось договариваться, и первая попытка оказалась провальной. Новая надежда пришла вместе с вестями от учителя и одним простым советом — сделай что должно. А также с предупреждением, что он исчезнет из Сети на некоторое время.

Ближе к вечеру в порту начали собираться освободившиеся докеры, доступные экипажи

приписанных здесь кораблей, и те кого, смогли привести с собой первые и вторые. Число людей вполне могло считаться толпой, от чего Дади сделалось более неуютно, чем обычно. За мероприятием она следила устроившись снаружи столовой, откуда открывался неплохой вид на происходящее, и напевая знакомую мелодию себе под нос.

Рабочие устраивались поудобнее. Передние ряды усаживались на ящики и принесенные стулья, задние ни них же стояли. Некоторые даже облачились в грузовые экзоскелеты и усаживали товарищей себе на плечи. Но были и те кто держался поодаль, стоя на причалах небольшими группами, что-то обсуждая. Дади никак не могла решить, за кем нужно следить пристальнее.

Тем временем, через главные ворота прошел довольно крупный бот, вставший рядом с воротами так, чтобы без лишних маневров покинуть это место. Из бота выгрузились два человека в боевых экзоскелетах с необходимым набором средств для разгона толпы. Бойцы вынесли с собой большой черный ящик и установили его напротив рабочих, а сами встали по его бокам подобно статуям. Получив команду, ящик пришел в движение и самостоятельно вывернулся наизнанку, превратившись в довольно высокую трибуну с акустической системой.

Когда все было подготовлено, в сопровождении ещё двух легко оснащенных охранников из бота выбрался сам Сурад Ласерн. Он занял свое место на трибуне, поднял руку и докеры замолкли.

Сурад поприветствовал публику и зачитал простую речь. Начал он с рассказа о суровости жизни Краев, продолжил абзацем о необходимости неприятных мер и как вреден для всех дом Хинан, и закончил обещаниями лучшего будущего в случае переизбрания покорного народного слуги. Дади тем временем наблюдала. В позах людей она читала напряжение. И более всех напрягался Санам, занявший стоячее место сразу за первым рядами. На мгновение взгляды паломницы и главы порта встретились.

Когда управляющий перешел к вопросам от слушателей, обстановка начала накаляться. Рядовые вопросы получали дежурные ответы, но постепенно подавать голос начали либо более экономически подкованные рабочие, либо подготовившие свои вопросы заранее. Каждый ответ Сурада либо встречал волну негодования, либо выворачивался кем-то из докеров так, чтобы вновь быть принятым в штыки.

Дади, а также охрана управляющего заметили наконец, как к сцене медленно приближаются рабочие в грузовых костюмах. Глава порта и городской управляющий сохраняли невозмутимость и сверлили друг друга глазами.

Все чаще среди вопросов начали звучать простые выкрики с требованиями и обвинениями. Все больше народа вставало с сидячих мест. Медленно, словно хищники через толпу продвигались рабочие в силовом снаряжении. Охрана все ещё не торопилась класть пальцы на курки. Но у бойцов в боевых экзоскелетах шевельнулись спинные манипуляторы, на которых были закреплены щиты. Глава порта снова попытался с паломницей взглядом, но возле столовой её уже было.

Кто-то из рабочих пробился к первым рядам и выкрикнул что-то в сторону управляющего. Его голос утонул в общем гвалте, но стоящие рядом его услышали и начали наводить тишину. Докеры быстро утихли, и рабочий вновь заговорил. Но вместо вопроса к управляющему он пришел с требованием, простым и коротким — обнародовать все по делу Наавы.

Управляющий ответил дежурной фразой о незаконченности расследования, сухо и без

напускной доброжелательности, толку от которой уже не было. В ответ собрание с новой силой принялось выкрикивать обвинения. Со своих сидячих мест повставали уже все, а полдюжины докеров в силовом облачении оказались ещё ближе к трибуне. Управляющий без особой надежды пытался урезонить собравшихся, но видел как его охрана ждет только отмашки. Но и без неё они могли в любой момент просто начать выполнять протокол защиты особо важного лица.

Решив наконец, что пара людьми выпущено достаточно, Санам взял табуретку и встал на неё перед трибуной. Подобно восьмирукому божееству ремонта он призвал к тишине. Членство в Гильдии, должность в городе, личный авторитет — он поставил на кон все в попытке обуздать народный гнев и направить его в нужное русло. Его слова быстрее доходили как до людей, так и до городского главы, давая последнему ясно понять, кого здесь охотнее слушают и с кем надо общаться. И что может случиться если перегнуть палку. Казалось, что ставка сыграла, собрание докеров начало успокаиваться, а послание городским властям передано достаточно доходчиво.

Но в самом первом ряду был человек который просто стоял и смотрел. Санам увидел его покрасневшие глаза и опустил руки. Тот рабочий сегодня должен был быть на больничном, о чем глава порта позаботился лично. Но он все же пришел, и судя по всему был не очень трезв. И начал говорить. Говорить негромко, поэтому собрание притихло, чтобы лучше его услышать.

Со слезами на глазах тот рабочий рассказывал, как не раз ходил на Нааве, знал каждого члена экипажа как родного, и лишь из-за дурацкой травмы, приковавшей его к постели на несколько дней, он остался здесь, когда судно ушло в последний рейс вместе с экипажем. Эту историю знали, и все ей сочувствовали. И когда он показал пальцем на управляющего, того, кого многие и так считали причастным, чаша терпения народного терпения переполнилась.

Санам уже не знал как обуздать этот пожар, вспыхнувший вопреки его воле. Два бойца у трибуны разворачивали щиты и готовили ружья с шокowymi снарядами, газовыми гранатами и пенометы. Увидев это, толпа немного отступила назад, чтобы дать дорогу рабочим в силовых костюмах. Прикрываясь подручными средствами, они быстро приближались к трибуне. Охрана начала уводить управляющего к его боту, рассчитывая опередить волну озлобленных докеров, которая должна была вот-вот обогнуть трибуну и ринуться прямо к ним.

Санам хотел отдать команду на аварийную блокировку портового оборудования. Но погрузившись увидел, насколько сильно искажено отражение порта в Сети. Боясь в нем заблудился, он вернулся к яви, где за его мимолетное отсутствие многое успело измениться.

Бойцы в силовой броне с выставленными щитами и дюжиной нацеленных орудий и рабочие в грузовых экзоскелетах стояли неподвижно, застыв в агрессивных позах. Они в панике глазели и кричали друг на друга, пытаясь сделать хоть что-то, но заблокированная броня надежно сковала их. Многие рабочие также не понимали, почему вдруг потеряли возможность шевелить своими протезами, лишились слуха и зрения, обеспеченных теломодами. Гнев уступил место шоку. Управляющий и его охрана также не понимали, почему портовые ворота закрылись перед ними и перестали отвечать.

Одесную от себя Санам наконец обнаружил паломницу, чью помощь уже отверг, и все встало на свои места. Слеза скатывалась по левой её щеке.

— Насилие не является продуктивным, сидэ. Данный конфликт требует иного разрешения, — Дади обратилась к всем собравшимся, готовыми превратить порт в бранное поле. Она говорила глядя в пустоту, бесстрастно и без помощи акустики, но достаточно громко, чтобы первые ряды её услышали, а остальные направили на неё свое внимание, отвлекаясь от идеи пойти в рукопашную. Охрана Сурада тоже успокоилась, хотя и оставалась в полной готовности.

— Опять монастырские?! Какого х... — попытался выкрикнуть кто-то из рабочих, но товарищеский удар локтя в бок не дал закончить мысль.

— Применение силы остановлено согласно уставу. Дальнейшее вмешательство ограничено предоставлением информации и/или помощи по запросу.

— Какому запросу?

— Любому, исполнение которого со стороны монастыря является возможным и целесообразным. Включая предоставление доступных знаний. Это включает информацию об исчезновении судна под название Наава.

Городской управляющий и глава порта переглянулись. Докеры массово последовали их примеру и тоже завертели головами. Первым голос подал Сурад:

— В таком случае не поделитесь ли вы с людьми тем, что знаете, сида? — обратился он к Дади, которая даже не обернулась, продолжая смотреть куда-то в пустое место перед собой.

— Монастырь Ганден стер все данные о Нааве, не входящие в его собственный Информарий. К сожалению, сам Информарий был уничтожен. Никто из присутствующих представителей власти не мог утаить или исказить эти данные. Они ими более не обладают.

— Да? А как же те рыжеряженные, кто все это покрывал?

— Деятельность монастыря Ганден остановлена. Системные функции поддерживает автоматика.

Рабочих такой ответ явно не устроил и они начали засыпать девушку теми же вопросами, которыми до этого загружали своих начальников. Дади попыталась ответить разом всем:

— Данной информацией я не владею. Вы можете продолжить дискуссию с городским управляющим и главой порта. Пожалуйста, подтвердите исчерпанность конфликта или готовность искать конструктивное разрешение.

Дади дотянулось до Связи всех присутствующих, предлагая оставить в Сети свой ответ. После чего каждый получил полный список проголосовавших с именами и ответами, и толпа сама урезонила все ещё настроенное бунтовать меньшинство.

— Это не анонимное голосование, сидэ — ответила паломница на нападки в свою сторону за такую хитрость.

Минуту спустя рабочие все-таки начали расходиться, а Дади, выдохнув с великим облегчением, закрыла свой АПОСУМ (Алгоритм Подбора Ответов Согласно Уставу Монастыря), от экрана которого не отрывалась все это время.

— Ваше вмешательство поможет расследованию, сида? — спросил поправляющий свой костюм и готовящийся уйти Сурад.

— Да, — ответила Дади. Управляющий кивнул и молча пошел вслед за своей охраной.

Дади осталась наедине с Санамом, который никак не мог понять, что же нужно выразить в данной ситуации, благодарность за помощь или порицание за вмешательство не в свое дело. Поэтому он предложил выпить по чашке кофе. Молча они дошли до забегаловки

подле дока. Дади от напитка отказалась, а Санаму сделать долгожданный глоток ему помешал металлический грохот, раздавшийся со стороны доков.

Все работы над вторым двигателем Дин взял на себя. Выкроив время на перерыв, он покинул док, чтобы прогуляться по порту. Энтузиазм и взволнованность растущего с каждой минутой собрания действовали на Дина как магнитное поле, выводя из состояния покоя все оставшиеся в нем силы. Все это ярко контрастировало с той бесстрастностью, которую он наблюдал в людях родного города. Но наблюдая все это Дин понял, что все же будет скучать по своему захолустью.

Подумав про себя что две революции за один месяц — это многовато, Дин вернулся к работе. Хоть такого распоряжения не поступало, Дин решил довести всю ремонтную операцию до конца лично. Второй двигатель ему уже помогла закрепить пара рабочих, отправляющихся на собрание.

Сделав все необходимое, Дин спустился вниз и встал перед носом судна. Пользуясь техническим допуском он запустил диагностику. Пока призраки в машине проверяли готовность механизмов, механик вслушивался в шум снаружи. Слов он не разбирал, но обсуждение явно было слишком громким, чтобы быть мирным.

Призраки сообщили о готовности машины. Воодушевленный этим механик дал команду стартовать. Исправно работающие магнитные двигатели лизнули уши механика ровным гудением и перекрыли своим гулом весь шум вокруг. Довольный собой, Дин дал команду начать калибровку. Но, пока система судна готовилась к процедуре, к приятному шуму примешался скрежет — менялась нагрузка на металл, что-то пришло в движение.

Связь Дина тут же заполнилась сообщениями от призраков — подъемник приступил к работе. К его ужасу, опоры по правую руку начали медленно и зловеще опускаться. Вслед за опорами корабль начал крениться на бок, угрожая обрушиться бортом вниз и зацепить стоящее рядом судно.

Дин попытался отменить команду, но связаться с призраком в подъемнике ему не удалось, это уже пытался сделать каждый переполошившийся механик в доке. Не придумав ничего лучше, он отдал судну команду запустить двигатели с одного борта на полную мощность. В его ушах перемешалось все — гул моторов, крики паникующих и бешеные барабанные удары сердца.

На один миг все пришло в равновесие. Корабль остался на месте, одним боком лежа на пока ещё поднятых опорах, пока другой бок висел в воздухе. Из-за работающих двигателей меж двух кораблей протянулся сеть электрических дуг. Докеры затаили дыхание. Короткий миг спокойствия быстро закончился, когда зашевелилась пара кораблей со стороны включенных моторов. Их двигатели также были включены.

Ближайшее судно сошло с кильблоков, завалилось на бок и подперло собой ремонтируемый Динем корабль, едва не разорвав тому борт и сцепившись мачтами. Дальнее судно, рухнуло на пустое место, едва не перевернувшись кверху брюхом.

Все опоры подъемника вернулись на место, все двигатели были отключены, но Дин этого уже не заметил. Он стоял в оцепенении, побледневшее лицо болезненно выделялось под копной рыжих волос, в которые он вцепился всеми шестью руками.

— Да уж, — тихо произнес пришедший на грохот Санам, протягивая Дину свою кружку кофе и оглядывая случившийся беспорядок. — День выдался долгий.

Монах и его Ученица III

— Итак... — прервал тишину Санам. Голос его был на удивление спокоен, и даже чуточку ласков.

Письменный стол с парой ящиков был единственным отличием кабинета главы портовой службы Барнола-Шесть от мастерской. На трех стенах не было свободного места от развешанных на них инструментов, в четвертой было широкое выходящее на порт окно с верстаком вдоль него. Суэта снаружи постепенно сходила на нет, по мере того как рабочие расходились по домам и порт пустел. Дин сидел за столом напротив своего наставника, боясь пошевелить лишним мускулом. Дади просто стояла у верстака и смотрела в окно.

— ...по отчетам машин и рабочих пока непонятно что же пошло не так с подъемником. С этим мы ещё разберемся. Но в другом они сходятся — позволь ты тому кораблю упасть, пострадало бы два судна. С твоей помощью пострадало три. Кое-кто из докеров тоже напортачил, но... пожалуйста, сида, не трогайте инструмент.

В руках девушки как-то оказался опасного вида резак для металла, и получив замечание она спешно вернула его на место. И незаметно запнула отломанный рычажок в угол.

— Надин-сати?

— Да?

— Твои предложения? У меня нет желания передавать дело силовикам, толку от этого мне нет. Но есть пара идей, которые тебе тоже вряд ли понравятся.

Мысль о каторге полоснула механика словно бритвой. Дин догадывался о каких вариантах идет речь. Мысленно он уже попрощался с выделенным Анджем бюджетом и начал прикидывать стоимость собственного катера. Остаток суммы он собирался возместить собственным трудом.

— Подозреваю мое предложение не отличается от вашего, сид. Заплатить сколько можно, отработать сколько нужно.

— Да, поработать придется. Впрочем, твои навыки стоят дорого. На порядок дороже, чем ты думаешь.

— Опыт работы у вас мне тоже будет полезен, верно? — Дин попытался улыбнуться.

— Верно, — Санам откинулся на спинку кресла, — но есть ещё кое-что. Ты знаешь меня через Сеть как мастера на все многочисленные руки. Но я ещё и делец, и мое дело — поддерживать жизнь в этом порту. И ты можешь с этим помочь, внося свой посильный вклад.

— Вы хотите от меня чего-то незаконного, сид?

— Что вообще законно на Краю? Да и тебе не впервой, судя по Сердцу, что бьется в твоем катерке. Не знаю, как ты договорился с Гильдией, но вряд ли они обрадуются если им об этом напомнить.

— Я слушаю, — вздохнув ответил Дин, уже смирившийся с безвыходностью своего положения.

— Собственно, мне от тебя нужно ровно тоже самое — пересадка Сердца. Операция должна пройти подальше от города, а разговоры о ней остаться здесь. Об этом, как и о... твоём предприятии, Гильдии знать необязательно. С твоей помощью я могу избавить своих ребят от лишнего риска. Выбор за тобой, зуб за зуб или услуга за услугу.

— Но разве одна операция стоит всего того ущерба?

— Для меня она не стоит вообще ничего. Но для них... — Санам обвел рукой порт, над которым словно солнце висело отражение лампы в окне, — ...для них она стоит гораздо больше.

— Тогда позвольте вмешаться, — сказала Дади, больше не рискуя откладывать свое вмешательство в разговор.

— Простите?

— Я тоже служу им, — ответила девушка, смотря на порт через окно. — Им всем, пусть не прямо. Нас разделяют правила. Выгода для вас — потеря для управляющего. Но вы не можете так бороться с его деньгами. Вам нужна поддержка.

Санам просто смотрел на девушку с неопределенным выражением лица. Дин позволил себе надежду на то, что сейчас его цена его свободы будет значительно сбита. Но как только он вспомнил, что ей уже запретили вести переговоры, то сразу вжался в свой стул.

— Под помощью сейчас вы подразумеваете сделку, верно?

— Я не могу ставить требования. Но могу обеспечить безопасность и успех операции. Взамен мне нужен доступ к глубинному узлу портовой сети. Рам Ласерн пользовался им тайно. Для связи с кем-то.

— Это серьезная помощь. Хотя я уже пожалел, что отказал вам утром, я все еще не хочу помогать Сураду помогая вам.

Дин закатил глаза и выругался про себя.

— Несколько пропавших кораблей. Связь с монастырем. Сын. Сурад ищет то что связывает их. Это все, что я должна узнать. Разве это навредит вам?

— Значит карты на стол? — Санам поймал себя на том, что был вынужден решать вопросы жизни и смерти с парой, как он считал, детей, — Я сам был бы рад узнать, где сейчас Рам и чем он занят. Но боюсь вы будете разочарованы, тем что найдете.

— Вы знаете что хранится в узле?

— Нет. Но я знаю Рама. Поэтому предупреждаю. Если вы все ещё согласны...

— Согласна.

— Хм. Все таки услуга за услугу. Ты рад, Надин-сати?

Дин ничего не ответил. А глава порта был искренне рад, что утром день складывался так, как складывался.

Там, где заканчивалось сплетение потоков, в котором расположился город, начинался настоящий Край — опасный, неустроенный, куда выдавливался весь гной из обжитых земель на западе. Длинные руки закона здесь часто опускались, а торговые пути предлагали регулярную наживу и каналы сбыта, для тех, кто мог разжиться оружием и транспортом. Но двум пассажирам тихо скользящего по равнине бота было не до того.

На дело они отправились после пары часов дозволенного отдыха. Дин клевал носом, до дна исчерпав свои запасы энтузиазма за последние сутки. И, чтоб не отрубиться окончательно, вел бот к предгорью самостоятельно. Дади держалась бодрее благодаря подготовке, но тоже была порядком вымотана. Силы её в очередной раз подьедали навязчивые мысли. В минуты путевого бездействия она пыталась обрисовать в голове последствия того, что делает здесь своими руками. Но пришла лишь к тому, уже не понимает, чьи интересы она в итоге отстаивает, и отстаивает ли их вообще. Глядя на полукрасный полумесяц она почувствовала тоскливый прилив осознания, что в это самое место и время её притащил поводок обетов и связей, который она сама на себя надела.

Бот плавно зашел на возвышенность, с верхушки которой в глубокой тенистой низине виднелись описанные главой порта ориентиры. Дин довольно резко повел суденышко вниз по крутому склону. Быстрый спуск обеспечил механика и его спутницу нужной встряской.

То что с расстояния казалось просто частью рельефа, вблизи оказалось накрытым камуфляжным брезентом грузовым катером с опущенной и сложенной мачтой. Под брезентом также стоял ещё один бот, на котором точно также тайно прибыл другой рабочий, занимавшийся ремонтом до этого. Он быстро ввел Дина в курс дела, настрого запретил включать снаружи какой-либо свет и, к зависти прибывших, завалился в свой бот отдыхать. Механик, ворча и ругаясь, полез внутрь судна, Дади осталась сидеть на опущенном трапе и следить за Сетью.

— Мы не одни, — молча сказала Дади, дотянувшись своей Связью до Дина. И тотчас услышала доносившийся из утробы судна глухой удар, сопровождаемый стоном, словно кто-то ударился головой.

— Это не пираты, — продолжила девушка, — корабль вышел из города. Вскоре после нас. Шел в ту же сторону, но сменил курс когда мы остановились.

— Силовики?

— Судя по всему.

— Похоже большая транспортная компания городского главы все же откусит кусок от маленькой транспортной компании главы порта, — задумчиво промышчал механик внутренним голосом.

Дади вновь вернулась к мысли о том, что умудрилась заблудиться в конфликте всего двух сторон. Она попросила Дина поведать о его наставнике, но рассказ не принес ясности. Напротив, она заметила то, что подточило её уверенность сильнее прежнего.

— Санам уже авторитет для тебя. Встретил тебя признанием. Оказал доверие. Когда ты подвергся стрессу — сразу дал опасное поручение. Возложил ответственность за коллектив. Все это зная о твоём умении.

— Да, похоже мы слегка знамениты. Но к чему это, сида?

— Вероятно, тебя вербуют, — на этих словах из корабельного брюха вновь донесся удар, но за ним последовала тишина.

— Хотите сказать это он подшаманил с подъемником?

— Не знаю. Но не исключаю.

Дин молчал, обдумывая услышанное. И чем дольше он думал, тем больше смысла в этом видел. И хотя он не мог похвастаться такой же прозорливостью, какой время от времени блистала паломница, кое-что между строк он тоже уловил.

— Почему бы не продолжить паломничество на другом корабле, сида? Мои услуги стоят меньше того, что вы мне платите. И ещё меньше того, что вы для меня делаете.

— Контракт заключал учитель. Я не могу его разорвать.

— А может, вам просто нравится моя компания? — спросил механик. И вопрос Дади услышала уже не через Связь, но собственными ушами. Обернувшись она увидела Дина в проходе прижимающим к макушке что-то железное и холодное одним из манипуляторов.

— Надеюсь все это стоит... — Дин постучал парой механических кулачков по борту, — ...этого. Но при всем уважении, сида, если вы учуяли подвох, то почему не воспользовались этим?

— Последствия. Не могу просчитать последствия, — Дади отвернулась, вновь уставившись на луну, которая так и притягивала взгляд. Дин уселся на верхней ступени

трапа.

— Снова боитесь, что напортачили?

— Да, — ответила Дади, опустив голову на руки. Дин начал внутренне метаться, испугавшись, что сильно расстроил спутницу.

— Извините, если ляпнул лишнего. Просто я за последнюю пару недель пережил едва ли не больше, чем за всю жизнь. Да и вы, наверное, тоже.

На миг Дин надеялся услышать от девушки что-то похожее, но она лишь промолчала.

Дади отвлеклась от Сети услышав за спиной храп — механик отключился прямо на трапе. Девушка вернулась к наблюдению. Перед собой она вызвала видение карты местности на несколько десятков километров вокруг. Детали рельефа, сетка координат, карта потока — все было сплетено из золотых нитей и ковром легло на землю перед ней. Точка, покинувшая город вместе ними продолжала держать дистанцию и медленно описывала дугу. Дади чувствовала, что до этого корабля ей под силу дотянуться, видела его связь с отражением Барнола-Шесть.

В конце концов, на карте появилась вторая точка. Девушка напряглась. Паниковать было рано, боты и корабль были надежно укрыты. Заметив что вторая точка — это просто передача какого-то движения через спутник, пользоваться которым её научил Андж., Дади начала нервничать. Если это был корабль, то корабль скрытно идущий без прямого подключения к Сети. Движение на карте прекратилось, словно все его участники заметили друг друга и теперь боялись сделать лишнее движение.

— Надин-сати, — Дади дернула механика за ногу.

— Что... диагностика... калибровка... само... — пробурчал Дин.

— Как долго?

— Уже всё... или не всё...

— Ещё один корабль рядом. Не из города.

С помощью манипуляторов Дин привел свое тело в сидячее положение. Встать полностью было труднее, но ему удалось и это. Шаркая ногами, механик исчез внутри судна. Дади вновь обратила свое внимание на карту. Движения по-прежнему не было. Дади проследила путь точки, явившейся из пустошей, и он полностью совпадал с извилистой и похожей на губку картой потока. Значит это был не хтон — хозяйева пустошей от потока не зависели и двигались по прямой.

— Момент истины, — услышала Дади через Связь спустя несколько минут, — нужно получить отклик из Сети. Надеюсь Система примет эту бедняжку обратно с первого раза.

— Разве это не выдаст нас?

— Выдаст, если связываться напрямую, — ответил механик, спускаясь по трапу и волоча за собой провод, — поэтому у корабля отключен ретранслятор. Мы пустим сигнал по проводу в бот, а дальше через город.

С подключением провода к своему боту механик возился недолго. Когда он закончил работу, Дади увидела новую точку на карте, как раз там где она сама сейчас находилась.

— Сати, смотри, — девушка открыла Дину доступ к своему видению карты и показала, куда смотреть. Оба они видели что точка связана с Сетью, но не с городом.

— Тхе, похоже корабль связался с Сетью напрямую, — Самая дальняя от города точка на карте пришла в движение, и начала медленно красться в сторону нового сигнала. Дин улыбнулся и достал из своего бота большой гаечный ключ, подошел к боту, в котором мирно

сопел рабочий, и несколько раз ударил по борту со всей силы. Рабочего выбило из дремы, он резко вскочил и вывалился на землю. Увидев перед собой разъяренного Дина с пятью сжатыми кулаками и огромным инструментом в занесенной для удара руке, рабочий запаниковал:

— Только не по лицу!! Только не по лицу!!

— Мужик! — рывкнул Дин, — ты отключил ретранслятор?

— Выключил первым делом!

— Мужик, так ты его выключил или отключил?!

— А в чем разница?!

— В отключении функций и физическом отсоединены от цепи, — пояснила Дади.

— Чего? — взревел мужик.

— Пираты! Нас засекли пираты! — в сердцах Дин ещё раз засадил гаечным ключом по борту. — Блеск, я умру из-за чужой безграмотности.

Точка двигалась по карте медленно, но неумолимо.

— У нас около двадцати минут. Может меньше, — сказала Дади не отрываясь от карты.

Дин ходил кругами, пытаясь думать, но этому мешали адреналин и недосып.

— Что ещё нужно сделать? — спросила паломница. Получив решаемую задачу мозг механика наконец заработал.

— Корабль можно запустить. Но часть двигателей неисправна без мачты даже отбуксировать не получится, перевернется на первом повороте...

Дин процедил сквозь зубы несколько ругательств, половину из которых отправил в сторону нерадивого работника.

— А если подцепить два бота, чуть по бокам? — робко пропищал рабочий.

— Ты... — прорычал Дин, но тут же сменил гнев на милость, — Тхе, у меня других идей нет, поднимайся.

Рабочий взялся за дело, то и дело повизгивая, когда что ронял в панике.

— На малом ходу есть шанс удержаться. А вот шансов удрать...

— Патруль, — предложила Дади. — Пройдем рядом с ним. Если они займутся пиратами — сможем уйти.

— Не-не-не, законники не должны знать про этот корабль! — попытался возразить рабочий.

— Мужик, тебе права голоса не давали, — отрезал механик, выводя свой бот на позицию перед носом судна.

Быстро и молча все было закреплено и подготовлено к старту. Дин занял место на мостике, мужик устроился в боте покрупнее, а управление вторым доверили автоматике. Крохотная флотилия тронулась с места.

Словно сбрасывая кожу корабль выполз из-под брезента. Дади поднялась на палубу, занятую сложенной мачтой. Выбравшись из ложбины, связка кораблей перевалилась через первую возвышенность. Катер болтало из стороны в сторону, но план работал и ботам удавалось удерживать свою большую сестру и не давать ей перевернуться.

Там, где позволял поток, группа старалась держаться низин и не подниматься лишней раз. Также действовали и пираты, играя с добычей в прятки. По крепче вцепившись в леер, Дади вновь вызвала карту. Точка из пустошей была совсем близко.

Корабль, влекомый упряжкой ботов, шел по картам, скрывшись из Сети подобно своим преследователям. Поток позволял идти по дну ложбины. Но карта говорила о неминуемости выхода на более пологую местность, лишенную естественных укрытий.

Стены ложбины становились все ниже и ниже. Дади забралась на крышу кабины, самое высокое место на корабле со сложенной мачтой, и смогла немного выглянуть над ложбиной. Крупный катер надвигался на полном ходу и даже без единого фонаря, переваливаясь через холмы злобной и неуклюжей тенью. Он то выныривал из других каньонов, то снова скрывался в глубоких морщинах предгорья. Дади следила за ним точно зачарованная, не зная что делать.

Пираты наконец спустились в ложбину, приближаясь с каждым мгновением. Оба судна лавировали теперь по одному продиктованному рельефом пути. Отключенный от Сети пиратский катер все ещё оставался внутри Системы, паломница стиснув зубы из зажав глаз рукой все ещё пыталась до него дотянуться. Но никто и ничто в этой гонке не собирались давай ей пары нужных минут.

— У нас есть другой план? — Дади услышала через связь полный мольбы и страха голос Дина. Судно врага подошло так близко, что можно было разглядеть установленную на палубе рельсовую пушку. Дади скользнула по вниз лобовому стеклу, увидела потное лицо пилота с закушенной от напряжения губой. Глядя ему прямо в глаза, она заговорила через Связь:

— Нет. Но у них есть пушка.

Из закушенной губы Дина тут же проступила кровь. Дади прильнула к углу кабины, чтобы выглянуть назад и увидеть погоню. У неё все ещё оставался доступ к прогнозирующей симуляции. На секунду пиратский катер появился в Сети. Секундного взгляда на него было достаточно.

— Влево!! Влево!! — голосом и через Связь закричала она, хватаясь за лежащую на борту мачту. Дин заставил судно резко повернуть. Боты чуть не перевернуло, от резкого натяжения мужик чуть не вывалился на землю на полной скорости.

Корабль пиратов дал залп. Докрасна раскаленный металлический снаряд вспышкой прошел сквозь корпус судна, миновав силовую установку. Но взмыли в воздух куски одного из двигателей на противоположном борту, на миг связанные кружевом электрических разрядов, осветивших сумерки.

Дин с трудом вернул кораблю некое подобие равновесия, боты впереди также продолжили движение по курсу. Дади вновь взглянула назад. Корабль пиратов, до этого шедший куда ровнее сейчас тоже болтало из-за отдачи.

Улучив момент передышки Дади попыталась оценить ситуацию. До противника было практически не дотянуться. А он в тем временем не нуждался в Сети, просто следуя курсом свой добычи. Но ретранслятор корабля с новым Сердцем ещё работал. Если бы не постоянная качка... Дади вновь заглянула в кабину и встретились с Дином взглядом. Тот заметил знакомый недобрый блеск в левом глазу девушки.

Черный посох в её руке обратился столбом пены, пена обратилась клинком. Одежда заметно уплотнилась, местами начала светиться красным и источать пар.

Дин прекрасно помнил на что способна эта девушка в ближнем бою. Бросив все попытки набрать скорость он выровнял корабль и попытался смириться с неизбежным. С правого борта раздалось два коротких удара, корабль резко затормозил и накренился. В борт катера рядом с кормой впился абордажный крюк. Корабль пиратов надвигался теперь ещё

стремительнее, подтягивая себя лебедкой. Подойдя поближе и почти поравнявшись бортам они и выстрелили вторым крюком, вонзившимся ближе к носу.

Когда корабли сблизились, Дади схватилась за второй трос. Держась за него, она спрыгнула на двигатель, который недовольно загудел от удара, и перемахнула на двигатель корабля пиратов и рывком забралась на палубу. Там её встретили только двое стрелков. Не дожидаясь пока на палубе станет людно, Дади отрубил трос. От высвобожденного напряжения его конец пулей врезался в борт, а носы кораблей развело в стороны.

Все трое на палубе потеряли равновесие, но паломница вернула его на секунду быстрее. Пока один пират наводил свой карабин на девушку, второй железной рукой снял с бедра складной резак. Пока рубака замахивался, Дади скользнула мимо оставив его и без резака, и без руки.

По инерции Дади пронесло по палубе до лобового стекла мостика, за которым проглядывало испуганное лицо штурмана. Но смотрел он совсем не на девушку. Штурман нырнул под окно и, следуя его примеру, Дади тоже рванула в сторону. Вторым пират на палубе наконец зарядил оружие и выстрелил. Заряженный металлический болт пробил кабину насквозь, разбив стекло и оставив в металле раскаленную дыру. В ответ девушка метнула в стрелка злобный взгляд.

Дади налета на врага, целясь ему в плечо. Пират пожертвовал карабином, чтобы отвести первый удар, но второго он даже не разглядел. Только взревел от боли когда увидел черный клинок, торчащий из его вполне живого бедра. Не привыкшая пускать людям так много крови, Дади в шоке отпрянула и извинилась.

Корабли столкнулись задками. Пират упал на борт. Когда раскочка от удара прекратилась, а на палубе не осталось желающих драться, Дади наконец начала спешное погружение в Сеть. Она хотела дотянуться до этого корабля. Но вместо этого обнаружила ещё один. Вторым корабль двигался гораздо быстрее, следуя проложенным первым курсом.

Отключенный катер пиратов оставался по-прежнему далеко, но с помощью ретранслятора на её судне, Дади все же удалось дотянуться. Но тянуться ей пришлось далеко, глаз болел так, словно вокруг него сжимался весь череп. Ей удалось отдать несколько простых команд и сказать Дину, чтобы тот не отходил далеко.

Девушка пробежала мимо кабины с ничего не понимающим штурманом и приготовилась рубить второй трос.

Мачты второго корабля уже какое-то время возвышались над ложбиной, края которой становились все ниже по мере приближения к равнине. Наконец он явил всю нестройную громаду своего корпуса. Лавиной он обрушился в ложбину. Дади увидела как разворачивается его носовое оружие, слышала ликование поверженных за своей спиной.

Сделав глубокий вдох, она перерубила кормовой трос. В следующий миг корабль резко затормозил и начал разворачиваться. Готовая к этому девушка легко проскакала к мачте и начала на неё взбираться. Катер пиратов встал бортом к большому кораблю. Тем бортом, в сторону которого было повернуто оружие. В этот момент Дади уже подбиралась к краю мачты, стараясь не смотреть на проносящуюся под ногами землю. Пушка выстрелила.

Большой корабль уже в спешке менял курс. Цепляясь за землю он вынырнул из ложбины, и выстрел прошел мимо. Неготовый к ведению огня катер накренился от отдачи. Накренился так сильно, что Дади смогла спокойно спрыгнуть с мачты на корму катера Дина впереди. Ей оставалось лишь обернуться и посмотреть как катер пиратов, цепляясь двигателями за камни, падает боком на землю и прекращает свой ход, а корабль крупнее

исчезает из виду, вынужденный свернуть в другой поток.

Наконец она позволила себе отдышаться.

— У нас не больше минуты, — констатировала Дади, устало облокотившись на кормовой леер и глядя на карту, — придется вызвать патруль. Он должен быть близко.

— Я вкалывал не для того, чтобы силовики сцапали наш катер, — взревел через связь мужик.

— Я вкалывал не для того, чтобы отдать здесь концы! — прокричал в ответ Дин.

— Я вызвала патруль, — сказала Дади. В ответ раздалось два возгласа, радостный и отчаянный.

— Провал будет на тебе, если патруль не забудет про нас, — прошипел мужик.

— Я знаю.

— Вы оба серьезно?! — недоумевал Дин.

Закончить разговор им не удалось. Над ложбиной вновь вырос маленький лес мачтового металла, а следом полностью поднялся и масса корпуса.

Впереди уже можно было увидеть линию горизонта, лежащую на плоской равнине. Где-то там вдалеке, блеснул, крохотный огонек. Один удар сердца спустя, с его стороны уже несся снаряд, пронзая воздух словно пламенный болид. Он прочертил в воздухе длинную красную линию, и продолжил свой путь к пиратскому кораблю. Брызгами крови в небо взмыл раскаленный металл кормового орудия и части мостика. По бокам корабля на тросах повисли ошметки разорванной мачты.

Пираты попытались спуститься в ставшую уже совсем мелкой ложбину, чтобы укрыться. Ремонтная флотилия уже без особого труда смогла из этой ложбины выйти и убраться прочь с линии огня. Второй снаряд, ведомый то ли мастерством, то ли везением, прошел вдоль борта, вспоров металл по всей длине корабля и оторвав все двигатели на том боку. Корабль обрушился на землю. Носом он пропахал пару десятком метров. В конце пути задравшаяся корма рухнула на землю. Сквозь тучу поднятой пыли и дыма все ещё виднелись раскаленные края разорванного корабельного брюха.

Дин остановил и приземлил катер. Сидя на корме и дожидаясь патрульных, он вместе с остальными разглядывал сбитый корабль. И чем сильнее разгорался рассвет, тем детальнее и тоскливее выглядела эта картина.

— Какой большой... — вздохнул Дин, впервые в жизни повстречав судно втрое больше своего катера, ожидающего в городском доке, — такой убитый...

— Люди... — отстраненно сказала девушка.

— Силовики... — почти простонал мужик.

Корабль их спасителей двигался по военному прямо, остановился в паре десятков метров от потерпевших и приземлился без единого лишнего движения. Он был меньше пиратского, но не его палубе красовались целых два крупных орудия, все ещё нацеленных на врага.

С бортов военного судна спустилось два бота, на которых к месту крушения отправился отряд бойцов. Глядя на это Дади стало стыдно, что она даже подумала о том, чтобы отправиться туда самой и помочь раненым.

С опустившегося трапа сошло ещё два человека, капитан корабля в офицерском облачении и закованный в броню солдат. Твердым шагом оба приближались к катеру Дади. Девушка спрыгнула с кормы и также пошла им на встречу.

Оказавшись на расстоянии нескольких шагов, военный остановился, отсалютовал выверенным по линейке жестом, и чеканно спросил:

— Вы в порядке, сида?

— Да, но...

— Медикам отбой, — сказал капитан, поворачиваясь к своему спутнику, — потребуется ли дополнительная огневая поддержка?

— Нет, сид. Почему мы говорим здесь? Вы могли просто...

— Никакой Связи с объектом, в Системе должно остаться как можно меньше следов.

Дади оглянулась, и позади её спутники точно также не понимали что происходит.

— А как же катер? — спросила девушка, показывая на катер позади себя.

— Какой катер?

— Но...

— У меня есть три приказа, сида. Первый — обеспечить безопасность объекта в пустоши. Второй — игнорировать все, что не является угрозой. И третий — сказать что первые два исходят лично от управляющего Барнола-Шесть, если объект выразит недоумение.

Закончив говорить, капитан посмотрел куда-то в пустоту и затем обернулся в сторону места кораблекрушения. Дади показалось, что оттуда доносятся звуки боя.

— Прошу извинить, сида, — сказал капитан, в вымуштрованном голосе которого прозвучали обертона радостного нетерпения, — мне пора вернуться к основным обязанностям.

Глава порта уже ждал, сидя на лавочке на пирсе в компании нескольких пустых кружек кофе. Приведенный из пустоши катер тут же взяли на буксир и оттащили в док.

— Хорошо что вы быстро отреагировали на сигнал бедствия и помогли пострадавшим, — подмигивая сказал Санам, но его напускная бодрость выглядела не очень убедительно из-за мешков под глазами. — Жаль что корабль придется списать, разобрать, пересобрать...

— Такое у нас прикрытые? — спросил Дин.

— Пока я не придумаю что-то получше, да. Как все прошло?

— Неплохо, но чуть не попались патрулю, — первым ответил мужик.

— А простреленный средним калибром борт — так, дело житейское, — добавил Санам.

Дин просверлил мужика взглядом и устало покачал головой.

— Иди проспись, — отправил Санам своего подчиненного, — а ты, выше нос, сати. Дело сделано.

В ответ Дин только закатил глаза и двинулся к ближайшей свободной лавочке, более не имея сил стоять.

— Корабль у вас, — сказала Дади.

— Значит мой черёд платить, — обратился глава порта к девушке. Он ненадолго поднял глаза к небу, отправившись в городскую сеть.

— Готово. Доберетесь теперь до вашего узла без препятствий, сида. Вскрыть его сможете сами, надеюсь. И предупреждаю ещё раз — не серчайте, если увиденное вас не обрадует.

— Вы были другом Рама? — спросила Дади.

— Другом? Нет, мы даже разговаривали всего пару раз.

— Что тогда вас связывает?

— Кредо, — подумав несколько мгновений ответил Санам, — “Апатия — наш враг”.

— Присаживайтесь, сида, — управляющий удобно устроился в своем кресле за своим столом. Его кабинет был не очень большим, с панорамным окном, редкими украшениями и почти пустыми стенами. Дади жестом отказалась и осталась стоять.

— Я получила знание, которое вы просили, — сказала Дади и ненадолго умолкла, подбирая дальнейшие слова. Сурад учтиво ждал.

— Ответ, который я могу дать — вмешательство извне, — сказала Дади и управляющий ничего не сказав опустил взгляд, — кто-то общался с вашим сыном. Кто-то из монастыря, уже закрытого на тот момент.

— Могу я спросить откуда вы это узнали, Сида? — не поднимая глаз спросил управляющий.

— Тайный канал связи. Проходил через самые защищенные узлы города. У Рама был туда доступ. Мне удалось восстановить совсем немного данных. Но они зашифрованы. Или стерты. Я смогла лишь отследить движение.

— Полагаю это все?

— Да, сид.

— Благодарю вас. Запрос признаю исполненным, Экумена тому свидетель. Более не смею удерживать.

Дади поклонилась и развернулась. Когда она переступила порог, управляющий все же задал ещё один вопрос.

— Как вы считаете, сида, мой сын жертва... — голос управляющего едва заметно дрогнул, — или преступник?

— Я не знаю, — сказала Дади. Сурад кивнул ей в ответ и дверь между ними закрылась.

Потрепанный, усталый и с трудом держащийся на ногах Дин полностью забыл о своем состоянии, когда увидел свой отремонтированный катер. Металлические заплатки на бортах и конструкция из рам на заднем движке выглядели грубо, но надежно. От любования его отвлекла Связь. Проверив её Дин обнаружил полученные документы.

— Работы выполнены, можно забирать корабль, — сказал Санам, подходя к своему протеже, — осталось только поставить пару подписей. И вписать имя.

Дин хмыкнул и безотлагательно все заполнил.

— Отличная работа с тем катером. Я впечатлен, — глава парта попытался похлопать Дина по плечу, но тот отстранился.

— Хорошо. Не хотелось бы расставаться на кислой ноте.

— Жаль, тут столько интересной работы...

— Я бы предпочел что-нибудь более скучное, — устало ответил юноша, — У меня есть контракт и мой клиент скоро продолжит путь. И я могу рассказать как выследить ваш новоприобретенный теневой транспорт, если считаете, что от вашего предложения нельзя отказаться. Я заплачу за ущерб сколько смогу и на этом все.

— Честно. Здесь тебе всегда найдется работа, имей это ввиду. Довольно скучная работа.

Дин посмотрел на корабли в другом конце дока, которые пострадали днем ранее. Их поспешно приводили в порядок. Механик только покачал головой, глядя своему наставнику в глаза.

— В таком случае, удачи в пути, Надин-сати, — Санам хлопнул его по плечу и ушел восвояси.

Дин снова остался наедине со своим кораблем. Механик решил взглянуть на него через Сеть. Подписанные документы уже обработались Системой, и теперь коснувшись корабля Связью можно было увидеть его имя.

На борту катера гордо горели три золотые буквы — Эвр.

Эвр отчалила меньше, чем через час после оребрения нового имени. Проверив работу автопилота и прогноз погоды, Дин связался с зашедшей на борт палоницей:

— Куда дальше, сида?

— Акаба-Пять.

— Соседняя Магистраль? Я-то думал дальше легче...

— Учитель сказал ждать там. Когда связался со мной последний раз.

— Как угодно, — Дин задал курс, и судно пришло движение, — но если мы на этом переходе опять во что-нибудь вляпаемся, я выкачу вам солидный счет.

Убедившись, что все работает как должно, Дин покинул мостик и спустился в кают-компанию. Он нащупал у себя на спине ручку от манипуляторов и потянул. Руки сложились, ремни расстегнулись и втянулись в корпус, а по уставшим плечам волной растеклось облегчение. Он собирался наконец поспать в полной уверенности, что после пережитого шансов угодить в беду у него нет по крайней мере пару дней.

Паломницу он обнаружил сидящей за столом и установившейся на собственные руки.

— Что-то не так?

— Нет, — ответила Дади голосом, сухим в противовес влажным и уставшим глазам. А точнее одному правому, левый так и сохранял неестественную ясность. Механик пожал плечами и пошел ко входам в каюты.

— Мне нужен совет, — уже мягче сказал Дади.

— Мой? — удивился Дин, — сида, я же... не...

— Что я сделала? И для кого? — девушка говорила, обращая слова скорее к своим лежащим на столе рукам, — мы рискнули жизнью. Ради чего?

— Я честно не знаю, — ответил Дин, — я просто рад, что мы выбрались из этой передраги.

— Показывать другим путь. Этому я должна научиться. Куда они хотят идти? Хотя бы те двое. Кто они? Тиран и контрабандист? Или отец и наставник? Они заботятся о себе? О своих? — она перестала общаться с тенью учителя и обратилась наконец к тому, кто её сейчас слушал, — чего в итоге хотели они?

Из всех этих вопросов Дин не мог ответить ни на один, по этому задал свой:

— А вы, сида? Чего вы хотите?

— Я? — Дади вернулась к своим рукам. Её ладони сжались. Он не хотела произносить это вслух, но подумала, что учитель заставил бы её приоткрыться. — Я хочу увидеть их снова. Братьев. Сестер. Хочу показать как они не правы.

— И теперь вы на шаг ближе, верно?

— Возможно, — ладони Дади разжались и снова легли на стол. — Хочу верить, что да.

— Уже прогресс. А теперь... — не договорив Дин зевнул так, что хрустнула челюсть и в ушах затрещало. В эту секунду глухоты, Дин заметил как девушка пытается что-то сказать, — простите, вы сказали что-то?

— Мое полное имя. Ты назвал нам свое, Надин. Мы не ответили тем же.

Дади видела, что её спутнику сейчас точно так же неловко, и наконец сообразила, что в первый раз её не слышали.

— Саудаде. Меня зовут Саудаде.

В крохотном боте большому монаху было настолько тесно, что пришлось свесить ноги за борт. Но от путешествия на этих самых ногах ему пришлось отказаться, ведь его ценный груз требовал более деликатной доставки.

Андж прилагал усилия, чтобы заглушить свой внутренний голос. Но лежащий под боком контейнер, жадные до внимания луны над головой и поселившееся в сердце сомнение вызывали самые разные мысли. От всего этого даже в собственной голове стало как-то неуютно.

Над горизонтом загорелся теплый желтый огонек маяка — монастырь на вершине горы уже ждал странствующего монаха. Андж украдкой подключился к монастырской сети, дабы подглядеть за происходящим внутри. Братья и сестры уже ожидали появления человека, о котором сами настоятели травили благоговейные байки время от времени. Позабыв про отбой, многие увлеченно гадали, что же представляет собой тот, кого их наставники сами называли учителем. А гадать приходилось потому, что в Сети ничего достоверного отыскать не удавалось.

Глядя на эту полуночную суету Андж помрачнел, ибо знал, что привычный уклад жизни здесь бесповоротно изменится, как только он откроет свой контейнер. Но решение принято, и менять его было смерти подобно. В этом уравнении монах не мог определить только две переменные — время и удачу.

Монастырь Калат не отличался дорогим убранством и в целом соответствовал статусу последнего обиталища людей на востоке Экумены. Андж отказал в организованном приеме, по этому у ворот и во дворе его никто не встретил. Но любопытных взглядов монах чувствовал на себе с избытком. Он неспешно пересекал двор, любясь растущим здесь молодым деревом с багряной листвой. Монах попытался вспомнить его название, но оно оказалось погребенным под слишком большим ворохом информации, чтобы откапывать его прямо сейчас.

Держа контейнер в одной руке, другой он машинально раскручивал попадавшиеся на пути молитвенные барабаны. Он сам едва помнил их истинное назначение, а остальные из живущих знали лишь то, что могли отыскать в доступных глубинах Сети. Впрочем, веры в то, что все это является частью последовательности, которую может распознать и обработать Система, хватало для поддержания традиции.

Луны продолжали настырно требовать внимания, занозой сидеть в мыслях монаха. Он с трудом мог оторвать от них взгляд. Андж вздохнул с облегчением когда дверь церемониального зала закрылась за его спиной.

— Дети мои, — ласково пробасил Андж трем мужчинам в красных одеждах, чьи головы венчала седина а, ноги ступили на порог старости.

— Все готово, сидэ? — обратился к ним Андж, — Я хочу провести причастие безотлагательно. Выпьем и сыграем после.

Настоятель Оргун ответил утвердительно и отвел Анджа к купели. Монах опустился на одно колено и аккуратно поставил свой контейнер на пол. Открывать его он не спешил. Настоятели неуверенно переглядывались, впервые в жизни видя старого монаха таким

колеблющимся.

Андж быстро отбросил ненужные мысли и открыл ящик. Он встал на ноги, горой возвысившись над троицей своих постаревших учеников и купелью меж них. В руках он держал младенца, укутанного в оранжевое. Крохотная девочка целиком помещалась у него на ладонях. Монах аккуратно опустил ребенка в углубление купели. Освободив руки, он с облегчением выдохнул. Запущенный процесс остановить более нельзя, поэтому осталось только смириться, а мириться с неизбежным Андж научился уже очень и очень давно. Он снял со спины посох, с гулким ударом поставил его на пол и выпрямился. Перед настоятелями вновь предстала та незыблемая громада человечности, которую они знали всю сознательную жизнь.

— Делайте свое дело, парни, — сказал монах, и остальные втроем склонились над купелью.

На четверых они разделили одно видение. Сперва пустота без цвета, звука, движения. Потом они увидели себя, все восприятие их замкнулось вокруг друг друга, купели и девочки в ней. Белесый огонек точки входа загорелся над купелью, и трое настоятелей потянулись к нему. Из одной точки начала разворачиваться Сеть, вся целиком. Золотые галактики рабочих узлов, бесконечные лабиринты нитей и бессчетные орды беспокойных призраков — всё вокруг пятачка в центре церемониального зала отразился почти весь мир. Отразился, и пришел в движение, как уже делал тысячу раз над детьми востока.

Андж отвернулся от этой картины и вернулся к яви. Все это он уже видел, да и интересовало его сейчас другое. Дно купели под головой ребенка стало тускло светиться. Девочка открыла глаза и уставилась в потолок. Левый глаз украшало молочного цвета бельмо.

— Так вот с чем ты родилась, — сказал Андж, склонясь над купелью. Занятые настоятели его сейчас не видели и не слышали. Девочка, несмотря на широко распахнутые глаза, тоже не замечала огромного монаха над собой.

— Мы это исправим, дитя, — почти прошептал Андж, — это меньшее, что я должен тебе дать. Взамен за отобранный выбор и взваленное бремя. Прости.

Монах склонился чуть ниже.

— Прости, но мне нужна твоя помощь. Как и тебе — моя.

— Сид, — услышал Андж в голове голос настоятеля Оргуна, — нужно сообщить Системе её имя.

Андж выпрямился. Об этом он позабыл начисто, но узнать её имя было более не у кого. Пытаясь придумать что-то подходящее, он внезапно почувствовал себя измотанным. Фантомная усталость заволокла его каменные плечи и спину, захотелось ссутулиться. Долгая тоска по ушедшему, растущая словно дерево, наконец расцвела. И в этот миг сырой грунт памяти словно вспахали. Одно слово, способное описать его состояние в полной мере, вынесло на берег его сознания из моря информации. Слово на древнем языке, о самом существовании которого знал только Андж да немногочисленные его соплеменники — настолько глубоко в Системе погребены эти знания. А может это сама Система подбросила нужную информацию. Монах попробовал произнести это имя собственными устами и решил, что оно подходит идеально. Андж назвал имя настоятелю, и тот передал его Системе.

И Система ответила. Золотой иллюзорный пейзаж, видение которого монахи делили на троих, начал становиться красным. Повсюду возникали и разрастались багровые огни, поглощая сеть монастыря словно ржавчина. Но это длилось недолго, и в один миг вся Сеть

замерла, словно само время остановилось. Настоятели остановили распад Сети и отгородили пораженный участок, чувствуя как им помогает учитель. Монахи вернулись к яви и принялись утирать вспотевшие морщинистые лбы.

— Недуг... — пробормотал Оргун. Андж с каменным лицом стоял над склонившейся над купелью троицей. Девочка все также смотрела в пустоту, сама вернуться к действительности она пока не могла. И возможно сейчас она ревела от страха в собственной голове.

— Андж-сид, вы знали? — спросил Оргун.

— Обоснованно подозревал.

— Но... — Оргун хотел что-то спросить, но передумал. Если у его наставника были причины подвергнуть монастырь такому риску, то это причины весомые и сказано о них будет когда положено. И он очень надеялся, что объяснения будут убедительны.

— Доставайте вино и закуски, — слова старого монаха источали чистую радость, хотя и со значительными нотками тоски, — Недуг расползся не сильно, мы весь его вычистим за пару дней. А пока отпразднуем.

— И каков повод?

— У вас появилась новая воспитанница, парни.

— Она останется здесь? — спросил Оргун. Радости такая перспектива у него не вызывала.

— Да. Впрочем, я тоже задержусь. Пока вы не найдете няньку получше.

Монах сам толком не знал, откуда возникло желание нырнуть в омут этих воспоминаний. Но погружение пришлось прервать, когда ноги его остановились.

Андж открыл глаза. На раскрашенном вечерней зарей и отгороженном горизонтом пятачке пустоши перед ним покоились останки трех кораблей. Переломленные хребты мачт отбрасывали к ногам монаха длинные тени. Он медленно ступал среди торчащих из земли кусков металла, обломков машин и глубоких канав, вырытых конечностями хозяев пустоши. У двух кораблей зияли огромные дыры в бортах, через которые их выпотрошил хтон, пробираясь к Сердцам. Третье судно было разорвано надвое, торчащие из половин балки и провода все ещё тянулись друг к другу.

Чудовище получило желаемое. Но помимо корабельных Сердец пропали и люди, все до единого. Андж потянулся к спутникам в надежде увидеть запись произошедшего здесь. Но ещё больше надеясь что никто не увидит его. Прятки или салки — в что именно с ним играли прямо сейчас он не знал.

Безо всякого удивления монах обнаружил, что смотрит с неба на наискучнейший участок земли, на котором ничего не происходило ранее, и ничего не происходит сейчас. У небесных глаз Системы здесь оказалось слепое пятно.

Пройдя меж половин разорванного судна, монах отметил, что четвертый корабль все же ушел и наверняка на его борту были выжившие. Вот только это было отнюдь не благим знамением. Он снова обратился к спутникам, на этот раз в поисках чудища, превратившего это место в корабельное кладбище.

Две вещи Андж знал о хтонах наверняка — их не интересует человечина и забирают людей они только по одной причине. Достаточно веской причине, чтобы погоня за беглецами из монастыря Ганден, даже встреча со своей ученицей отошли на второй план.

В этот раз монаху повезло больше и он увидел сразу двух хозяев пустоши. Один удалялся

дальше на юг, другой двигался на северо-запад. Акаба-Пять была как раз в том направлении. Монах предстал даже не просто перед выбором, но перед неприятной необходимостью сделать ставку, поставить на черное время и жизнь. Прятки, салки, шахматы — это одно дело, но азартных игр Андж не любил.

Монах провел ещё одну ночь на бегу. Тело его почти не знало усталости, только жажду. И вот Андж увидел бесформенную огромную тень, скользящую по холмам впереди. На ходу он осушил бутылку воды, найденный на месте крушения и дал мышцам команду ускориться. Каждый раз поднимаясь на вершину холма монах видел, что тень становилась заметно ближе. Две ноги были быстрее двадцати.

Монах бежал во весь опор, уже не боясь быть замеченным тварью. Скользнув в очередной раз по склону холма, чудовище больше не поднималось. Монах прибавил ходу, и несколько преодоленных холмов спустя, погоня закончилась. Он остановился подле пещеры, круто уходящей вниз. Почти идеально круглая, в два человеческих роста в диаметре и, судя по всему, вырытая недавно. Андж позволил телу остыть и выпустить пар, пока вглядывался в черный круг. И не колеблясь более ни мгновения, вошел.

В пещере было неестественно тихо. Удары жестких подошв о голый камень не отдавалось эхом. Там, где становилось так темно, что простому глазу уже было не разглядеть вытянутую руку, звук шагов почти исчез вовсе. Под ногами стелилась вовсе не земля. Тварь, способная разорвать корабль на части, буквально вжималась в стены, стараясь отдалиться от монаха настолько, насколько позволяла глубина норы. И монах шел дальше, ступая по прямо телу хтона, стремящегося истончиться и исчезнуть.

Андж шагал неспешно, не выражая ни страха, ни враждебности. Он не хотел сейчас открываться свою Связь. Но и без этого прекрасно знал, как отражалась в сети эта пещера. Плотная паутина узлов данных, что содрогается в яростных и болезненных конвульсиях. Призраки без числа, чьи попытки дотянуться и связаться казались оглушающим криком. Бурлящее золотое месиво, отдаленно воспроизводящее изменчивые формы своего источника.

Монах остановился увидев алый свет в конце пещеры. Красным облаком нечто просвечивало через то, что служило хтонам кожей. Свет разделился надвое, и два огня немного отделились друг от друга, и теперь горели как два слепых красных глаза в темноте. Андж смотрел в бездну, и бездна смотрела на него с ужасом.

Монах вздохнул. Хтон, в чье логово он так бесцеремонно вторгся, всего лишь поглотил Сердце одного из кораблей, и теперь пытался ассимилировать его, чтобы однажды исторгнуть из себя с изрядной частью своей плоти, породив нового хозяина пустоши. Иными словами тут не происходило ничего из ряда вон. Андж погнался не за той целью.

Более не было нужны дальше вторгаться в личное пространство твари, Андж зашагал к выходу. Стены за его спиной робко зашелестели, монах чувствовал как растёт облегчение твари с каждым его шагом.

Луна отрешенно висела в самом центре рассеянного круглого кусочка неба, обозримого из пещеры. Всё еще продолжала она оборачиваться своей красной стороной, и всё еще медленно ползла ее младшая сестра. Увидев это, Андж замер. Какое-то время он просто смотрел, пока шум за спиной нарастал. Он все же выдернул себя из мимолетного задумчивости и вышел наконец из пещеры.

— Болван, — начал было монах ругать сам себя.

Прокрутив в голове последний день Андж действительно склонился к мысли, что выбрал этого хтона, потому что он был ближе к Акабе-Пять. А значит и ближе к его ученице.

— Брось, — теперь монах отчитывал того себя, который сейчас был готов пасть духом, — мы сделали ставку и проиграли. Теперь нужно поступить по-взрослому и отыграться.

После нескольких дней марафона передышка была уже необходима. А значит бегать за вторым хтоном уже нет смысла. Пошарив в сумке Андж нашел последнюю бутылку монастырского вина и неспешно зашагал в сторону города.

Пять лет назад

За те два года, что миновали со знакомства с Фаридином, Дади лишь однажды нуждалась в помощи настоятеля. С тех пор в лазарете она оказывалась исключительно со спортивными травмами и обычными для жизни в монастыре болезнями. К девушка стали относиться спокойнее, хотя ни она, ни окружавшие её воспитанники, не торопились налаживать контакт. Не улучшилось за это время только состояние самого настоятеля Оргуна.

Природное упорство и поддержка учителя делали свое дело. Дади научилась выносить нагрузки на нервную систему и теперь могла делать в Сети всё то, что уже удавалось её сверстникам. И, пусть не без вмешательства Анджа и Оргуна, она наконец-то была допущена до первого настоящего экзамена.

Она обливалась потом и едва не тряслась, но сохраняла невозмутимый вид и прямую осанку, хотя по её щеке прокатилась слеза. Разделив сознание надвое и произнося в уме одновременно два довольны сложных кода-мантры, она смогла подчинить настоящего Сетевого призрака своей воле. Остальные ученики смотрели не девочку, гадая отрубится она в этот раз или нет.

Учительница проверяла её работу со встревоженным видом, но никаких следов Недуга не обнаружила. Но точно также она не обнаружила причин счесть задание выполненным — настолько алгоритм получился грубым. Но монахиня все же не поскупилась на похвалу и пожелания удачи в другой раз — в конце концов, учитывая связывающие Дади ограничения, прогресс был на лицо. Но девушка всё равно расстроилась и отправилась сбрасывать напряжение единственным известным ей способом.

Тренировки помогали отвлечься, а фехтовальный зал стал, пожалуй, единственным местом монастыря, где Дади больше не вызвала опасений у окружающих. Здесь от неё можно было получить только синяк, а к таким травмам были готовы все изучающие боевые искусства. Многие все ещё не торопились вступать с ней в поединок, но по другой причине — среди воспитанников её поколения ровней ей был только Фаридин. И только Фаридин охотно делил с ней фехтовальный зал вне занятий.

И вот, после очередного поединка, Дади лежала на полу в самом центре зала, уставившись в пустоту под потолком. Перед её глазами проигрывалась запись этого самого поединка, победитель которого чинно вышагивал кругами вокруг неё, положив меч на плечо.

— Итак? — спросил юноша.

— Вот, на седьмой секунде, при входе в клинч, я потеряла твои ноги из виду, сама встала в неправильную диагональную позицию и возможно допустила ещё какой-либо промах, который не позволил мне выйти на среднюю дистанцию, но раз я не увидела, что именно ты собирался сделать, то не могу точно определить ошибку.

— По моему ты просто наступила мне на ногу.

— В наших учебниках есть подобные приемы?

— Не думаю, это... а, это шутка, — отметил Фаридин.

— Это глупый вопрос, — пояснила Дади.

— Тогда не жди от меня умный ответ, — сказал парнишка почесывая щеку там, где её пересекала прямая линия шрама. — У меня есть время на ещё один раунд. Или ты и дальше будешь разбирать свой полет к полу?

— Нет. Но нужны камеры. Снимать со стороны. Лучше две или более. И ещё мне... — Дади обхватила себя за локти, — ... мне нужна помощь, Фари.

Фаридин перестал нарезать круги. После секундного раздумья он наклонился и протянул девочке руку. Но Дади не пошевелилась, даже не перевела взгляд, все ещё прикованный к записи поединка.

— Не с этим. Алгоритмика. Я все ещё чего-то не понимаю. А у меня остался месяц на подготовку к пересдаче, — она посмотрела Фаридину в глаза. — Ты можешь мне помочь?

— Помочь тебе расковырять Сеть, рискуя подхватить Недуг? Дедушка меня прибьет. Если сможет...

Юноша посмотрел в глаза Дади. В конце концов, рисковать будет в первую очередь она. Фаридин снова наклонился, протянув ладонь.

— Ладно. В алгоритмике я сам не силён, но так и быть. При одном условии.

Она позволила юноше поднять себя на ноги. Следом он ногой подбросил лежащий на полу тренировочный клинок, поймал и протянул его Дади.

— Ещё один раунд. Если выиграешь — помогу, чем смогу.

Без лишних слов Дади сделала пару шагов назад, набирая дистанцию и принимая стойку. Улыбка скользнула по её лицу. Не теряя времени они оба ринулись вперед. Спустя мгновение уже Фаридин распластался на полу, а Дади скакала на одной ноге.

— Ты только что подставила свою ногу под мою? — спросил парнишка уставившись в потолок.

— По моему это глупый вопрос.

Потолок лазарета давно стал для Дади чем-то привычным. Даже по своему уютным. Особенно сейчас, когда она лежала в своей привычной койке с осознанием того, что экзамен она все-таки сдала. А в палате девушка оказалась исключительно из-за принятого за приступ переутомления, от которого здесь был не застрахован никто. Настоятель Оргун не счел нужным посетить девушку в этот раз. Но вместо него пришел Фаридин. Юноша вошел и сел на стул скрестив руки в попытке прикрыть свое смущение.

— Это был самый драматичный экзамен в моей жизни. Но поздравляю.

— Спасибо, Фари, — Ответила Дади, все ещё утомленная, — занятия не прошли даром.

— По крайней мере для тебя. Я-то не сдал, — вздохнул Фаридин. — Иронично.

Дади была удивлена тем, что тот кто помог ей усвоить эти уроки сам не смог их применить.

— Но как?

— Не повезло. Достались те задания, на зубрежку которых не хватило времени. Хотя мне и так было бы лень. Я же решил дальше учиться, чтобы стать храмовником. Больше работы мечом и меньше математики — может снова стану самым опасным мечником на этой горе.

Фаридин побарабанил пальцами по своему плечу, выдавая волнение. Он извлек из-за пазухи и протянул ей длинный и тонкий футляр из микопласта. Девушка приняла его, открыла и ахнула. Внутри она увидела длинную поперечную флейту. Из дерева. Из настоящего дерева, того самого, что растет во дворе.

— Это поздравление, — сказал юноша, — от меня и от дедушки.

— Она же деревянная...

— Да. По этому это не совсем подарок. Это одна из малых реликвий монастыря, и ты

теперь её полноправная хранительница.

— Я... я не знаю что сказать.

— Нет знаешь.

— Спасибо, — прошептала Дади, но юноша покрутил пальцем в воздухе, призывая её продолжать, — спасибо большое, — продолжила девушка, но Фаридин не остановился, — это большая честь.

— Ладно этого, хватит. Но в следующий раз скажи, что просто рада.

Спустя некоторое время настоятель вызвал Дади к себе — пришла её очередь обсуждать текущие итоги обучения и перспективы на будущее.

Оргун смотрел девушке прямо в глаза. Или делал вид, что смотрит — нельзя было понять, устремлен ли его взор к ней, или он общается с кем-то в Сети. Настоятель наконец моргнул, после чего тяжело вздохнул. Дади почувствовала, что он тянется к ней через Связь, призывая разделить видение. В своем отражении обитель настоятеля была заставлена мнимыми стеллажами со всякой всячиной. По команде настоятеля, все эти полки, кроме одной, сделались плоскими проекциями самих себя на стены и пол. Оставшаяся полка подплыла к настоятелю, затем сплющилась на полу под стать остальным, оставив один единственный узел данных висеть в воздухе между монахом и послушницей.

— Ты знаешь, что это такое? — Спросил настоятель.

— Нет.

— Это узел данных, Дади, — пару мгновений Оргун смотрел на девочку, ожидая её реакции, но дождался только смущения, — самый обычный. Но содержатся в нем твоя Регалия — коды, координаты других узлов, нити, связанные с частями Сети, недоступными обывателям. Иными словами, это ключ от дверей, которые уже открыты твоим братьям и сестрам. Но учитывая твое положение, возникает вопрос — должен ли я вручать его.

— Не должны, — ответила Дади, — это ваше решение.

— Верно. И я буду в ответе.

Оргун умолк, взвешивая все за и против. Он уже знал, как поступит, но всячески хотел оттянуть этот момент. Настоятель развернул узел, и внутри, казалось, не было ничего, кроме одной единственной точки входа.

— Это должна быть формальная церемония, но у меня нет времени, а у тебя желания, верно? — спросил настоятель, и девочка кивнула, — тогда тянись. И чтобы не происходило — не сопротивляйся.

Дади потянулась. Сетевое отражение кабинета исчезло, на миг девочке показалось, что её просто выбросили в обратно в явь. Но плавно все вокруг почернело, что словно во всем мире плавно погасили свет. Девочка осознала свое мнимое тело и поняла, что оказалась в Сети. Она не просто наблюдала отражения всего и вся, а полностью погрузилась. Лишь затекшие ноги пока ещё напоминали ей о настоящем теле.

Какой-то призрак спросил её имя, и она назвалась. Призрак затем начал запрашивать полное, трёхсоставное имя, но осекся на полуслове, сказав что для этого пользователя предусмотрено автозаполнение. Дади была заинтригована, в конце концов она всю жизнь пользовалась только одним именем из трех, не зная остальных. Но она их не слышала. Стоило Призраку произнести “Саудаде”, как пришла боль.

Левый глаз Дади словно раскололся на сотни осколков, прорывающихся сквозь череп во всех направлениях. Такой резкой вспышки Дади не испытывала никогда, она чуть не

закричала. Тут же её обуял золотой водоворот. Девочка не понимала что за данные проносятся вокруг и через неё. Не понимала что ей говорят призраки вокруг, сменяясь один за другим. Даже не понимала что она им отвечает.

И тут все это разом прекратилось. Дади почувствовала что стоит на коленях. Она огляделась и увидела, что находится ещё не в монастыре, но и не в знакомой Сети. Вокруг была бескрайняя холмистая равнина, покрытая высокой травой. На голове было ночное, небо, звезды и луна. Только в небе не было серебристого пояса камней, звезды были не знакомыми, а луна — одной единственной куда более далекой.

Дади моргнула, очутившись в знакомой комнате сидя на затекших коленях. Она тяжело дышала, лоб украсился бусинами холодного пота.

— Все хорошо? — Спросил настоятель, вид его был встревожен.

— Да. Только я...

— Увидела что-то?

— Да.

Настоятель расслабился, и теперь очередь переживать перешла к Дади.

— Каждый воспитанник каждого монастыря видит что-то при получении своей Регалии. Это одна из загадок Системы, защищенная от догадок людей. Может наши мозги просто пытаются как-то переварить это поток данных. Может это просто картина, оставшаяся с начала Счета. Наверняка никто не знает, так что не бери в голову.

Дади кивнула и вытерла пот со лба. Настоятель поздравил Дади с подключением и отпустил её. Она, разумеется, не могла выкинуть свое видение из головы. Но к её облегчению, оно надолго стало несущественным в обновленном круговороте её быта.

Дин любовался собственным отражением в зеркально гладкой и абсолютно черной поверхности кофе в стоящей на столе кружке. Ход Эвр был настолько плавным, что напиток едва колыхался.

Насмотревшись на самого себя, Дин втянул носом аромат, которому за всю свою жизнь так и не придумал достойного описания. Тоже касалось и вкуса с неисчерпаемой глубиной и без исчерпывающего определения. По первому глотку было ясно, что такой удачный кофе получился впервые за долгие месяцы и, вероятно, не получится ещё столь же долго.

Поднявшись на палубу и повстречавшись с ясным и холодным утром, Дин решил прогуляться до носа. Шел он неторопливо, смакуя каждый шаг по короткой палубе собственного судна. Он даже не обращал особо внимания на паломницу, поглощенную тренировкой и машущую посохом в форме тренировочного меча. Черный клинок со свистом рассекал воздух то перед лицом, то за спиной Дина, то по его левую руку, то по правую. Иногда даже в опасной близости, но твердость руки и зоркость глаз Дади гарантировала безопасность.

Закончив с тренировкой, Дади перевела дыхание и отправилась внутрь. Дин крикнул ей вслед что завтрак готов и, оставшись в одиночестве, продолжил потягивать свой кофе. Вкус, запах, ветер в волосах и солнце над головой, напроць отбили желание покопаться в новостях города, в который он направлялся. От полного благорастворения его отвлекала лишь чесавшаяся голова. Шкрябая ногтями по своей макушке Дин подумал о душе, для которого в корабле не было места. Ногтей и упорства пока было достаточно, но все же он подумал, что сойдет с ума если как следует не отмоется в ближайшие дни.

Город уже маячил на горизонте какое-то время. Представ перед глазами он оставался сравнительно тих. На любые запросы Дина вместо людей неизменно отвечали Призраки. И было что-то неправильное в том, что Дин получал, что запрашивал — свободный причал на несколько дней, доступ к ремонтной службе, терминалам безличной торговли и прочее, и прочее.

Невозможность пожаловаться на столь холодный прием кому-нибудь в лицо раздражала. Но это раздражение сменилось холодком вцепившимся в хребет, когда в порту Дин не обнаружил ни души.

Порт Акабы-Пять быть крупнее, чем порт в родном городе Дина, но был опустошен. Старый причальный кран стоял и гнил, время и ржавчина превращали пока ещё полезную машину в бесполезный хлам. Тут и там в бетонном полу виднелись небольшие ямки и соединяющие их прямоугольники царапин — следы прикрученного оборудования, вырванного со своего законного места.

Одна работающая машина все же попалась на глаза. Издали она напоминала автомат с кофе, поэтому Дин двинулся в её сторону без лишних раздумий. Посетив достаточно портов в своей жизни (а именно два), он сформулировал четкий и объективный критерий оценки порта — качество доступного кофе. Порт акабы-Пять получил неудовлетворительную оценку.

Вместо кофе любого цвета вкуса и запаха, в автомате своими блестящими боками щеголяли банки с энергетиком. Вершущку автомата венчала табличка, на которой клякса с

щупальцами и красным пятном, изображающая хтона, держала на себе большую банку с надписью “ГИПЕР-ТОНИК — одно сердце поработает за два!”

Дин пнул автомат, дабы выплеснуть негатив и не позволить настроению портиться дальше. В ответ автомат вывалил из своего чрева банку с напитком. Несколько мгновений Дин просто смотрел на баночку, что медленно катилась восвояси мимо его ботинок, и слушал шум вольготно гуляющего по порту ветра. А потому сунул бесплатный напиток в карман. Полегчало от этого не сильно, но все же полегчало. По настоящему мрачным дань начал становиться когда Дин, обернувшись, встретился взглядом с паломницей, едва сошедшей с причала.

Девушка держалась обеими руками за свой высокий ворот и так медленно волочила ногами, что едва двигалась вперед.

— Я тоже не горю желанием пройти за ворота, — сказал Дин, подойдя к своей спутнице, — но чего мы ждем?

— Учителя, — пробубнила Дади, пряча половину лица за воротом, — он должен встретить нас здесь.

— От него до сих пор ни слова?

— Ни слова.

Дин окинул взглядом стену порта — ровное и невыразительное полотно из металла и бетона, высотой не более семи метров. Через Связь Дин не смог дотянуться до каких-либо охранных систем и решил, что их оборудование тоже скрутили и увезли в неизвестном направлении. Для преодоления этого защитного рубежа сейчас было достаточно лестницы.

— Подождем здесь? — спросила Дади.

Механик встревожился тем, что она опять обратилась к нему таким тоном, которым обычно обращаются к старшему.

— Сеть города... неприятная, — продолжила девушка. Увидев вопросительно поднятые брови Дина, она тут же ответила на его незаданный вопрос:

— Фоновое чтение данных. Навык монахов. Подсознание чувствует состояние Сети вокруг. Настроение её обитателей. Твой город был... скучен, — Барнол-Шесть был взвинчен. Но здесь... — Дади замолкла, пытаясь подобрать нужное слово, — ...плохо.

В Барноле-Шесть Андж оставил своей подопечной указания, а своему подрядчику — средства. Они сделали их короткий визит в тот город куда менее проблематичным, чем он мог бы быть. Но сейчас не доставало ни того, ни другого. И если это место одним своим фоном подавляет даже воспитанницу монастыря... От этой мысли Дин тоже начал в полной мере ощущать тревогу.

— Пожалуй, подождать мы можем. Вернемся на Эвр? — Дин просмаковал имя своего корабля, которое наконец-то довелось произнести вслух.

— Да, — ответила девушка и посмотрела в небо. — Ждем шесть часов. Потом я пойду в город.

Последние слова Дади произнесла без какого-либо энтузиазма. Не отпуская ворота, она побрела по причалу. Дин шагал следом, чувствуя как холодит его бок банка с энергетиком.

На убийство шести часов работы на судне не хватало. Какое-то время Дин занимался уборкой, проверкой сварки на дополнительных креплениях заднего движка. Дади коротала часы привычным образом — медитации, тренировки, медитативные тренировки и тренировочные медитации. Еда — тоже прекрасное средство от скуки, по этому Дин решил

было приготовить перекус. От затишья, правда, пришлось быстро отказаться — припасов хватило бы на ещё один переход, даже довольно дальний, но только если их экономить. А экономить их стоило, ведь пополнить провиант здесь могло быть нечем.

Дин всячески подавлял в себе желание заглянуть в городскую сеть, настолько его впечатлил вид подавленной паломницы. Однако он все же дал любопытству взять верх. О чем крепко пожалел спустя пару часов.

Первым ударом для Дина стало чрезвычайное положение, введенное в Акабе-Пять.

Уже немалое время город существовал в правовой сумеречной зоне. Поселения Восточного Края вообще не могли полагаться на твердость закона, но с его ясностью, как правило, было куда проще.

Акабу-Пять когда-то облюбовали пираты и сделали его своей базой. Вокруг начался расцвет прибыльного по местным меркам разбоя. На карте торговых путей вокруг города образовалась дыра, которую старались избегать едва ли не пуще провалов в потоке. Но главные действующие лица этого театра грабежа, представленные полудюжиной судов и полусотней бандитов, тащили все награбленное обратно в город, по иронии судьбы поддерживая в нем жизнь. В голове Дина скользнула мысль, что это вполне могли быть те же самые пираты, что когда-то чуть не сравняли его родной Барнол-Семь с землей.

Военные в итоге выгнали своих естественных врагов за границу города. Сразу после того, как пираты сцапали корабль дома Хинан. Последний знатный дом востока, или первый запада, смотря с какого края Экумены посмотреть, разумеется не смог пройти мимо такого повода сунуться южнее и привязать к своим сетям ещё один город.

Флотилия адмирала Катри провела в городе несколько месяцев, введя то самое чрезвычайное положение. С торговлей стало ещё хуже, пояса затянулись ещё туже. Но адмирал привел несколько десятков весьма прожорливых и хорошо финансируемых ртов, не говоря о нуждающихся в уходе кораблях. Через это в городе оседали кое-как средства, хотя и заметно меньшие, чем от пиратского разгула. Вольных разбойников с тех пор вспоминали почти с ностальгией.

Подавив последние очаги сопротивления, военные ушли, но их закон остался. Как и осталась дыра на карте торговых путей — дом Хинан наладил более эффективные маршруты вокруг, оставив здесь только транзит с севера на юг. Лишенный собственного производства, некогда торговый город стал не нужен. А власти предрержащие с севера и востока лишь показывали друг на друга пальцами в ответ на просьбы горожан.

Вторым ударом для Дина стала болезнь Сердца, бьющегося в Акабе-Пять.

Великие Сердца, способные обеспечить энергией целый город и без того великая редкость. Малые города редко могут позволить себе замену. И когда одно из них поражает Недуг, гибель поселения на Краю становится вопросом времени.

Вспышку болезни зафиксировали здесь несколько лет назад. Причина была типичной — кто-то почему-то решил провести причастие в кустарных условиях, не зная что ребенок рожден с Недугом.

Пораженное Недугом Сердце может прожить с десятков лет, медленно угасая. Дин представил как от этой напасти пустеет и застывает его родной город. Видеть эту картину он бы не хотел ни умом, ни тем более глазами. Но этот образ все же отпечатался в его голове.

Через несколько часов он переступит порог Акабы-Пять, и образ дополнит картины пострадавших от Недуга людей. И в нем пустит корни страх перед этой напастью. И теми,

кто её носит.

Последним ударом для Дина стало то, что, казалось, не имело отношения к Акабе-Пять.

Открыв актуальную карту торговых маршрутов, он увидел, что последний значимый путь, тот волосок на котором все здесь висело, теперь пролегает через Барнол-Семь. Этот более долгий путь с севера на юг с большим крюком по самому краю Экумены очерчивал по карте линию, справа от которой оставался только одинокий заброшенный монастырь.

Где-то в голове Дина моментально сложилось дважды два, но на принятие результатов у него ушло время. Это же он попросил помощи у монахов, которые в противном случае продолжили бы свой путь. И он помог отряду наемников убраться, тем самым сбросив их ярмо. Он подал идею пустить дом Хинан в свой город. А значит он нанес людям Акабы-Пять тяжелый удар.

Пытаясь понять как взаимодействовать с этим знанием, Дин на время утратил связь с реальностью. Задачу отвечать на внешние стимулы взял на себя автопилот.

В какой-то момент он встал с койки и стал машинально застегиваться и поправлять ремни. Делал он это потому что услышал, как монахиня неуверенным шагом тяжелых сапог покидает корабль. Снаружи они обменялись парой слов о том, что Дину незачем идти в город, но даже этот разговор пошел фоном. Причем для обоих — Дади была погружена в свою голову столь же глубоко. Дин не обратил внимания и на натужных скрип шестеренок механизма, открывающего портовые ворота.

Он шел уставившись на свои ботинки. И лишь когда под его ногами промелькнул желоб, в котором скользили ворота, он поднял голову.

Акаба-Пять прохладно приняла гостей.

На главной улице, достаточно широкой для прохода пары катеров, не было ни души. Два путника шагали осторожно и неторопливо. Рыжий и невысокий держал руки в карманах, его более рослая спутница шла держась руками за ворот, пока ветер трепал выцветшую оранжевую ткань поверх её одежды. Город вокруг них внешне мало отличался от Барнола-Семь, разве что здания были крупнее. Только золотое кружево его сетевого отражения было куда менее плотным и почти неподвижным. Но глаза в окнах домов видели пришельцев. Вслед за шагающими путниками приходила в движение и застоявшаяся сеть.

Дади даже не попыталась вызвать бот, так это потребовало бы прямого контакта с местной сетью, Дин просто думал о чем-то другом, поэтому они пошли пешком. Дади молча выслушала рассказ Дина о чрезвычайном положении и болезни городского Сердца. Она почувствовала, что его гнетет ещё что-то невысказанное, но отбросила эту мысль — себя она тоже чувствовала крайне неудобно.

— Так что будем делать? — тихо спросил Дин, вырвав паломницу из болота, в котором увязали её мысли.

— Нужно выполнять запрос. Значит нужно встретить просящих, — ответила девушка, говоря скорее со своим воротником, которым тщетно отгораживалась от мира.

— Предлагаешь пойти туда, где собираются местные, и ждать пока их не соберется достаточно?

— Да.

— Кантина? — спросил механик уже выискивая здание на карте.

— Кантина, — подтвердила Дади.

Девушка брела молча, смутно ощущая на себе взгляды из окон. По сторонам она тоже

оглядывалась неохотно. Все здесь и сейчас напоминало ей о последних днях её родного монастыря. Она гнала прочь мысли о доме, из которого Недуг выел все что, делало его домом.

Подойдя к углу здания, за которое они планировали повернуть, Дади услышала звук. Этот звук словно выбил пробку из её головы, и все переживания утекли прочь. За поворотом звучала музыка, и паломница пошла ей навстречу.

Представшее перед ней здание кантины она узнала легко — от кантины Барнола-Семь её отличало только полное отсутствие следов пожара. И наличие человека, расположившегося в раскладном кресле рядом со входом.

Он был облачен в плащ-пончо, сидел скрестив ноги. Лицо было зрелым, сухим и смуглым, словно кора дерева. А тонкие и крепкие руки и перебирал струны сарода — источника музыки, текучей и редкой, как пустынный родник. Дин тоже попал под действие этой мелодии. Двадцать пять струн, десять пальцев и три пары ушей образовали единую замкнутую систему. И внутри этой системы все было в порядке, но Дин заставил себя отделиться первым.

— Приветствую, — обратился он к музыканту, — открыто?

— Нет, — ответил человек, — но вы можете войти. Если справитесь с дверью.

Дин поклонился и дал двери команду открыться. Где-то в дверной коробке натужно заскрежетали автоматы, но тщетно. Расправив свои манипуляторы и вручив им инструменты, которые не брал разве что в душ, Дин начал решать представшую перед ним головоломку.

Дади продолжала стоять и смотреть. Отзвуки музыки ещё не рассеялись в её сознании. Но она уже прекратила держаться за свой воротник. Её глаза зацепились за нечто похожее на короткий посох, торчащее из-под плаща. Она уже догадывалась, что это такое. Музыкант, тут же вынул предмет, явив поперечную флейту из микопалста. И без разговоров протянул музыкальный инструмент девушке.

В её руках оказалась точная копия инструментов, которые изготавливали из ветвей растущего в монастыре дерева. Дади всмотрелась в черную гладкую поверхность. Увидела собственное отражение, на котором едва заметно выделялся левый глаз.

Музыкант взял аккорд. Радужный перелив звука перекрыл жужжание инструментов. Дади уселась рядом, скрестив ноги. Она сыграла фразу поверх аккорда, словно написав строку на чистом листе. Музыкант ответил ей своей фразой. Так они вели разговор около минуты. Когда Дади играла “потерянность”, музыкант отвечал “смирением”. Когда в нотах девушки читалась “тревога”, мужчина играл “спокойствие”. Когда из флейты исходила “печаль”, сарод отвечал “радостью”.

Музыка прекратилась. Дади ещё раз разглядела флейту. Ещё раз вспомнила её прообраз из золотого дерева с красной листвой. Вспомнила, как играла на ней в саду, наученная настоятелем Оргуном. Как Фаридин ушел с последними монахами монастыря Калат, забрав флейту с собой и закрыв за собой ворота.

Не вставая с кресла музыкант отложил сарод, сложил руки в молитвенном жесте и поклонился.

— Не ждал я встретить коллегу в таком месте в такое время, — сказал мужчина, принимая флейту обратно. — Я был монахом, как и вы. Я бы представился, но свое имя я оставил в монастыре. А ваше я и так знаю, сида, в каждом монастыре Края слышало историю про одноглазую девочку из Калат, которую... обошла стороной удача.

Порыв ветра грубо погладил монахиню и музыканта уличной пылью. Дади нахмурилась. Она не знала как стоило реагировать на встречу с бывшим монахом из другого монастыря, может даже другого ордена в такой ситуации. Но встревожило её то, что ближайшим монастырем был...

— Только не спрашивайте что за бардак творится в Ганден. Чемоданы я собрал давно, а о делах нынешних знаю только из новостей. То есть не больше вашего.

Бывший монах поднялся, потянулся и отправились к двери, которая уже была открыта настежь. Лицом бывший монах выразил почтение перед быстрой и довольно тихой работой. Дин, прильнувший к дверному проему с руками в карманах, пожал плечами и вошел.

— А вот о делах местных я осведомлен на порядок лучше. Пройдем внутрь, мне есть что рассказать оказавшейся тут паломнице.

Музыкант встал за стойкой и пригласил двух своих гостей расположиться. Предлагать еды и напитков он не стал, ибо предлагать было почти нечего.

— Почему вы ушли, сид? — спросила Дади усаживаясь на стул.

— Учение подобно лодке, на которой пересекают реку между темнотой и просветлением. И нет резона тащить лодку за собой, сойдя на дальний берег, верно? — сказал музыкант, и Дади кивнула ему в ответ, эти слова она тоже читала в книгах, — А я из своей лодки выпал, и теперь течение несет меня хрен знает куда. Но моя биография никуда не денется, а у вас есть вопросы поважнее, сида. Да и времени у нас не так много.

Дади вопрошающе подняла бровь.

— У нас же монахиня в городе! Самая настоящая, пусть всего лишь паломница. Сеть вокруг уже волнуется как вода в ведре, об которое кто-то запнулся. Как только кто-то решится первым обратиться к тебе, остальные ринутся следом.

Девушка нахмурилась. Она не была обязана выполнять каждую просьбу, с которой к ней могли обратиться. Но каждый потенциальный отказ уже щемил её сердце.

— Кто говорит за жителей?

— Формально, даже должности управляющего в городе нет. Поэтому все сбиваются в отдельные корпорации со своим главами. Полагаю у кого-то из них достаточно авторитета, чтобы подпадать под требования вашего устава.

Воображение Дади уже рисовало картину того, как кантина набивается людьми. Вот она стоит спиной к стойке, а на неё смотрят две сотни уставших глаз без единой искры. Кто-то хочет что-то сказать, но его, или её, грубо останавливают. Запрос можно сделать лишь единожды, но чего же тогда просить? Тут и там выкрикивают идеи. Разгорается огонь обсуждения, из него растет пожар споров. Ведь каждый точно знает, что лучше для города. От этой картины у девушки засосало под ложечкой.

— Какой запрос ждать? — сглотнув спросила она.

— Я ставлю на запрос помощи. Преступность, нехватка продуктов, неэффективна сеть задач решаемых монашеским вмешательством тут полно. А людей способных воспользоваться твоим знанием и умением куда меньше.

Это вселило в Дади тень надежды. Надежды сделать дело и уйти смело. Девушка устыдилась столь эгоистичной мысли, но ничего не могла поделать. Голос Акабы-Пять, непрерывно звучащий на задворках сознания, звучал слишком знакомо. Слишком похоже, на голос умирающего монастыря.

После этого Дади коротко пересказала все, что узнала от Дина (который сидел рядом,

положив голову на кулак и манипулятором почесывая зудящую макушку) о бедствиях, постигших город в последние годы. Сама она все ещё сторонилась городской сети. Музыкант подтвердил все сказанное, от чего Дади только сильнее начала чувствовать следы Недуга вокруг.

— Я ничего не могу изменить, — сказала Дади, не обращаясь ни к кому конкретно, — только дать им время.

— Может быть. Впрочем, в одном вы правы, сида, здесь мы можем мало. Нужно смотреть выше, — сказал музыкант, устремив свой указательный палец к потолку. — Я имел удовольствие общаться с далеко не последними юристами по эту и даже ту сторону Третьего Круга. И по их словам, в руках губернатора Магистрала Акаба все же есть нужные полномочия для снятия чрезвычайного положения. Это не панацея, но дышать здесь станет легче. Одна подпись на одном документе. Но губернатор не торопится тратить калории на такой жест. Я бы сказал, что он один виноват в этом бардаке, но меня учили ничего не возводить в абсолют.

— Где находится управление магистрала? — спросила Дади, догадываясь каким будет ответ. У неё появилось ощущение, что она спустилась с горы и отправилась именно на восток совсем не случайно.

— Акаба-Четыре разумеется. Один переход на Запад отсюда. Но весьма длинный переход. Зачем было переносить все управление магистрала из Акабы-Один вглубь Края мне неизвестно. Это большое и длинное неизвестное, которое может тянуться до спальни дома Хинан на Северном Краю. Может даже до властей Второго Круга, если не дальше.

Музыкант вздохнул и выпрямился, чтобы потянуть затекшую спину.

— Как же удручающе мало мы можем. Удача и правда обошла вас стороной, сида, если ваш путь пролегает здесь. Но, пожалуй вы единственная паломница на моей памяти, способная отказать в прощении.

— Отказать?!

— Нарушить правила монастыря, которого уже нет, нельзя. Стоит ли из-за них рисковать своим будущим?

Эти слова вызвали сначала недоумение, затем и гнев. И не простой гнев, а особенный, угнездившийся в её душе ещё когда ворота Калат закрылись за спинами уходящих братьев и сестёр. Гнев, проводником для которого мог служить только меч.

— Я помогу чем, смогу, — продолжил музыкант, вида как его собеседница начинает закипать, — раз вы правда болеете за нас, оставленных здесь.

Дади уже была готова разозлиться по настоящему, как в кантину вошел человек мужчина без особых примет, и гневу пришлось делить место с паникой. И даже прежде, чем обернуться к нему, девушка изготвила АПОСУМ. Мужчина сел за столик поодаль, стесняясь обращаться к кому-либо первым. Музыкант встретился с ним взглядом и жестом призвал подойти — бывший монах был человеком без имени, но явно не без авторитета.

Мужчина подошел к стойке в полной растерянности от незнания того, что в этой ситуации ему предписывал этикет. Он вытянул руки по швам и поклонился, произнося свое имя. Дади встала и поклонилась ответ, но не столько глубоко. Девушка представилась и более не произнесла ни слова, от чего мужчина замешкался только сильнее. Наконец он попросил разрешения рассказать свою историю. История была короткой. Рождение с болезнью сердца, жизнь с теломодами, выживание без средств на их обслуживание. А потом их коснулся Недуг.

Сердце Дади начало колотиться. Больше откладывать прямой контакт сместной сетью было нельзя. Глубоко вздохнув, она закрыла глаза, открыла свою Связь и потянулась. Закрыв внутренний взор всему, что не было связано с сердцем обратившегося за помощью мужчины, она добралась до обслуживающих его призраков. Они оцетинились оборванными сетевыми нитями, которые никуда не вели. Отблески красного говорили о контакте с Недугом, который был искоренен довольно грубо. Монахиня смогла сплести из отрубленных нитей маленькую сеть, теперь призраки в имплантах могли лучше общаться друг с другом. Несколькими код-мантрами она отсекала алгоритмы со следами недуга и заменила их новыми.

Мужчина не почувствовал особых изменений, но осознание того, что больше не придется хвататься за грудь гадая, остановиться ли сердце сейчас или потом, привело его в восторг. Мужчина был готов упасть на колени, но Дади быстро ответила формулой из своего справочника. Он засеменял к выходу, то и дело оборачиваясь и отвешивая очередной поклон. Как только дверь закрылась, Дади ощутила как по городской сети побежала волна благоговения — в город прибыла настоящая монахиня из неопороченного монастыря.

Девушка вновь уселась за стойкой. Пока она колдовала над сердцем, музыкант исчез на кухне. Вскоре он вернулся с подносом, на котором красовались два горячих консервированных обеда и две порции воды по квотам. Дин начал трапезу без особого энтузиазма, хотя и проголодался. Дади в очередной спросила себя, как поступил бы учитель. Решив, что от еды, которая пропадет в ином случае, он бы точно не отказался, тоже решила поесть.

Пока они молча жевали полуфабрикаты, кантина наполнялась народом. Дади не сразу заметила, как за её спиной начали перешептываться люди, пока ещё сидящие за столиками. Но сидячие места стремительно заканчивались, а шелестящий шепот перерастал в гул разговоров. Которые резко стихли, словно дернули выключатель.

Отодвинув от себя уже давно опустевшую тарелку, она снова изготовила АПОСУМ. Собравшись с духом, она обернулась и соскользнула со стула. Собравшиеся выглядели так, словно жили в горах не один месяц, хотя блага цивилизации были у них под боком. Несколько человек в первом ряду обменялись взглядами друг с другом. И со стоящим за стойкой музыкантом с улицы. Дади рассудила, что если в городе есть власть, то это они. Через связь музыкант кратко объяснял девушке, кто же сейчас предстал перед ней.

Дади чувствовала что разговоры перешли в сеть. Она сняла посох со спины, придала ему исходный размер и ударом уперла его в пол. Девушка вновь представила, как толпа распаляется перед ней. Как на неё изливается бурный поток стенаний, жалоб и просьб. Как все вокруг спорят о единственном шансе на запрос.

Но действительность в который раз отказалась соответствовать ожиданиям. Переглянувшись, троица городских глав выпустила вперед женщину, которая, со слов музыканта, занималась водоснабжением. Вместе с паломницей они обменялись поклонами и приветствиями. Произнеся все нужные формулы, чтобы Система обратила внимание на происходящее, женщина перешла к делу. Она заговорила, и Дади поняла, что с её словами согласны почти все присутствующие, и согласны уже давно. Лишь остальные в первом ряду выражали сомнение.

Если бы не перчатки, ногти Дади врезались бы в ладони. В сумраке помещения было не видно, как она мертвецки побледнела. Без раздора и с достоинством, Акаба-Пять поднесла ей свой запрос. И город просил мудрости.

В тесной и грязной операционной на столе лежал человек, лицом вниз, высокий и тренированный. Он был надежно примотан к столу ремнями и раздет по пояс. Между трапецевидных мышц зияло ущелье разведенной расширителем раны, по дну которого пролегал обнаженный хребет. Из черных искусственных позвонков торчал кусок металла.

Над раненым склонился врач, одетый в нарушение всех санитарных норм. Густые черные волосы, уложенные назад, держались на месте только за счет пота и грязи. На защитных очках и респираторе темнели капли крови. Вместо халата он носил белое когда-то пальто, окрашенное теперь пылью во все оттенки серого и бурого. Под пальто была по горло застегнута черная куртка медика, изучавшего врачевание в монастыре. Закатанные рукава обнажали матово-черные, с поблескивающими металлическими прожилками руки.

Левой рукой доктор держал расширитель для раны, щипцами в правой он осторожно потянулся к осколку. Когда до цели остался буквально сантиметр, вся комната накренилась. Стол не двинулся с места, удерживаемый гироскопом, и комната словно сделала четверть оборота вокруг него.

— Шкипер, веди ровнее, — спокойно сказал доктор через Связь штурману корабля, в трюме которого находилась операционная, и продолжил процедуру. Когда он ухватился за торчащий осколок, заговорил уже пациент.

— Док, я умру? — пробубнил он вода губами по столу.

— Зачем спрашивать каждый раз? — ответил Док, склонив голову на бок, и выдернул осколок. Медицинская аппаратура, к которой подключили раненого начала проверять позвоночник.

— Я выживаю каждый раз когда спрашиваю. Видимо я наткнулся на алгоритм в Системе и теперь могу пережить любую твою операцию подействовав тебе на нервы.

— Тогда напомни никогда не делать общий наркоз, — Док извлек поврежденный позвонок из раны.

Операционная вновь накренилась.

— Шкипер? — спросил Док через Связь, но вместо ответа получил изображение местности, на котором одна точка — его корабль — пыталась убраться подальше от другой — корабля преследователей. Док установил сменный позвонок на место сломанного и отдал приказ:.

— Поднимись на метр и подпусти их с бакборта, — Док отдал Шкиперу команду, подошел к двери, распахнул пальто. С правого бедра он снял свое оружие — одноручный полуметровый черный пистолет, больше похожий на обрезанный карабин. Он дал пол-Сердцу в оружии команду пробудиться. Крошечное Сердце, размером с человеческий глаз, очнулось ото сна.

С правого бедра он снял заостренный металлический стержень. Переломив пистолет, он отточенным, механическим движением не глядя зарядил стержень в казенник и запер ствол обратно. Оружие, готовое к бою, отозвалось.

По команде Дока дверь-трап в левом борту судна открылась. Трап опустился, внутрь ворвался холодный воздух. Снаружи по небу были разбросаны ошметки растерзанных ветром туч, рваные края которых горели ярким вечерним багрянцем.

Док вышел на трап, опустился на одно колено и левой рукой ухватился за боковину двери. Искусственные мышцы обещали удержать его на месте не хуже любой другой

страховки. Подняв ствол он погрузился в Сеть, дотягиваясь до всего, что ему было нужно для стрельбы. Теперь и он сам был готов к бою.

Мир снова накренился. Корабль доктора сделал поворот вправо. Из операционной донесся грохот от падающих предметов, глухой звук удара и невнятный выкрик Малого. Док начал считать мгновения до того, как Шкипер закончит манёвр и резко повернет влево. Долго ждать не пришлось. Снова резкий крен, трап почти коснулся земли. Из-за кормы плавно, но быстро вошел в поле зрения корабль пиратов. Он был близко, лишь благодаря ловкости Шкипера он ещё не пустил в ход гарпуны.

Боевая программа взяла под контроль правую руку, не считая пальца на гашетке, и навела её на выбранную цель. Через Связь с оружием Док видел золотой луч траектории снаряда, словно прилипший к мачте судна. Он нажал на спусковой крючок.

Искусственные мускулы погасили отдачу, вынудив руку сделать размашистый жест. Ствол словно взорвался облаком теплоотводящего состава и яростно зашипел, выбрасывая лишний жар. Снаряд отправился точно по золотому пути, рассчитанному для него стимуляцией.

Пораженная мачта прогнулась под своим весом, но удержалась на месте тросами. Пиратский катер завиял, но остался на ходу. Док поднял глаза на мачту собственного корабля, и решил, что пиратам она теперь нужнее, а значит они будут гнаться до последнего. И шансы у них были — потеряв в управлении, их корабль всё ещё был быстрее.

— Шкипер, подставь им штирборт, — скомандовал Док и вернулся внутрь. Он перезарядил оружие, взял аппарат для обработки ран и закрепил его на спине Малого. Призрак отсалютовал, и машина начала очищать рану от занесенной ветром пыли и затем зашивать.

Трап с правого борта опустился по команде, Док занял свое место целясь уже левой рукой. Оружие вновь отозвалось о готовности. Второй выстрел также угодил точно в мачту и на этот раз металл лопнул под собственным весом. Упавшая, но все ещё удерживаемая тросами мачта теперь цеплялась за землю словно якорь. Пиратский катер перекосило на бок, но его штурман смог выправить судно и посадить его брюхом.

Док встал на ноги и прошелся взглядом по оружию, которое наконец-то смог опробовать. Глаза его задержались на ладони с черной искусственной кожей, на которой почти не было видно крови его пациента.

— Прекрасно... — отрешенно вымолвил он, услышанный только ветром. А затем обратил внимание на дело рук своих. Парой выстрелов из этой пушки он смог сразить целый корабль, пусть и не без уловок. Но прозвеневший в голове колокольчик заставил его обо всем этом забыть на какое-то время.

— Шкипер, разворачивайся, — скомандовал Док, возвращаясь в операционную и щелкнув по переносице, чтобы очки с респиратором отстегнулись и сложились на шее. Он вздохнул с тяжелой досадой, — Придется осмотреть раненных.

Экипаж не очень любил подобные выходки Дока, но спорить с ним никто не решался. Его корабль приземлился в паре десятков метров от сбитого пиратского судна. Док сошел на землю с перезаряжаемым оружием, которое успело остыть, и предупреждением от Шкипера — силовики тоже на хвосте.

Пять минут.

Пираты не спешили опускать трап, поэтому Док забрался на палубу по наружной лестнице. Он подошел к двери мостика и постучал. Дверь открылась. Внутри Док увидел

потрепанного мужика с лицом упертым в пол, ногами на приборной панели и всем остальным в кресле. В боку приборной панели торчал снаряд, прошедший сквозь мачту.

— В порядке? — будничным тоном спросил Док.

— Да... — прохрипел мужик, пытаясь развязать узел в который завязалось его тело. Док решил, что этот пациент во его вмешательстве не нуждается и угрозы пока не представляет, и закрыл дверь.

Четыре минуты.

Пройдя мимо мостика он подошел к люку, ведущему внутрь, и постучал.

— Там все целы? — Спросил Док и сверился со временем.

Снизу донесся шум. Док сделал несколько тихих шагов в сторону от люка, подобрал какую-то железку и швырнул обратно на люк. С той стороны раздался залп карабина. Док склонил голову на бок, исполненный разочарования — его противники под палубой все же купились на совершенно дурацкий трюк. Не успел он досчитать до десяти, как люк отворился нараспашку и из него выплыло облако теплоотвода. Док щелкнул по подбородку, его лицо закрыл респиратор, и он спустился в трюм.

Три минуты.

Внутри его ждали ещё двое. Пар щипал глаза и кожу, пираты тщетно махали руками в попытке разогнать кумар. Один из пиратов держался за правое плечо. Второй все ещё отмахивался от пара и держал в руке разряженный карабин. Док взял его на прицел.

— У тебя вывих плеча, — обратился Док сперва к безоружному пирату, а затем и ко второму, — ты. Помоги ему.

Пираты переглянулись.

— Я — врач с заряженной пушкой, — продолжил Док, не давая им заговорить, — Если я выстрелю, мне придется обрабатывать чьи-то культы. Тогда мы потеряем время и нас всех сцапает патруль. Молчите, и выполняйте.

Два минуты.

— Возьми его за запястье и придержи локоть.

Пираты неохотно подчинились.

— Согни руку в суставе. Поверни её. Вот так, а теперь дергай.

Раненый пират взвыл от вспышки мучительной боли. Вправленной правой рукой он отвесил своему костоправу размашистый хук, после чего закричал и согнулся ещё раз. Док удовлетворенно поджал губы и велел опустить трап.

Одна минута.

Уже собираясь уходить он увидел подле трапа два ящика. На одном была ещё не сломанная печать и эмблема врачебной службы. Значит внутри были лекарства, детали для протезов, материалы для операций. Другой был приоткрыт и из-под крышки выглядывало оружие. Учитывая необходимость держать пиратов на прицеле всю дорогу обратно до судна, Док не мог забрать с собой оба. Проверив время и скрепя сердце, он сделал свой выбор.

Время вышло.

Док захлопнул ящик с оружием и боезапасом, схватил его за ручку и понесся со всех ног на свой корабль, уже готовый сорваться с места. По опущенному трапу он влетел в трюм и велел уходить на всех парах. Переводя дыхание, он бросил ящик на пол и проверил своего пациента. Он снял с его спины аппарат. По хребту пролегла длинная белая линия переплетенных шрамов от множества операций. Но белковая спайка была надежной, скоро Малой встанет на ноги как ни в чем не бывало.

— Как прошло? — спросил он, хлюпая слюной и косясь на добычу, принесенную с пиратского корабля. Плохо закрытая крышка приоткрылась и он разглядел в ней рукоятку карабина.

— Как обычно, — ответил Док, собирая свои инструменты в коробку.

— Кстати, Шкиппер передает новости из Пятой. Тебе понравится.

— В чем дело? — спросил Дин уже в третий раз. Дади вышла из кантины, чтобы подышать свежим воздухом, и механик пошел следом.

— Ни в чем. И во всем. Они хотят от меня все. Я могу чуть больше, чем ничего.

— Я понял, что дело плохо, но насколько? — не унимался Дин.

— Запрос помощи обязует паломника разрешить кризис.

— Да, это мы проходили.

— Запрос знания обязует паломника предоставить информацию для разрешения кризиса.

— Ага.

— Запрос мудрости ставит во главе населения на время кризиса.

— Это уже сложнее.

— Да. Нет конкретных задач. Никаких обязанностей. Я могу делать все. Но они не хотят ничего конкретного. Но я не могу отказать не опорочив монастырь. Но я не знаю что сделать. Но не могу не делать ничего, и...

— Я запутался.

— Как и я.

Дади тяжело вздохнула. От этого стало немного легче. Девушка развернулась на каблуках и твердым шагом отправилась обратно в кантину, хотя и держась за свой ворот обеими руками. Народ начал массово покидать заведение, и девушка испугалась, что они сейчас обрушатся на неё с мольбами и вопросами. Но, к её облегчению и удивлению, горожане лишь почтительно кланялись и уходили восвояси.

Внутри остались лишь четверо. Музыкант все ещё копошился за стойкой, а за ближайшим к ней столом сидели три человека. Три столпа, на которых по общему мнению держался город. Каран, крепкий мужчина со сломанным носом и выправкой ветерана, возглавлял городское ополчение. Нила, женщина с парой седеющей прядей в угольно-черной шевелюре и все ещё резкими чертами лица, была главой водной службы. Аса, глава врачебной службы, выделялся воспаленными глазами и неровным дыханием, вызванным полдюжиной выпитых ночью банок энергетика.

Дади заняла место за столом. Все четверо сидели молча, прощупывая друг друга взглядами. Никто не торопился начинать разговор.

— Сида, вы готовы отдать нам распоряжения? — спросил наконец врач, нервно барабанивший пальцами по столешнице.

— Не зная ситуации? — возразил ополченец.

— Думаешь почтенная гостя не разузнала что тут к чему, раз избрала наш городок для паломничества? — парировал врач. — Один взгляд в городскую сеть и все станет ясно.

— Абсолютно всё? — вступила в перепалку Нила, глава водной службы. Она посмотрела на сидящую напротив паломницу и едва заметно покачала головой.

— Всё, что касается нашего общего блага.

— Как твои заявки на размещение в городе военных? — все ещё сквозь зубы процедил Каран.

— Твои ребята создают проблемы, которых не будет от профессионалов, — с такой же

сдавленно агрессией отвечал Аса.

— Зато будут новые, например нехватка водных квот, — холодно ответила Нила. Она держалась гораздо спокойнее остальных.

— Для нас, например, — вставил ополченец, — при том что наши нужды куда как меньше.

— Ваши нужды также несколько завышены, — уточнила глава водной службы.

— Согласен, — выпалил Аса, — город не обязан содержать боевых торчков.

— Прошу прощения? — Каран едва удержался от брани благодаря полузабытой боевой подготовке. — Водных паек нам не хватает для долгих патрулей. Ровно как не хватает огромной вывески “Мы очень любим внезапные нападения” на границе города.

— И вместо воды вы перешли на вообще все жидкое? — распалялся Аса. — Позвольте спросить, на что уходят выдаваемые врачебной службой медикаменты?

— Могут задать вам тот же вопрос, — обратилась Нила врачу.

— И вы уже знаете ответ, сида.

— Коллеги, мы опять за старое. — прорычал Каран, вставая со стола, и откланиваясь. — Я отправлю вам свой адрес, сида. Надеюсь поговорить с вами лично.

— С этим я согласен. Я также открыт для аудиенции, сида. До встречи — Врач также поднялся со своего места, почтительно поклонился и удалился.

— Надеюсь теперь вы понимаете, почему запрос мудрости — это для нас единственный выход, сида? — спросила Нила. Её вопрос так и остался висеть в воздухе.

С поклоном женщина ушла следом за остальными. Дади осталась за столом в одиночестве. Наблюдавшие за всем этим Дин и музыкант встретились с ней взглядом и только пожали плечами.

За весь разговор Дади не проронила ни слова, хотя и сохранила все в своем уголке Сети. Ещё некоторое время она провела в кантине, разбирая записи и собирая комментарии бывшего монаха. Вскоре сложилась относительно ясная картина замкнутого круга проблем и претензий. Девушка не имела понятия, с какой стороны подойти к этому кругу. Но решила начать с Нилы, как наименее неприятной из троих.

Паломнице все-таки предоставили бот. Дин согласился отвезти её, хотя был явно подавлен и хотел бы вернуться на свой корабль. Водная служба находилась в двухэтажном здании, на стены которого опиралась несколько цистерн. Словно корни от них уходили в землю трубы. Само здание точно панцирь скрывало нутро, состоящее из многочисленных насосов, фильтров и других агрегатов, служивших для городской системы водоснабжения легкими и печенью. Сердце её, оно же Сердце всего города, билось в другом месте и уже готовилось ко сну.

Кабинеты и машинное отделение внутри здания отделяла просека от стены до стены, посередине которой стояли три кресла для медитации — рабочие места для тех, кто управлял машинами. Одно из кресел было занято Нилой.

Дади и Дин молча и терпеливо ждали, пока глава водной службы закончит работу. Девушка всё же заставила себя посмотреть на отражение этих машин в Сети. Заглядывать глубоко она не стала, но увиденного на поверхности было достаточно. Слишком мало нитей связывало этот узел с другими, слишком запутаны были показания на открывшихся экранах. А призраки выполняли запутанные команды человека, которого здесь нет. Лишь чья-то тень делала стабильную работу этих машин возможной, и развеять её было до жути просто. По

этому монахиня решила не вмешиваться — все и без того могло пойти прахом из-за единственной ошибки, ещё и Недуг делал задачу на порядок сложнее.

Закончив подготовку машин к отключению Сердца, Нила встала, поправила куртку и длинную юбку и поклонилась. Дади заставила себя заговорить первой, отчего скрыть волнения в словах не удалось.

— Мне нужно знать больше. Тогда смогу дать наставление. Говорите, сида. Я слушаю.

— В таком случае давайте прокатимся для лечебницы. Объясню по дороге, что смогу. Остальное лучше увидеть.

— За системой водоснабжения следили три человека, — рассказывала по дороге Нила, — после вспышки Недуга остался один. Первым двум повезло. Потеряв способность нормально взаимодействовать с Системой, они смогли урвать достаточно льготной кармы, что бы уехать. Третьему, их бригадиру повезло меньше — он почти не пострадал.

Для него это означало ровно одно — вкалывать за троих. Мы хотели подготовить смену, но это требовало времени. Рисковать полной остановкой машин тоже было нельзя, поэтому бригадир пошел на отчаянный шаг — модификация мозга. Операция прошла успешно, он был готов к работе уже через пару недель, в течении которых за водоснабжением приглядывала я. Когда к обязанностям вернулся он, машины заработали также слаженно, как и до... всего этого.

Недуг нельзя вырезать как опухоль или выжечь лекарствами. Никогда нельзя быть уверенным, что он ушел полностью, даже если был слаб.

— Да, — ответила Дади, — я знаю.

— И в этом мы убедились довольно скоро. Всего через несколько дней семя Недуга, которому удалось скрыться от монахов в голове несчастного, пробудилось. Приблуда из монастыря, который теперь заведует нашей кантиной, помог нам справиться. Вспышка была не сильной, но работу машин подпортила изрядно. Вы сами видели, сида, что они и новых людей больше не подпускают, и старым подчиняются нехотя. Кроме наблюдения мне доступно крайне мало, и если что-то серьезно пойдет не так, от меня проку не будет. Мы сидим на часовой бомбе. И это ещё не самое мрачное.

В лечебнице было тихо. Большинство больных пребывали бы в общей палате. Большинство коек пустовало, на некоторой мебели даже был слой пыли. Обилие свободных мест в лечебнице должно было радовать, но Дади восприняла это как апатию жителей по отношению к собственному здоровью.

Нила вела паломницу в дальний конец, к койке, огороженной стеклянными щитами, переведенными в непрозрачный режим. Они остановились у дверцы в щите и стали дожидаться главу врачебной службы. Долго ждать не пришлось. Аса, с ещё более раздраженным и уставшим видом, шагал им на встречу. Эхо его шагов раскатывалось по тихой палате.

— Если вы решили зайти с этой стороны, сида, — обратился врач к Дади, — то выход, надеюсь, найдете правильный.

Прекрасно понимающий зачем к нему пришли, Аса открыл дверь. Все, кроме пожелавшего остаться снаружи Дина, прошли за щит. Впервые за несколько лет девушка увидела жертву Недуга. Недюжинным усилием она подавила желание тотчас уйти.

Внешне в картине не было ничего особенного. Человек в белой рубашке лежал на койке,

подключенный к обычной системе жизнеобеспечения. Его руки, бритую голову, открытую часть груди покрывали татуировки. Замысловатый сак янт состоял из множества правильных геометрических узоров, украшенных молитвами. В математике узоров этой татуировки было зашифровано обращение к Системе с просьбой изгнать Недуг из этого тела. Но это все не отражало происходящего у больного в голове.

Дади с горечью вспомнила лица братьев и сестер, покрытые такими же картинами в тщетной надежде на то, что глаза Системы все увидят и поймут, что будет указан путь прочь из темницы пораженного ума. Девушка не знала, помогло ли это тогда и поможет ли это сейчас. Она чувствовала, что в городе полно простых комнат в простых домах, которые теперь не отличаются от этой палаты — койка, тело, закованный в него рассудок и безутешные близкие рядом.

Преодолев себя, Дади все же посмотрела на отражение человека в Сети. Одна единственная нить была привязана к нему. На другом её конце находилась машинерия водной службы. Но на этом было лишь желто-красное марево из кодов и пожирающих самих себя призраков, не способных более оторваться от этого человека. И где-то в глубине этого бурлящего клубка Дади нашла поток данных, исходящих от пациента. Он от начала и до конца был продиктован имплантами и заложенной в них программой — управлять машинерией водной службы.

— Бардо... — дрожащим голосом вымолвила девушка.

— Весьма неполный диагноз, — вздохнул Аса, — но да. И я не в силах ему помочь. Мои руки связаны законом, совестью и этой женщиной.

Дади захотела вздохнуть, но её грудь словно сдавил собственный костюм, а в голову камнем ударил простой вывод — лечебница нуждалась в воде, а водная служба нуждалась в этом пациенте.

— Вы хотите, — тихо обратилась девушка к Ниле, все ещё разглядывая сак янт, — подключить его обратно. Полностью.

— Это необходимо. Без оговорок система водоснабжения примет его одного. — глава водной службы явно разделяла недовольство всех присутствующих, но все же стояла на своем.

— Освободить. Позволить реитерацию. Это мой долг. Моя функция в Системе. — прошептала Дади, глядя на лишенное сознания тело, но видя своих братьев и сестер в больничных палатах монастыря.

— Но выдернуть шнур всё же не хватает духу? — сказал Аса, и голосе его не было ни толики насмешки, только усталость.

— Да...

— Понимаю.

Дади вспомнила один из уроков учителя, который, по его мнению, она так и не усвоила. Но сейчас он помог ей подобрать слова.

— Этому нужно придать смысл...

— Даже позволь я превратить своего пациента в придаток автоматике, — Аса все ещё не повышал голоса, хотя и более не скрывал раздражения, — остается проблема обеспечения. Мои запасы нейрорептиков иссякают, потому что кое-кто пользуется льготами, выкручивая мне руки и обворовывая вдобавок. Я вам не завидую, сида. Выбирать из кучи неправильных вариантов — задача не из приятных.

Вернувшись на борт Эвр, Дин принялся ремонтировать все, что попадет под руку. Но

все, что он узнал за последние сутки, назойливо вертелось между ушей. Дади вернулась вместе с механиком, но не вошла на корабль. Вместо этого она прямо в пустом порту приступила к тренировке — самому надежному способу вытрясти лишние мысли, который был ей известен. Когда на лбу выступил пот, в голову начал приходить порядок.

Водная служба хотела забрать у врачей безнадежного пациента и сделать из него придаток машины. Защитники города нуждались в дополнительных запасах воды для патрулирования. А врачебная служба обвиняла бойцов в присвоении чрезмерного количества препаратов интересного свойства. Три городских главы вцепились друг другу в хвосты и бегают по кругу.

Дади остановилась и перевела дыхание. Она медленно провела пальцами по лезвию, словно стирая с него что-то — странная привычка, перенятая от учителя фехтования. Девушка не знала как распутать тугий узел, в который завязались проблемы людей этого города. Но могла его разрубить.

Аса и Каран согласились предоставить паломнице медицинские карты и личные дела ополченцев. У обоих это вызвало негодование, пусть по совершенно разным причинам.

Держа наготове учебники по логике и математике, Дади смогла сопоставить количество выписываемого препарата, списки его принимающих, расписания дежурств и посещений лечебницы и ещё кое-какие массивы данных. Отбросив несколько десятков имен, девушка получила довольно короткий список, в котором было двое определенно виновных и около дюжины подозреваемых.

Дади решила не тянуть, хотя и ощущала усталость и нарастающую жажду. Она отправилась прямо к размещению роты, в который были многие подозреваемые и один точно уличенный в присвоении и употреблении лекарств ополченец. Дин, все не находящий себе места, отправился вместе с ней. Приближаясь на боте к зданию, в котором находилась казарма подразделения, Дин прервал молчание и спросил уставшим голосом:

— Так каков твой план?

— Убедить первого подозреваемого выйти. Проверить его состояние. Испробовать разные подходы. Наиболее успешный применить на остальных.

— Всех сразу? В бою одной против семерых я поставлю на тебя, но разом уговорить целую роту... Может хотя бы обрабатывать их по одному?

— Слишком долго. Слишком тяжело ничего не делать. Слишком хочется быть не здесь.

— Понимаю... — вздохнул Дин.

Механик пришвартовал бот, и план перешел на этап томительного ожидания. Девушка искала надежный способ выманить наружу нужного ополченца, а Дин просто закинул голову и смотрел на небо.

— Можно я буду вести допрос? — неожиданно даже для себя спросил он.

— Нет, — твердо ответила Дади не отвлекаясь от своих расчетов.

— Почему?

— Я старше тебя. Выше тебя. Лучше подготовлена.

— Из этих аргументов весомый только один, — парировал Дин.

— Они старше тебя. Выше тебя. Лучше подготовлены. И вероятно не трезвы.

— А вот это уже убедительнее.

— Зачем тебе это? — девушка все же отвлеклась от раздумий, который давались ей нелегко.

— Не знаю, — Дин пожал плечами. — Просто у меня тоже руки чешутся.

— Тебя что-то гнетет. Голос и язык тела выдают нагрузку. Можешь не рассказывать. Но я рекомендую разгрузку.

— Полагаю и в этом ты подготовлена лучше, — ответил Дин. Они посмотрели друг на друга и оба поняли, что тему лучше пока закрыть.

— Видимо придется сбрасывать стресс более привычным способом.

Они ещё раз обменялись взглядами. Дади вопросительно подняла брови, чуть выше чем обычно.

— Ремонт корабля, — попытался объяснить механик, — я имею в виду ремонт корабля. Или душ.

Дин принялся чесать свой покрытый грязной рыжей шевелюрой череп парой манипуляторов. Но страдать от зуда пришлось недолго, несколько мгновение спустя дверь здания открылась и из неё вышел тот самый ополченец, на которого охотилась Дади. Прикинув шанс того, что снаружи случайно окажется именно тот, кто нужен, девушке пришлось признать вмешательство удачи в свою работу. Её учитель такого вмешательства не одобрял, вот и она от этого напряглась.

Выйдя наружу ополченец принялся тяжело и глубоко дышать. Жадный до свежего воздуха, он выглядел немного нездоровым. А ещё от него жутко разило тем сладким дымом, которым регулярно баловался учитель Дади.

— Сати... — робко спросила девушка. Ополченец не услышал её за громким свистом собственного носа. Дин сложил руки на груди и похлопал мужчину по плечу манипулятором.

— Что? — с тяжелым выдохом выпалил он.

— Я хочу поговорить. О вашей зависимости.

— Боюсь, вам нужно уточнить о каком аспекте зависимости пойдёт речь, сива, — неожиданно вежливым тоном отозвался ополченец, — иначе я не смогу сказать то, что вы хотите услышать. Психология или физиология? Причины, побудившие к употреблению? Или просто связанный с темой интересные истории?

— Вы под действием нейролептиков прямо сейчас? — спросил Дин, пока девушка мешкала.

— Совершенно верно.

— Хорошо, — Дади наконец собралась с мыслями, — Я выбираю второй вопрос.

— Что? — переспросил мужчина немного помедлив.

— У вас имплант в мозгу. Стандартный стрелковый. Идет с рецептом на пару доз в месяц. Согласно норме.

— Простите, я посчитал первый вопрос за два и сбился со счёту. А вы уже сами себе ответили, что все согласно норме.

— Я о том, что употребляется сверх нормы. Почему?

— Но что есть норма? Это тоже весьма абстрактный вопрос, — искренне недоумевал мужчина.

— Норма это то, что прописывается аналогичным пациентам. И согласно закону, — попыталась ответить Дади.

— Если под аналогичными пациентами имеются в виду мои сослуживцы, то они принимают столько же. И все в соответствии с документами. Значит я принимаю препарат в

рамках нормы, верно?

Девушка крепче вцепилась рукой в посох со звучным скрипом перчатки.

— У вас зависимость. Пока только психологическая. Все признаки есть в медкарте. Так в чем ваша проблема?

— Даже не знаю с чего начать, сида. Если вы успели осмотреть город, то должны знать что перечень проблем здесь у каждого довольно длинный. Пара уточнений поможет мне сократить список.

Девушка втянула воздух носом и отчеканила с тоном истекающего терпения:

— Травма детства. Потеря близкого. Или бессмысленность сущего.

— Что?

Девушка обратилась к своему спутнику через связь, чтобы разговор остался неслышанным.

— Дин, помоги. Пожалуйста.

— Что? — ответил механик и тут же пожалел о выборе слов, когда монахиня повернула голову в его сторону и левый глаз хищно блеснул.

— Не знаю, я тогда погорячился. Я вскрываю механизмы, а не души и черепа, — ответил Дин и взгляд девушки моментально сменился с гневного на жалостливый. — Ладно, подыграй мне.

Ополченец немного напрягся, когда рыжий парнишка шагнул в его сторону и заговорил, стараясь сделать свой голос глубже, чем он есть на сама деле.

— Слушай. Помоги нам помочь тебе. Мы в любом случае поможем тебе, но понадобится ли тебе помощь после нашей помощи решать только тебе.

Ополченец открыл было рот, механик его перебил:

— Если следующие твои слова не будут ответом на заданные вопросы, моя протезе тебя вырубит.

Сделав выразительный глубокий вдох, ополченец произнес:

— Что?

Левый рукав Дади едва окрасился алым, но в сумерках это было заметно. Удар прочертил в воздухе багровую черту, соединяющую плечо Дади с челюстью ополченца. Мужчина прильнул спиной к двери и медленно сполз на пол.

— Что!?! — выпалила монахиня. На этот разговор она потратила немало своего терпения.

— Ничего, — механик пожал плечами, — ты же не планируешь проводить такое собеседование с каждым?

— Возможно. Не знаю. Сейчас ничего не получилось. Не знаю, получится ли дальше.

— Да уж, — тоскливо ответил механик, отпихивая отключенного ополченца и открывая дверь, — давай тогда прикроем этот притон.

— Ты со мной? — спросила Дади.

— Конечно, я люблю смотреть на мастеров за работой, — ответил механик. Дади как раз надеялась, что он пойдет следом и поможет своими выдающимися, по сравнению с её собственными, навыками переговорщика

Дин закончил возиться и открыл неподатливую дверь. На небольшом КПП, вопреки уставу, никого не было и вторженцы беспрепятственно двинулись вглубь здания. Они миновали тускло освещенный коридор, в который выходили все помещения, и остановились

у двери казармы. С той стороны доносился вялый гул разговоров и приторный запах курева.

Дади погрузилась в сеть. По сторону двери она нашла несколько отражений теломодов. Дотянуться до них было проще, чем до примочек наемников из Барнола-Шесть, но без долгих секунд боли в глазу не обошлось. Сделав глубокий вдох, девушка открыла рукой дверь и вошла. Механик юркнул следом.

Внутри все в кой-то веки соответствовало ожиданиям и казарма выглядела как казарма, пусть и захламленная. Восемь человек, среди которых была и женщина, устроились на полу между коек, прильнув к их спинкам. Все внимание обратилось на паломницу, хотя разговоры затихли не сразу, словно кто-то плавно убавил звук на записи до нуля. В помещении было дымно, в этой духоте мысли и время тянулись как жвачка.

— Сати, — сглотнув заговорила Дади, — прошу прощения. Я хочу поговорить. С каждым. О вашей зависимости. Она вредит и вам, и всему городу. Я уже пообщалась с вашим другом. Снаружи. Он принял мои слова к сведению. Теперь мне нужно обратиться к вам.

— Вечер добрый, сида, — отозвался один из ополченцев. — Позвольте кое-что уточнить?

— Да.

— Наш друг снаружи, по вашим словам, принял ваши слова, и мы должны поверить вам на слово, раз его слово мы услышать не можем, потому что наш друг снаружи, верно?

— Все так, — ответила девушка, хотя механик, прислонившись к косяку чуть позади неё, не сразу разгадал этот ребус.

— Но почему он снаружи? Он же наш друг, а мы все внутри.

— Ему нужно время подумать. И подышать.

— В таком случае, сида, я позволю себе высказать мысль, которую как мне думается, все мои товарищи высказать хотят, но не могут, потому что высказать её уже собираюсь я, а перебивать говорящего грубо, — ополченец обвел взглядом всю свою компанию и все они одобрительно закивали. Дади вскинула бровь.

— Итак, сида, по-моему, наш друг снаружи лежит без сознания, а вы пришли прикрыть наш притон.

— Значит вы признаёте это место притоном, сид, — пыталась парировать Дади.

— С этим не спорим, — ответил ополченец и медленно встал на ноги. Он плавно зашагал в сторону девушки, грудью расталкивая клубы маслянистого дыма.

— Сида, позвольте проводить вас наружу? Не то что бы мы вам не рады, но это уставной объект.

— У моего монастыря тоже есть устав.

— И к вам мы со своим уставом не ходим, — ополченец, подойдя и держа одну руку за спиной, все же указал на дверь.

— Я признательна за это, сати, — с легким поклоном ответила Дади, — но я не могу уйти не попытавшись.

Ополченец позволил себе положить свою левую руку девушке не плечо, чтобы развернуть её направить к выходу. Но Дади плавным и демонстративно не агрессивным движением взяла его за предплечье и зажала посох в локте. Ополченец попытался отдернуть руку, но она словно застряла в тисках. Дади на секунду отвела от него взгляд, что вызвать перед собой нужные справочники.

— Расскажите о ваших проблемах, — попросила девушка, едва ли не умоляя.

Ополченец замахнулся правой рукой. Девушка оказалась быстрее и схватила его за

плечо у основания шеи, нажала на болевую точку. Дади одним движением ноги выбила противника из равновесия и сама встала в стойку пониже, пока мужчина в её захвате опускался на одно колено.

— Вы довольны своим положением? — спросила Дади, заглядывая краем глаза в свои справочники по психологии.

Дин, на которого никто не обращал внимания, по велению Дади отлип от косяка и закрыл дверь. Ополченец попался что-то прокряхтеть, но за него сказали его товарищи:

— Думаю мы в положении быть недовольными его положением, сида!

Девушку попытались взять в клещи. В ответ она отпихнула своего первого соперника ногой и выключила ему одно легкое на минуту. Принимая стойку с посохом она заставила отпрыгнуть бойца справа и перебила предплечье тому, что слева.

— Вы хотите поговорить о ваших травмах? — спросила у него Дади.

— Вы могли бы уточнить о каких именно? — спросил он в ответ, баюкая сломанную руку и уступая место товарищам. Двое обезврежены, осталось шестеро. Один из них все же обратил внимание на стоящего у двери Дина и направился в его сторону. Дади словно таран врезалась ему в спину, сломав пару ребер и заставив удариться головой о стену. Правый рукав и левая штанина её одеяния приобрели быстро угасающий багровый оттенок, и букет ароматов казармы пополнился испарениями теплоотвода. Минус один.

— Вы толкаете нас к агрессии, сида! — услышала Дади за спиной женский голос. Она обернулась и посохом отразила летящую в неё табуретку.

— Я не могу от этого отмахнуться. — ответила паломница.

Четверо ополченцев остановились в неуверенности. Как только Дади осознала, что одного не хватает, пятый прыгнул на неё со спины. Девушка успела пригнуться, боец мешком перевалился через неё. Дади схватила его за руку, и, увидев что это протез, обратила посох в клинок и пригвоздила её к полу.

— Главное не опускать рук, — процедил распластавшийся на полу ополченец. Осталось четверо.

Дади поморщилась, прочитав следующую строчку в справочнике, но все же попыталась следовать сказанному.

— Давайте начну я. Это поможет вам открыться, — девушка заметила, как женщина-боец метнулась меж коек за второй табуреткой. Поняв, что пришелица хочет напасть на их боевую подругу, ближайшие к Дади два ополченца все же ринулись в бой. Один не смог ступить и шагу, сразу потерял равновесие и плюхнулся на пол — его нога внезапно отключилась. Второй достиг цели, но цель встретила его парой резких ударов в солнечное сплетение и печень. Паломница повалила противника с ног простым приемом и тот упал скрутившись калачиком и хватая ртом воздух. Дади нацелилась на ополченку и быстро зашагала в её сторону.

— У меня серьезный случай подавленной агрессии, — процедила Дади. Откуда-то сбоку тут же донесся ответ.

— Спасибо, что открылись, сида, — сказал номер седьмой, занеся ещё один табурет для удара. Правый рукав и половина спины на одежде Дади моментально покраснели, резким движением она прервала размашистый удар, выхватив табуретку из рук противника. Не ожидавший такого боец согнулся пополам. Он посмотрел вверх и встретился взглядом с девушкой, грозно зыркнувшей поверх плеча и с размаху метнувший табурет в пол, отчего предмет мебели покорёжился до непригодности.

— Я вас услышал, — сказал седьмой и попятился, заканчивая свое участие в происходящем. Из ополченцев осталось только женщина, и Дади продолжила свое угрожающее движение в её сторону.

— Хорошо, сида, я давайте я попробую, — сказала ополченка, стараясь держаться на расстоянии от неотвратимо приближающейся противницы, — если коротко, в попытках осмыслить мыслимое человеком положение вещей во Вселенной... — женщина старалась метаться по казарме так, чтобы между ней и Дади всегда была хотя бы койка, — ...мы пришли к мысли о немыслимости объективного первосмысла бытия. А без него любые взгляды на справедливость, мораль и добродетель не имеют конечного обоснования, и, следовательно, безосновательны. Ровно, как и бесцельны поиски цели чего бы то ни было.

Ополченка оказалась рядом с прищипленным к полу товарищем. Она хотела выдернуть меч из пола, но по поверхности рукояти прошла опасная рябь прежде, чем на неё опустилась чужая ладонь. Женщина отказалась от этой идеи и продолжила уворачиваться от тяжело шагающей Дади.

— Лишь страдание универсально, и, следовательно, наиболее близко к объективному первосмыслу. Это ужасающая мысль настолько ужасна, что требуется медикаментозное воздействие на рассудок, чтобы снизить вредоносное влияние логики на здоровье.

— Экзистенциальный нигилизм, — Дади наконец остановилась. — Не нормированная эксплуатации психоактивных веществ есть ваш эскапизм. Верно?

— Совершенно верно, сида! — радостно отозвалась ополченка.

— Эти препараты нужнее другим людям. При устранении причины, вы откажетесь от нейролептиков, верно?

— Также совершенно верно!

На это Дади не ответила, только со вздохом ссутулилась и устало пошла к выходу, забрав посох по пути.

— У меня нет мудрости для вас. Прошу прощения за испорченный вечер, — сказала девушка, покидая казарму.

Дади была готова ко всякому, но всячески гнала от себя мысль, что здесь её встретят люди такие же, как и она — пытающиеся выносить свой не лучший жребий по жизни. И вот это мысль вновь одолела девушку также, как она одолела этих ненадолго забывшихся бедолаг. Никто не увидел как её лицо перекосило от боли, как по левой щеке побежал ручей, пока девушка тянулась через сеть, забирая их военные удостоверения и рецепты.

Снаружи поднялся ветер, город словно кашлял резкими порывами. Набрав полную грудь пыльного воздуха и едва не поперхнувшись, Дади забралась в бот.

— Надеюсь это все на сегодня? — почти простонал Дин, догадываясь как будет ответ на этот вопрос.

— Нет, — ответила девушка усталым и отрешенным тоном. — Ещё не все.

Осознание пришло к Дади ещё до того, как она вошла в казарму. Всю дорогу девушка прокручивала эту цепочку своих мыслей, выискивая в ней изъяны и ошибки. Хотя того и другого было в полно, Дади все ещё не могла счесть свое заключение полностью ошибочным. В голове она ясно нарисовала картину того, как главы города пожимают руки теперь, когда их клубок противоречий разрублен. Очистив свои ряды от неблагонадежных членов, ополчение снизит расходы воды и сможет запасть достаточно для длительных патрулей. В лечебнице будет оставаться больше ценного препарата. Водная служба также

получит шанс добиться своего.

Но как только опустятся руки, поднимется вопрос — что дальше? Все вспомнят о большом Сердце, поддерживающим жизнь в городе из последних сил. И скоро оно будет просто не в состоянии обеспечить всех. Тогда все вернется на круги своя, словно паломница и не проходила через этот город. Дади не знала как отворотить эту беду, но могла хотя бы выиграть время.

Фасад энергостанции напоминал надгробие. Дади вошла внутрь не смотря по сторонам и игнорируя внимание редких рабочих, чья смена ещё не закончилась. Она заранее оповестила всех о своем намерении, более нужды перед кем-то отчитываться у неё не было. Не задерживаясь, она прошла в зал Сердца. Провода и трубы покрывали пол почти полностью, скручиваясь ближе к середине в спираль, а в самом центре вовсе сплетаясь в клубок четырёх метров в объёме. Дади медленно приблизилась к нему, уселась скрестив ноги и погрузилась в Сеть.

Раздражающий неровный гул звучал в зале, и ему подпевал резонирующий металл вокруг. От этого Дину стало не по себе. Он принялся изучать это сплетение нервов городской энергосети, даже расправил манипуляторы и приготовил взятые инструменты, но так не нашел для себя работы. Он стал бродить по проложенным среди кабелей и труб тропинкам просто затягивая болты и проверяя соединения проводов, делая все что угодно, лишь бы сделать хоть что-то.

В конце концов Дин сдался. Выйдя наружу он устроился в боте и стал наблюдать за мимолетными картинками, складывающихся из пылевых завитков и тут же исчезающих, чтобы никогда больше не повториться. Сквозь очередной пылевой вихрь по улице прошел бот, довольно крупный и с крышей. Он шел плавно, нарушая бурное творчество ветра.

— А вот и они, — сказал кто-то рядом с Дином. Юноша резко повернулся и увидел музыканта из кантины, сидящего рядом. Механик хотел было спросить как он оказался здесь, но ответ был очевиден — в конце концов это бывший монах.

— Согласен, со стороны паломницы весьма разумно приклеить заплатку там, где дырка только появиться. А может и неразумно. А может напротив, слишком разумно в этой ситуации.

— О чем это вы, сид? — спросил Дин.

— Даже не знаю. Просто глаза видят, уши слышат, а кишки переваривают услышанное и увиденное и подсказывают, что ей понадобится немалая удача.

Бот пришвартовался рядом, даже опустил небольшой трап, но никто не торопился выходить. Сквозь окна было видно, как главы города о что-то обсуждают, но без особого энтузиазма.

— В конце концов, — продолжил музыкант, — их глаза, уши и мозги принадлежат не ей.

Главы неохотно покинул свой транспорт и вошли в здание и прошли в зал Сердца. Они смотрели на отражение установки в сети и не могли поверить увиденному.

— Я сделал что смогла, — сказала Дади не поворачиваясь и не вставая, — Сердце проработает дольше. От лица учителя я отправила запрос в ближайшие монастыри. Вопрос замены сердца возможно рассмотрят выше. А ваши взаимные требования теперь могут быть удовлетворены. Каков теперь статус запроса?

Главы переглянулись.

— Запрос мы признаем исполненным, Экумена тому свидетель, — сказал за всех Аса.

Он все ещё выглядел так, словно кровать видел только во сне.

— Хорошо, — ответила девушка, вставая со своего места и растягивая затекшую спину. Не сказав ничего более, она прошла мимо остальных напрямиком к выходу.

— Сида, позвольте спросить, — обратился к паломнице Аса прежде, чем девушка переступила порог зала. Дади остановилась и обернулась. Усталость позволила ей скрыть недовольство.

— Как по вашему, — начал он, не дожидаясь формального позволения, — кто должен возглавить службу энергоснабжения? Этот пост пустует ещё со вспышки Недуга. До сих пор автоматика и небольшой персонал справлялись со всем, но всё-таки здесь требуется руководство.

Дади была разочарована. Она лишь посмотрела в глаза всем троим и поняла, что все сделанное сегодня было напрасным — не успеет она выйти наружу, как эти трое вновь начнут тянуть одеяло на себя.

— Я не знаю. Спросите того, кто знает вас лучше, — Дади поклонилась и ушла. Для дальнейших разговоров у неё слишком пересохло в горле. Ещё какое-то время она слышала позади их возбужденные голоса.

Дин отвез девушку обратно в порт. Им обоим хотелось спать, но оба понимали, что заснуть будет не просто — оба все ещё были на взводе. Даже из бота выбираться не торопились. От жажды механик наконец вспомнил о банке энергетика в своем кармане. Прикинув запасы воды на корабле, он в конце концов решил промочить горло тем, что ему вручила судьба. Он сделал глоток, и, пытаясь найти нотки кофе в мешанине вкусов, протянул баночку Дади. Девушка сидела с напряженным лицом и обняв колени. Она хотела отказаться, но сухость во рту заставила передумать. Не имея особых вкусовых пристрастий, она осушила банку несколькими крупными глотками и вернула её Дину уже пустой.

Девушка почти сразу ощутила прилив энергии, от которого захотелось немного пошевелиться. Она перебралась через борт и начала ходить кругами. Смотря на это Дин почти мог ощутить брожение в её голове. В этот момент до него дошло, что давать энергетик кому-то в таком напряжении было не очень разумно.

Дади металась из стороны в сторону, немного ускоряя шаг с каждым кругом. Она безмолвно спорила сама с собой, и похоже, что оба голоса в её голове уже переходили с аргументов на крики и обвинения. Она взяла посох в обе руки и начала отрабатывать удары, надеясь что измотав тело она сможет и утомить и разум. Но и яростные атаки по воздуху не приносили удовлетворения. Дади уже хотела начать избивать бетонную плиту под ногами, как глаза её зацепились за нечто стоящее у портовой стены. То был раздражающе зазывающий торговый автомат, ставший теперь мишенью для гнева девушки.

Девушка подошла к автомату, на ходу обратила посох в клинок. Тусклое красное свечение охватило рукава и спину комбинезона и Дади обрушила на бок ничего не подозревающего автомата свой удар. Черный меч прорубил металлический ящик на треть, внутри взорвалось несколько банок и автомат начал кровоточить сладко пахнувшей жижей. Ещё два удара и автомат был разрублен надвое. Дади нанесла ещё несколько ударов оставшейся стоять половине устройства и наконец-то немного успокоилась.

Наблюдая за этим насилием Дин наконец смог разобрать вкус энергетика и пришел к выводу, что это жуткая дрянь.

Тот, кого называли Доктором, стоял на причале Акабы-Пять скрестив руки и рассматривал незнакомый катер. Дополнительные стяжки и тросы на мачте, усиленное крепление заднего левого двигателя, приваренные к бортам заплатки — по настоящему товарный вид имело только отражение корабля в сети с коротким именем “Эвр”.

Доктор уже знал, что на борту этого пришлого судна путешествует самая настоящая паломница. Он решил пока её не беспокоить, только записал сообщение с просьбой поговорить и передал его судовому Призраку. И представился именем, которое должно было наверняка привлечь её внимание после погружения в дела Барнола-Шесть по самые уши. После он отправился в город, распробовать заваренную там кашу и придумать, как же её разгребать.

— Один горячий обед! — громко озвучил Док свое пожелание, переступая порог кантины. Музыкант занимался настройкой своего инструмента, уложенного на барной стойке.

— Если у вас есть квота, сид, — довольно ухмыльнулся он, от чего деревянное лицо заметно скривилось.

— Уверен, я привез достаточно, чтобы компенсировать городу один горячий обед.

— Твоя уверенность сидит на тебе как влитая. Носи её с гордостью, только не тычь мне в лицо, — проворчал музыкант уходя на кухню. Минуту спустя он вернулся неся на подносе тарелку лапши и кружку чая.

— Я настолько тебе не нравлюсь? — спросил юноша. Не заморачиваясь, он дал рукам команду выполнить программу этикета. Как только автоматические движения завершились и палочки оказались в надежном захвате, он начал трапезу. Музыкант терпеливо за этим наблюдал и ответил на вопрос как только позволили приличия.

— Горожане любят широкие жесты, а у меня к ним как врожденная, так и выученная неприязнь. Впрочем, это моя проблема. Что касается не моих...

— Моя “Программа реновации экономики Акабы-Пять” только что стала чуть более конкретной. Если все пройдет гладко, то через пару дней мы вытащим город из полного небытия.

— Если ты задумал очередную идиотскую выходку, лучше мне не говори, — ответил бывший монах.

— Не переживай. Сделав ещё одно дело я двинусь дальше.

— Вот так нас покинешь? Тогда здесь будет скучновато — музыкант наигранно опечалился.

— Я покину вас телом, но не душой. Моя работа ещё отразится на этих краях.

— Уж в этом сомнений нет.

— И не только моя. С паломницей я поговорю как только она сама того пожелает. А вот что делать с нашим местным маленьким триумвиратом...

— Судя по тону, у тебя есть идея, — сказал бывший монах, предлагая через Связь разделить видение разговора городских глав, который разворачивался в городской сети в это время. Медленно, но верно их совет скатывался в склоку.

— Да, одна идея есть.

— Такая же идиотская, как и остальные?

Док не ответил. Только загадочно улыбнулся.

С тех пор как Док покинул отчий дом и отправился в свое путешествие, его повсюду сопровождала удача. Не настолько большая, чтобы вскружить ему голову, но он прекрасно понимал, что кости его не сохнут под Солнцем пустоши только благодаря череде счастливых случайностей. Тем не менее планы, которые он и его товарищи вынашивали уже не один год, исполнялись стремительно. И случайная встреча с паломницей могла дать им самый большой толчок. Настолько большой, что Док не на шутку заволновался.

Закончив есть и отложив приборы, он скрестил руки на груди, оперся локтями на стойку, закрыл глаза и погрузился в Сеть. Он вошел в свой небольшой надел сетевого пространства, больше похожий на хаотичный лабиринт, стенами которого служили экраны с трактатами о политике, философии и медицине. Но под слоями скучных и объемных писаний скрывалось и собрание пьес, романов и прочей беллетристики. Одним движением мысли все это превратилось в плоскую узорчатую текстуру на мнимом полу. Лишь один единственный узел остался в “воздухе”. Док потянулся к нему. По тонкой золотой нити сигнал ушел куда-то в пустоту, и юноша стал ждать.

Ждать пришлось недолго, по команде с другого конца нити узел раскрылся, явив ворох сообщений и записей, сохранность которых поддерживала стайка деловитых Призраков. Отогнав суетливые сгустки кода, Док раскрыл узел ещё больше, чтобы тот заполнил его уголок Сети почти полностью. Теперь он был здесь не один.

Юноша отразил свое тело в деталях, чтобы упростить общение, его собеседник сделал то же самое. Док был рад в очередной раз увидеть лицо давнего товарища.

— Рам! — раздался приветливый голос из мнимой головы.

— Дружище!

Парни симитировали приветственный хлопок в ладони. В очередной раз введенный в заблуждение разум заставил почувствовать мнимое касание на реальной коже.

— Что-то ты зачастил, — сказал человек на другом конце Связи.

— Работаем на опережение — Рам усадил свое отражение на мнимый стул, — Похоже мы с тобой встретимся даже раньше срока. — Надеюсь обещанная бутылка фенни меня дождется.

— За это ручаюсь, — ответил его друг и издал странный звук, словно где-то на другом конце Экумены его тело протяжно зевнуло, — ну рассказывай.

— Если все пойдет как идет, — юноша подался вперед, — Акаба-Пять получит автономию уже в этом году. Даже хозяйство начнем восстанавливать.

— Это если повезет.

— Так нам и везет. Судя по всему. Собственно, о том и речь. В город пришла паломница, — Рам попытался выдержать драматическую паузу, но его собеседник лишь развел руки, призывая не тратить время на театральщину, — Она устроила знатный бардак, но, судя по рассказам, готова превысить полномочия ради правого дела. Возможно она даже согласится поучаствовать в нашем последнем выступлении здесь.

— И правда везет...

— С одной стороны закон мирской ей почти не писан и с её поддержкой у нас будет больше шансов, — рассуждал Рам, — с другой...

— Она не одна из нас.

Они оба замолчали, взвешивая за и против.

— Ладно, тебе решать с кем выступать. Думаю моих связей хватит, чтобы отвести от нас одну единственную паломницу с её наставником, если до этого дойдет. Да и у тебя среди монахов есть друзья, верно?

— Вроде того, — ответил Рам.

— Тогда даю мою благословение.

— Вот так?

— Вот так. Потенциальная польза куда больше потенциального вреда. Даже если все пойдет наперекосяк — это все ещё не худший сценарий.

— Какой же тогда худший?

— Когда мы сдадимся, друг мой. Апатия — наш враг.

Рам открыл глаза. Вокруг вновь была пустая кантина, пыль в воздухе перед глазами, барная стойка под локтями, а в уши просачивалась мелодия, которую напевал себе под нос музыкант.

— Можешь кое-что для меня сделать? — обратился к нему Рам. — Свяжись с нашей троицей, скажи что есть срочный разговор. Здесь и сейчас.

— Смею напомнить, что я не твоя секретарша, молодой человек. Почему сам не свяжешься?

— Хочу чтобы ребята задались тем же вопросом. Я собираюсь устроить небольшое представление. А с чего его начать, как не с небольшой интриги?

Музыкант только хмыкнул улыбнувшись. Не отрываясь от своего инструмента, он выполнил просьбу. Рам вновь погрузился в Сеть и потянулся к порту. Корабль с востока все ещё стоял там.

Главы города организовались и собрались довольно быстро. Дел у них в действительности было не так много, и в этом Рам видел симптомы той болезни, которая поразила город. Только глава водной службы была вынуждена остаться на посту, ограничившись присутствием через открытую Связь.

Юноша остался на своем высоком стуле за барной стойкой повернувшись лицом к залу. Главы врачебной службы и ополчения устроились за ближайшим столиком, отражении Нилы тоже “усадили” за него. Троица вновь была на грани очередного спора, но тяжелый взгляд музыканта и осознание серьезности дела подавили перепалку, в зародыше. Когда все были готовы слушать, Рам начал говорить.

— Сидэ! За последние полтора дня произошло много. О результатах моего рейда я расскажу после, это информация куда нужнее вашим счетоводам, нежели вам. А вот произошедшее здесь в мое отсутствие куда интереснее. Наш уважаемый друг, — Рам указал на стоявшего за стойкой музыканта, — ввел меня в курс дела. Правильно ли я понимаю, что буквально вчера в город пришла паломница, и внесла значительный вклад в нашу борьбу за менее туманное будущее?

Триумвират утвердительно кивнул.

— И правильно ли я понимаю, что вы тут же сцепились и начали делить плоды её труда?

Все трое глав уже хотели изложить свои возражения. Рам их опередил.

— Я прекрасно знаю о внутренних противоречиях в организации города, и знаю что, они не исчезнут по щелчку пальцев. Я, вы, мы все над этим работаем.

Главы успокоились. Но не потому что на них действовали доводы или харизма. А потому что все понимали, что эти доводы и эта харизма прекрасно действовали на обычных людей, который объединились вокруг этого пришельца за последние месяцы.

— Новые конфликты нам ни к чему, поэтому вопрос с городской силовой установкой нужно решить здесь и сейчас.

Рам снова выдержал паузу.

— Полагаю у тебя уже есть идея, которая понравится всем? — раздался голос музыканта за барной стойкой.

— У меня действительно есть идея! — воскликнул Рам, довольный тому что хоть кто-то ему подыграл. — И она не понравится ровно одному человеку. Силовая установка перейдет под контроль барной службы и её дражайшего главы.

Смысл этих слов дошел до слушателей довольно быстро. И, судя по округлившимся глазам, довольно ясно.

— Я знаю что каждый из вас хотел взять Сердце города под свою опеку. Но оно работало без неё уже не один год. Пусть так и станет. Мы проведем городское собрание и оформим все официально в ближайшее время.

— В одном ты не прав, — подал голос Каран, глава ополчения, — эта идея не нравится нам всем.

— Значит она вас объединяет. Так или иначе.

Музыкант своим лицом выражал такие оттенки тоски и отчаяния, для которых скуден был словарный запас всех собравшихся. И стоял он так пока Рам и остальные обсуждали подготовку к изменениям, которые должны будут начаться в ближайшие дни. Даже когда главы ушли он не прекратил маскарад.

— Похоже ты любишь театральщину не меньше моего, сид. Кончай корчить обиженку, ты знал к чему все идет, больше никого на этом посту народ не поддержит.

— Юноша, — ответил музыкант, моментально сменив кислую мину на будничную, — я все же человек искусства и буду отыгрывать что нужно и сколько нужно. Кроме того, не ещё вся аудитория разбежалась.

Бывший монах и новых указал пальцев в дальний угол зала. Где за огороженным и скрытым тенью столиком кто-то сидел. По силуэту Рам сразу понял что это девушка.

— Сида, — Рам почтительно поклонился, подойдя к занятому монахиней столику. — Можно?

Девушка кивнула. Юноша уселся напротив и положил руки на стол и наконец-то смог рассмотреть её лицо. Левый глаз, казалось, слегка светился.

— Пожалуй мне стоит извиниться, — сказал он. Девушка подняла брови, тени на её лице немного сместились, и теперь глаза выглядели одинаково.

— Наверняка вы разочарованы происходящим, но подобные спектакли, — Рам кивнул в сторону места, где он держал совет с главами города, — здесь все же работают.

Юноша слегка улыбнулся, но девушка только потупила глаза.

— Позвольте представиться — Рам Ласерн. Но мы и так, в каком-то смысле, знакомы.

— Меня зовут Дади, — тихо ответила девушка.

— Я знаю. В сети Шестого разговоров о вас было много, сида. Я безмерно благодарен за вашу помощь людям этого города. Но могу ли я кое-что уточнить.

Дади кивнула.

— Если я не ошибаюсь, то по правилам паломничества вы должны были принимать прошение от народа или говорящего от его имени. Спросите горожан, и они сами ответ, кого хотят видеть своим представителем перед Орденами. Раз вам попались эти трое, значит, чисто технически, последнее слово все ещё за мной, верно?

— Да, — ответила Дади. Даже не погружаясь в сеть, она чувствовала благоговейный фон вокруг имени Рама.

— Нет, я ни в коем случае не буду пользоваться ситуацией. Напротив, признаю прошение полностью исполненным здесь и сейчас. Просто забавно, что монашеские ордена, вроде бы живущие вне наших правил имеют столько заморочек с собственными.

— Согласна, — сказала Дади. — Ваша следующее дело, сати. Вы хотите попросить меня о помощи. Я согласна. Не как паломница. Как сочувствующая.

— Но почему?

— Если о вас говорят правду, то вы можете преуспеть. Я не смогла. Так не пойдет.

— То есть это вы делаете мне предложение, от которого я не могу отказаться? — Рам откинулся спиной на перегородку, отделяющую столик от зала.

— Да. Однако есть условие.

— Я весь внимание.

— Капитан корабля на котором я путешествую. Получите его согласие. Если он решит уйти, я уйду с ним.

Вместе с девушкой Рам стоял на пирсе и излагал свое предложение капитану маленького и перелатанного корабля — невысокому рыжему парню, наклонившемуся с палубы через леер. Как и в случае с паломницей, ответ не заставил себя ждать:

— Нет, — отрезал Дин, сам не ожидавший столь скорого отказа, — я не позволю втянуть в это Эвр. И точка.

— Пожалуйста, — обратилась девушка к нему через связь.

— Это дело в первую очередь его, и во вторую — правое, — Дин вздохнул и продолжил уже голосом, — мы можем поговорить наедине?

Рам смиренно поклонился и отправился в сторону ближайшей скамейки. Перед Дади опустился трап и она прошла в кают-компанию. Дин уже ждал её за столом.

— Мне все равно, что скажет он, — начал механик. — Но не все равно что скажешь ты. Так что скажи причем тут я.

— Я хочу сделать это. Но... но учитель далеко. Я сомневаюсь.

— И хочешь разделить ответственность за свой выбор с человеком, который возит тебя туда-сюда пару недель?

Дади даже не попыталась возразить, от чего Дин тяжело вздохнул.

— Впрочем я не лучше и хочу чтобы отказалась ты.

— Тебя тоже гнетет это место. Не знаю почему. И это не прекратится, если просто уйти. Но мы можем сделать с этим хоть что-то. Верно?

— Верно. Но вот он с чего взял что может просто так, сходу попросить первого встречного паломника ввязаться в опасную и незаконную авантюру?

— Ты попросил. Я ввязалась. С чего ты тогда взял, что это сработает? — ответила девушка.

— Справедливо, — буркнул Дин, — Из-за моей авантюры в этот город больше не ведет последний сколь-нибудь значимый торговый путь. Теперь он идет через мое захолустье. Так

что за мной должок. А почему ты рвешься рискнуть шеей?

— Это... долгая история.

— Тхе, ладно, но у меня есть два условия, — механик оттопырил к потолку указательные пальцы двух своих манипуляторов. Он вытянул один из них над столом.

— Во-первых, пообещай что ты или твой учитель отмоете имя моего корабля в случае чего.

— Обещаю.

— Во-вторых, — механик протянул над столом второй манипулятор, — ты расскажешь мне эту историю, если я поучаствую в деле.

Дади с неохотой кивнула.

Стоило Дину сделать первый шаг по трапу, как Рам сорвался со своей скамейки. Он дошел до катера быстрее, чем Дин нарочито лениво доковылял до последней ступеньки. Сходить с неё он стал, полагая что почувствует отлив уверенности, если не будет чувствовать собственный корабль под ногами. Да и смотреть в глаза более рослого собеседника так было проще.

— Дин-сид, — начал первым Рам, — полагаю вы хотите узнать подробности, прежде, чем сказать окончательное “нет”?

— Прежде, чем сказать что-то, о чем я пожалею, — механик пожал плечами. — Вы ведь хотите втянуть меня и мое судно во что-то незаконное, верно?

— Что вообще законно на Краю?

— Где-то я это уже слышал... — Дин с тоской поднял глаза к небу.

— В Барноле-Шесть. От главы портовой службы, — уточнила паломница, стоящая на другом конце трапа.

— Да, именно там, — подтвердил Дин. — Итак, что меня ждет? Участие в отъеме благу небедных и раздача их небогатым?

— Это были бы временные полумеры. Мы собираемся украсть для города кое-что более долговечное, — Рам выдержал идеально намеренную паузу и поставил точку, — промышленность.

Вместе с немой головой у Дина зачесались и скудные познания в экономике, оставшиеся со школы.

— Полагаю вы не только красть, но развивать эту промышленность умеете?

— Конечно, нет. Скучной частью займутся более светлые головы. Нам же нужно не потерять свои, пока мы занимаемся веселой.

Дин уселся на ступеньку трапа и оперся головой о кулак. Глаза он направил в сторону Пустоши. Облака степенно плыли куда-то, вслед за ними, по земле, суетливо катились наполненные пылью ветряные порывы. Прекрасная картина, которую, как считал Дин, здесь вряд ли кто-то оценит.

— Я согласен, — ответил механик. — Но только до тех пор, пока вы все можете обещать, что Эвр останется чистой в глаза Гильдии.

— Для этого моих связей достаточно.

— И транспортные расходы оплатить не помешает, — ответил Дин. Преодолев очередное распутье в своей жизни и встав на понятный курс, пусть и ненадолго, Дин почувствовал себя лучше.

Старый монах шагал неспешно, восстанавливаясь после очередного марафона. Дымя

свои агрегатом, он двигался по земле словно подбитое судно.

Не желая вновь предаваться воспоминания или тратить время попусту иным способом, он взялся за расчеты. Одновременно скрываться от глаз Системы и пользоваться Сетью было крайне рискованно, а симуляциями так и вовсе невозможно. Поэтому Андж обходился тем, что сохранилось у него в голове. Данные из Астрографа, навигационные карты, некоторые записи прибытия и отбытия кораблей в этой части Восточного Края, личные данные определенных людей — было с чем работать. Ему даже удалось составить прогноз развития событий. Затем ещё один, столь же надежный. Потом ещё, и ещё. Понимая, что чем больше прогнозов можно составить, тем меньше от них толку, он бросил попытки заглянуть в грядущее, каким бы смутным оно ни было. Снова придется просто гадать, в какую же игру он играет. Снова придется полагаться на удачу.

Но все же Андж нашел повод улыбнуться. Почти во всех расчетах были определяемы две переменные — путь четвертого корабля из Барнола-Шесть, и человек, который этот путь уточнить.

Акаба-Пять, город, в котором его дожидалась ученица, наконец-то показался на горизонте и монах ускорил шаг. Дабы не привлекать лишнего внимания раньше времени, Андж сделал крюк и подошел со стороны восточного порта. Ветер дул ему в спину, унося выдыхаемые им клубы словно дымовой сигнал. К своему облегчению, он увидел знакомый катер, стоящий в том опустошенном порту. К ещё большему облегчению, взойдя на пристань и обойдя корму с кабиной, он увидел Дади на палубе, поглощенную тренировкой. Хотя бы здесь монах оказался вовремя.

Заметив наставника, она забыла обо всем и спрыгнула на пристань. Приземлившись прямо перед наставником, она возбужденно поправила свою оранжевую накидку, вытянулась как струна и отвесила поклон. Андж поклонился в ответ.

— Привет, парень, — сказал Дину, который тоже оказался на палубе. Прыгать он не стал, только помахал тройкой правых рук. Дади стояла с таким видом, словно пыталась рассказывать о нескольких вещах одновременно, и в итоге не получалось произнести ни одной.

— Выдохни, дитя, — сказал монах, — и введи старика в курс...

— ...дела́, — Андж выдохнул целое облако, густое и пахучее. Рассказ ученицы он слушал сидя на краю пирса.

— Простите учитель, — виновата ответила Дади, сжимая ладонями собственные коленки. — Но я не могла связаться с вами. И попросить совета.

— В любом случае с официально частью паломничества тут закончено. Более или менее. А вот с неофициальной...

Андж на минуту умолк, добавляя к своим расчетам новые сведения. Прогноз все ещё был бесполезен, присваивая одинаковые вероятности несовместимым исходам. Но теперь в нем возникла новая последовательность, повторяющаяся из раза в раз.

— Я же не могу отчитать тебя за ещё несодеянное, верно?

Дади наконец посмотрела учителю в глаза, взволнованная и растерянная.

— Если считаешь что это правильно — иди и помоги этим благородным разбойникам, дитя.

— Я не знаю, учитель. Я сомневаюсь. Может, стоило в этот раз выбрать невмешательство?

— Ничего не сделать — это тоже поступок у которого есть последствия. Тебя эти последствия устраивают?

— Насколько я могу судить — нет.

— Тогда дерзай, если действия понятны и последствия ясны. Однако... — Андж сделал глубокую затяжку, чтобы придать голосу выразительности, — ты же видишь чем чреватые его поступки? Эти подвиги не прошли бесследно.

Дади задумалась.

— Это не философский вопрос, дитя. На сколько повысилась эффективность пиратства в этих краях, с тех пор как он тут обосновался? Этим недовольны очень многие, так что удар по его голове может попасть и по твоей. А свою поставить я пока не смогу, увы. Ты и на этот раз сама по себе.

— Но почему? Вы скрываетесь от Сети. Словно вы здесь, но не весь. Это странно.

— Моими делами голову не забивай. Просто сделай все возможное, чтобы вернуться живой, — монах улыбнулся. — Всё расскажу в свой черед, клянусь. А теперь скажи как найти этого музыкантишку.

Дади объяснила как пройти к заведению. Монах подозревал, что не увидится с ученицей до её возвращения, по этому дал ей последние напутствия и вновь ушел.

Андж шагал по улице сетуя на то, что его грузное тело, хоть и скрыто от глаз Системы, с легкостью будет притягивать взоры людей. Рано или поздно, но совершенно непременно, его образ попадет в Сеть. И тогда придется отдать этот раунд игры противнику. Выкинув все связанные с этим переживания из головы, он переступил порог кантины. Сперва музыкант прищурился, разглядывая гостя. Затем его деревянное лицо заметно разгладилось от удивления.

— Вы... — проямлил он.

— Я есть я, — пробасил монах, широко улыбаясь и вдыхая носом дым так, что поверх его бороды кудрявые клубы на миг образовали вторую. — А ты никто и звать никак. Приятно познакомиться.

Андж плюхнулся на стул за ближайшим к стойке столом.

— Итак. Хочешь вернуть себе имя? — спросил монах, с удовлетворением наблюдая как его собеседник бледнеет. — А может даже лучше, — монах подался вперед, — получить новое?

Андж знал лицо и первое имя каждого монаха каждого монастыря Восточного Края. Знал он и лицо одного кутилы, попавшего в монастырь и провалившего свое паломничество в этом городке. А вот имя, стертое из Сети, ему было сейчас недоступно.

Монах и хозяин кантины оба уселись на полу, скрывшись от пустого зала за барной стойкой. Андж потягивал вино. Бывший монах, вооруженный нерастроченными знаниями и надеждой вернуть толику былого достоинства, выуживал из Сети следы кораблей. Анджа, разумеется, интересовало судно, которое, казалось бы, следов не оставило вовсе. И именно благодаря этому, монах знал как его обнаружить. Он поручил музыканту найти и соотнести все сообщения о перебоях связи со спутником, записанные передвижения кораблей и хтонов.

— Тхе... — буркнул музыкант, вернувшийся из глубокого и утомительного погружения, — я и правда напал на след, сид. Слепое пятно движется. От указанных вам координат оно сперва свернуло в сторону монастыря Ганден, а потом направилось в сторону Акабы-Четыре. Если не сменит курс и скорость, будет там через несколько дней.

— Четверка... там сидит губернатор... — задумчиво произнес монах, разговаривая скорее с самим собой — В порту стоит корабль с востока. Он уже отчалил? — спросил монах.

— Да, — ответил музыкант, взглянув в городскую сеть.

— Значит торопиться некуда.

Если в Акабе-Четыре должно что-то случится, то его подопечная не столкнется с этим в одиночку — это старый монах для себя решил окончательно. А значит он будет ждать её здесь. Ждать в полном неведении, так как все ещё не рисковал выходить в Сеть. К счастью, у него было чем занять время.

Спустя несколько часов корабли дошли до первой стоянки, где предстояло сверить их Сердца и рассчитать время. Укрытые брезентом, корабли слились с рельефом, что позволило их экипажам немного расслабиться.

Дади пыталась отвлечься с помощью чтения, пока её не позвали выйти из каюты наружу. Она непроизвольно подняла глаза к бледному вечернему небу. Лунные диски становились полнее и все больше наползали друг на друга. И все глубже становились алые тона, которыми окрашивались ночи в свете багровой стороны луны. Девушка не успела задуматься, оклик быстро вернул её на землю. В паре дюжин метров от кораблей, стоял Рам и махал рукой, призывая подойти.

— Сида, — юноша с поклоном поприветствовал монахиню, — можно вас кое о чем попросить?

— Я слушаю.

— Я обучался в монастыре, и, помимо прочего, получил подготовку в рукопашном бою... — рам откинул полу пальто и показал два деревянных тренировочных меча, — ...и фехтовании.

Дади на мгновение оторопела, ведь изделия из дерева в основном производились в монастырях и имели для них огромную значимость. Увидев как девушка меняется в лице, Рам быстро её успокоил.

— Это не монастырские, не волнуйтесь. Грубая поделка из микопласта, клея и опилок. Но все ещё довольно дорогие, — юноша взял по мечу в каждую руку обратных хватом. — Безусловно то, чему обучают мирян — это просто физкультура на фоне того, чему учат подлинных воспитанников. Но я так и не успел скрестить клинки хоть с кемнибудь из их числа. Поэтому...

Рам метнул девушке один из мечей. Дади с легкостью поймала его, и её внимание сразу привязалось к диковинной текстуре предмета. Там, где было бы лезвие, проступал сердечник из микопласта со следами ударов. Спина и плоскость были покрыты лакированной смесью опилок и клея. Дади сняла одну перчатку и медленно провела пальцами по клинку. Звук кожи, скользящей по гладкому дереву, входил в резонанс с чем-то глубоко внутри. Это было грубое, но полноценное воплощение идеи. Это был меч, лишь тренировочный и далеко не лучший, но настоящий.

— ...поэтому я бы не хотел упускать такую возможность.

Дади смирила юношу взглядом. Несмотря на сумерки, было достаточно светло для спарринга. Но даже так, её левый глаз сейчас мог видеть значительно лучше. Девушка взвесила меч в руке и натянула перчатку обратно.

— У тебя нет шансов, — ответила Дади, без единой толики бравады или высокомерия,

просто констатируя факт. И вспоминая свои поединки с Фари.

— Очень на это надеюсь, — ответил Рам, принимая боевую стойку, — иначе я буду разочарован.

Рам не был разочарован. Потирая зад, он поднялся на ноги и перевел дух.

— Тебя подвела подготовка, — объяснила Дади, — хватило реакции на попытку перехвата удара сверху, вместо простого блока или уклонения, но стойка и момент смены опорной ноги не оставили тебе вариантов и удар после блока был предсказуем, а повалить противника в такой ситуации — дело техники.

— Что же я мог сделать? — отряхивая пальто спросил юноша.

— Уйти от удара и набрать дистанцию, выиграв время и возможность спланировать следующий шаг.

— Иначе говоря не выпендриваться. Да уж, это было познавательно и исчерпывающе. Вступать в рукопашную с монахом мне больше не хочется.

Дади просто стояла опустив меч.

— Но вот вы, сида, — продолжил Рам, — кажется, ждете не дождетесь следующей драки.

Ничего не ответив, девушка только сверкнула левым глазом.

— Я не это имел в виду. Просто мне показалось что вам ...нравится этот спорт. Сейчас я от вас впервые услышал предложение длиннее десяти слов.

Дади задумалась, ведь в этом была доля правды. Великое множество её обязанностей и малое множество желаний отчасти пересекались на полу фехтовального зала. Она вернула тренировочный снаряд владельцу, хотя ей и не хотелось. Рам принял его с довольным видом и на миг уставился куда-то в пустоту перед собой.

— Пора, — сказал он, — корабельщики закончили работу, можно начинать инструктаж.

Новоиспеченный отряд благородных разбойников собрался под натянутым словно шатер брезентом, укрывавшим лишенный имени корабль Рама. Он был немного крупнее Эвр и у его подбрюшья места хватило всем: Дину, команде Рама из двух человек, и их подкреплению из города — трех бойцов из той роты, которой Дади накануне испортила вечер. Ополченцы держались особняком. Шкипер — невысокая коренастая женщина в комбинезоне и фуражке, а также навигатор и штурман Рама — тоже не горела желанием общаться. Вместе с Дином некомфортно здесь себя чувствовал только Малой — крупный и крепкий мужчина, охранник и старпом.

— А тебя как сюда занесло, парень? — обратился он к Дину.

— Сложно сказать. Одно странное решение за другим и бум — я здесь. А ты?

— В общем и целом — то же самое, — улыбнулся Малой.

— Кстати, меня зовут... — начал было Дин, но мужчина его тотчас прервал.

— Не-не-не, мы даже первых имен без надобности не раскрываем. Док в этом плане рискует за нас всех, раз его личное и родовое имя и так довольно известны.

— Ясно, — ответил Дин, — а у меня будет прозвище?

— По-моему позывной “Рыжий” сгодится.

— Дай угадаю, позывной “Малой” ты сам себе придумал?

— А то! — радостно ответил мужчина. Дин смерил его взглядом. Тайна позывных “Шкипер” и “Док” раскрылась моментально.

— По моему это слишком очевидно, — сетовал механик.

— Ага! Ты сходу решил, что мой позывной — это очевидная ирония над моим телосложением. Но она настолько очевидная, что ты наверняка ждал чего-то другого, но получил то, чего не ждал. Это обман ожидания обмана, сечешь?

Дин вспомнил разговоры одурманенных ополченцев и решил эту в тему не углубляться.

— В любом случае, — продолжил Малой, — ты сам себя как бы назвал?

Механик скрестил руки и пожал плечами.

— Вы бы звали меня... — сказал и он грациозно расправил манипуляторы, выхватил инструменты и принялся ловко вертеть ими перед собой, — ... Мистер Мастер?

— Нет.

Механик вернул свое снаряжение на место и понурил голову.

— Ладно, зовите меня Рыжий.

Рам приподнял полог брезента и пропустил паломницу вперед. Все наострили уши, готовые слушать план. Рам велел всем дотянуться до друга до друга через его корабль, чтобы потом можно было легко оборвать все нити и не оставлять лишних следов.

Все собрались в кружок, и между ними над землей возникло разделенное видение карты — рельеф с его впадинами и возвышениями, накрытый подобным то ли на губке, то ли на кровеносной системе слоем потока. Рам начал говорить, и, вторя его словам, деталь за деталью, на карте вырисовывался план операции.

— Итак, мы здесь собрались, чтобы спасти от вымирания целый город. Это большие слова, но мы уже проделали большую работу, и сегодня у венчаем её очередным успехом.

Дано — баржа идет в Акабу-Четыре с юго-востока. Она везет портовое оборудование и ещё кое-какой капитал. Задача — угнать корабль со всеми потрохами и отдать содержимое городу. С его помощью откроется производство, появится заработок и так далее — все как в той записи лекции, что я вам показывал.

Через несколько часов баржа окажется в точке предельного удаления от всех действующих патрулей. Но, начать нужно на границе зоны досягаемости военных, пока экипаж грузовоза не обострил бдительность.

Первым делом корабль наших друзей, — Рам указал на Дина и Дади, — подаст сигнал бедствия, якобы их преследует хтон. По уставу Гильдии, корабль, что крупнее чем тварь, обязан прикрыть собой более мелкие суда. Но гильдия далеко, поэтому это правило могут и проигнорировать со ссылкой на высокий уровень пиратства в регионе. Да, это заслуга вашего покорного слуги.

Если вам все же поверят, то вы должны подойти вплотную. Баржа идет через самые широкие рукава потока, так что рядом с ней места для маневра будет полно. При сближении на корабль проникнет абордажная группа.

Я, Малой, и бойцы ополчения должны прорваться на мостик, взять в заложники офицеров и позволить кораблю дальше идти по курсу, чтобы для спутников все выглядело как обычно. Как только мы все окажемся на корабле, Рыжий пройдет ещё несколько километров бок о бок с баржей, опять же — показуха для спутников. Потом он может увести свой катер прочь и вернуться в город, пользуясь маскировкой. Большого мы просить не смеем.

Тем временем, сида тайком проникнет в машинное отделение через трюм. Даже будучи заложниками, офицеры сохранят большую часть контроля на судном. Мы сверху поможем

добраться до силовой установки, а вы — удалите аппаратное ограничение Связи. Обратно мы вернемся либо верхом на барже, либо на моем судне. Шкипер пойдет другим путем, чтобы не вызывать подозрений и предупредить о приближении патруля. Если время рассчитано верно, мы встретимся в указанной точке. Там мы высадим экипаж баржи, заставив их отправить ложное сообщение о срочном заходе в ближайший порт и повернем обратно в город. Вопросы?

Один из ополченцев поднял руку.

— Целый корабль не может исчезнуть бесследно, как же мы будем заметать следы?

— Мы — никак, — ответил Рам, — но у нас есть друзья, способные пустить достаточно пыли в глаза властей. И потом, вся ответственность в итоге падет на меня.

Второй ополченец тоже подал голос.

— Подозреваю, что раз мы не сможем отвести все подозрения, то привлекать к работе мы будем тех, кто уже подозрительный, верно?

— Верно. Мы организуем перевалочный пункт для контрабандистов. Увы, но начинать придется с грязной работы.

Вопрос возник даже у Дади.

— Почему они здесь? — спросила она, косясь на ополченцев, которые косились на паломницу. К счастью, между ними стояла бетонная стена в виде Малого

— Даже с вами нам не хватает рук. Но добровольцами отправили только их.

Рам посмотрел в глаза каждому из присутствующих. В одних он видел огонь, в других — смирение.

— Тогда за дело. Готовим корабли и выдвигаемся. И помните главное — мы идем отнимать имущество. Я не потерплю отъем жизни.

Рам теснился со своей группой в трюме. Не считая верстака и нескольких прикрученных к полу ящиков, внутри было пусто. Абордажная группа сбилась в один угол, в другом сидела паломница. Её глаза были закрыты, а по левой щеке ручьем текли слезы. Рам не стал об этом спрашивать и запретил остальным.

— Как твоя спина? — спросил он через связь у Малого, который сейчас был на палубе.

— Прямая как мачта, твердая как скала. Жутко болит, но держится. Не переживай.

Юноша удовлетворенно кивнул и вернулся к своим мыслям. Напряжение в трюме становилось все гуще. Моторы гудели негромко, но раздражающе. Рам смотрел на свои руки, закованные в черный, как гудрон анатомический экзоскелет. И почему никто не додумался их покрасить?

Раздалось три глухих удара по корпусу. Сигнал — получен положительный ответ от баржи. По трюму словно прошелся электрический разряд. Все тут же засуетились. Только девушка в углу не шелохнулась.

Два удара — корабли пошли на сближение. Малой поднялся на мостик. Остальной отряд включил липучки — магниты с ручками, способные прикрепиться к корпусу. Пока аппараты “прогревались”, в воздухе стал ощутим запах теплоотвода. Части одежды монахини в углу стали светиться тусклым, едва заметным багрянцем.

Один удар.

Рам открыл дверь наружу. Прямо перед предстал металлический бок баржи, слева и справа ярились двигатели. Юноша высунулся наружу и помахал рукой с липучкой. Ничего не последовало. Значит Малой несет экипажу грузовоза весьма эффективную чушь.

Рам обернулся. Девушка стояла прямо за ним, вытирая щеку. Они не стали тратить время на разговоры. Юноша вручил ей пару липучек, показал в сторону аварийного люка в борту грузовоза рядом с двигателем слева. После чего отошел от двери, разбежался и выскочил. Липучки сработали исправно, Рам пополз по борту вверх. Ополченцы все повторили в точности.

Дади осталась ждать своего сигнала у открытой двери.

Рам отдал приказ одному из ополченцев затащить Малого на борт и прочесать верхние палубы, на случай если кто-то из матросов решил поиграть в прятки.

— Господа, — обратился Рам к капитану и старпому, покорно позволившим себя связать, — в отличие от всякой мрази, грабить вас — одно удовольствие.

Его голос звучал глухо и искаженно из-за скрывающего лицо респиратора. Его голова и плечи выступали из клубов густого оранжевого газа, заполнившего мостик. Надышавшимся матросам, он представал словно тварь, вломившаяся сюда из простенка между этой жизнью и другой.

— Для вас это не первый налет, верно?

Связанные офицеры кивнули. Они не могли сосредоточиться, чтобы воспользоваться Связью, но понимали, что происходит вокруг.

— А для него видимо первый, — Рам показал пальцем на избитого матроса в углу, лежащего без сознания. Пленники подтвердили и это.

— Сколько ещё вот таких невинных с вами?

В ответ на это пленные лишь уставились на собственные ноги.

— Ясно, — Рам взглянул на первую палубу, на которой хватило бы места поставить пару катеров. Его товарищи уже перебирались через леер.

— Малой, бери бойца и прочешите все. Несколько матросов возможно захотят погеройствовать. Люки и двери сейчас открою. И прикройте рожи.

Рам вернулся к офицерам.

— Мы забираем судно, ясно? — спросил Рам и офицеры снова кивнули, — знаю, передача управления занимает время, но контроль над дверями вы передать можете. Давайте немного поможем друг другу. Ведь сотрудничество, — Рам снова указал на покалеченного в углу, — это залог процветания.

Дади выпрыгнула через дверь и прицепилась к борту липучками. Слева от неё наконец открылся аварийный люк. Девушка скользнула внутрь и оказалась в небольшом проеме между двумя контейнерами с грузом высотой ниже человеческого роста. Она приподнялась, чтобы осмотреться — трюм был около пяти метров высоты и почти пуст, контейнеры стояли только на днище одним уровнем, разделённые проходами для экипажа и основание грот-мачты.

Девушка слушала болтовню абордажной группы через Связь. Двери и камеры уже были под контролем захватчиков, можно было не переживать, что экипаж узнает о её присутствии какое-то время. Собрав волю в кулак и не поднимая головы, девушка начала красться к входу в машинное отделение.

Тем временем, где-то наверху Малой и его напарник поймали одного из матросов и отвели на мостик к остальным пленным. Ополченец сетовал:

— Как-то это все просто.

Связь тут же разорвалась от ругани.

— Тхе, — рывкнул Малой, — Система все видит, и теперь она видит что мы не сильно тут напрягаемся. Сделай одолжение — помалкивай.

— А может Система обманет твоё ожидание обмана и все пройдет гладко? — вмешался в разговор Дин.

— Тогда я расцелую твою грязную голову!

Дади добралась до двери в двигательный отсек, которая открылась, стоило ей подойти. Преодолев короткий коридор и ещё одну дверь, паломница предстала перед Сердцем корабля. Как и любое другое, оно было надёжно скрыто металлической сферой. Покрывающие всё кабели и трубы, берущие начало в этой сфере, словно стремились сомкнуться за спиной вошедшего.

Девушка стала судорожно перебирать полученные ранее схемы силовой установки кораблей этой серии. Агрегат перед ней не соответствует ни одной из них.

— Дин? — спросила она через Связь.

— Показывай, — ответил механик, сразу смекнув, чего от него хотят.

Дади сделала глубокий вдох и начала отправлять картинку с левого глаза, который тут же начал ныть.

— Тхе, — отозвал Дин, — эта установка явно не отсюда...

— Быстрее, — отрезала Дади. Корабль сообщил о новом подключении к своему ретранслятору. Она прервала передачу и ринулась обратно в трюм.

Рам смотрел через лобовое стекло на восток, откуда Шкипер слала срочное сообщение.

— Патруль, идет сюда прямым курсом, — юноша начал нервно барабанить пальцами по стеклу.

— Все ты виноват, — крикнул Малой на своего болтливого напарника-ополченца.

— Нет, это моя вина, — ответил Рам, продолжая разговор через Связь, — похоже я наконец-то доконал губернатора.

— Но откуда он...

— Либо среди нас стукач, — сказал юноша и его команда обменялась нервными взглядами, — либо нам скормили дезинформацию. Простите, я думал у нас есть время ещё на одно дело...

— Отставить панику, Док. — попытался приободрить его Малой. — Если расчет Шкипера верный, а внизу все идет по плану...

Малой не успел договорить, как Дин сообщил что внизу все идет не по плану.

— Тхе... — Рам с тоской посмотрел на своих людей, — на корабле храмовник.

— Как-то это все сложно, — сквозь зубы взмолился Малой.

Дади вбежала в трюм и сходу запрыгнула на контейнер. В дальнем углу стоял другой, покрупнее остальных и с открытой крышей. Из него выбрался человек, облаченный в почти такой же комбинезон, как у монахини и её учителя. И от этой одежды уже поднималась едва заметные струи теплоотводящего пара. Голова, защищенная маской и капюшоном-шлемом, повернулась в сторону девушки.

Храмовник снял со спины свой меч. Сегменты кожуха, закрывающего лезвие, пришли в движение и сложились вместе у рукояти, образовав гарду. Через Сеть девушка видела, как вокруг него, словно сегменты доспеха, загораются разрешения на оружие, применение силы и сетевая защита.

Активировав свою защиту для головы, Дади ринулась в атаку. На ходу она сняла со спины посох, придав ему полную длину. Храмовник чеканным шагом двинулся ей на встречу. Он вскинул руку, желая оставить нападавшую, но Дади с разбегу нанесла бессмысленный удар наотмашь. Она не стремилась попасть в цель, первый удар такой мечник всегда отведет, она хотела лишь занять его внимание и потянуть время.

Только что вышедший из полного отключения от Сети нуждался во времени, чтобы привести в действие весь свой арсенал, все ещё ожидающий своего часа в контейнере. Дади держала врага на расстоянии и выбрасывала удар за ударом. Храмовник без труда парировал каждую атаку, грубую, не прицельную, но беспрепятственно перетекающую в следующую, не давая остановиться ни на миг. Тогда рыцарь просто упал в проем между контейнерами и кувыркнулся в сторону. Он выскочил из промежутка, выиграв пару мгновений.

— Сидя, — сказал спокойный мужской голос, — пожалуйста.

Дади одним прыжком сократила дистанцию и продолжила работать посохом. Храмовников обучали многим монашеским приемам, но продвинутые ментальные техники и код-мантры держали от них в тайне. Девушка это знала, она немного ослабила напор, чтобы её противник смог говорить, растрчивая на слова свое внимание.

— Орден. Наниматель. Приказ, — спрашивала Дади между ударами.

— Не могу ответить, — спокойного проговорил рыцарь, отведя очередной удар, — если у от вас не требуется присутствие здесь, то прошу вас не мешать, сидя. Незачем развязывать конфликт орденов.

В ответ храмовник получил только удар, едва не сбивший его с ног.

Корабль силовиков стремительно приближался, через Связь уже звучали требования сдаться. По наличию всего одного небольшого орудия на палубе Рам догадался, что это был не боевой катер, но всего лишь скорый транспорт для группы захвата. Юноша испытал облегчение — сбивать баржу они не планируют. Он поднял свой большой пистолет и начал прицеливаться.

Рам осознавал, что один неверный выстрел даст силовикам полное право перебить всех на борту. По этому отбиваться нужно было по протоколу. Симуляция подсказывала, что сбить две укрепленных мачты в этот раз не получится при всем желании. Значит, если отбросить живые мишени, замедлить врага можно было только отрубив двигатель. На эту затею Рам получил от программы добро и нажал на курок. Попавший снаряд вырвал из двигателя несколько кусков металла, но не нанёс желанного урона. Патруль лишь на мгновение сбился с курса, ошеломленный внезапным отпором.

Рам машинально убрал пистолет и вскинул один из прихваченных с собой карабинов. Второй выстрел также угодил в цель. Двигатель все ещё работал, хотя и начал плевать разрядами тока в землю и в своего соседа по борту. В это раз катер силовиков словно пошел на таран. Рам разрядил третий карабин, стреляя уже почти вплотную. Пораженный двигатель разразился молниями, но так не перестал работать, хотя патруль был вынужден отпрянуть. Не успел Рам обрадоваться, как он услышал ритмичный металлический стук. С таким же стуком он с товарищами сам взбирался на борт. Рам не собирался вступать в ближний бой с вооруженными до зубов военными и рванул прочь, к открытому люку в коридор под палубой.

Внизу его уже ждали ополченцы и Малой, прихватившие с собой пару заложников. Коридор был крайне узким, два человека едва могли разминуться не зацепившись носами. Заложники шли в середине, Малой и Рам оказались с одной стороны, ополченцы — с другой. И план был до жути прост — военные не станут стрелять, рискуя выстрелом через весь коридор поразить экипаж баржи. А вот выстроившись в ряд они станут сами легкой мишенью. И в этом тупике пришлось бы начать переговоры.

Дин быстро набросал настолько подробную инструкцию по поиску и отключению нужного устройства, насколько хватило времени и знаний. Он развернул свой катер в сторону города — по плану его участие в этом налете уже можно было прекращать. Он уже не видел как к барже подошло судно силовиков. Ему казалось, что он уже целую вечность переваривал то, в чем только что поучаствовал. Хотя на деле прошло несколько секунд и в голове его звенела только одна мысль — убирайся уже отсюда. И этот звон был вскоре заглушен — Дади принялась отправлять сообщение за сообщением.

Помоги. Пожалуйста.

Дин хотел было дать ответ, но тут же возник вопрос, столь же короткий и емкий, сколько и просьба его спутницы — а зачем? Он же не искатель приключений и не заступник за слабыми, желания снова оказаться под прицелом как в пустоши у Барнола-Шесть у него нет. Он же просто хочет сделать как лучше, а не падать грудью на амбразуру. Он же совсем не знает этих людей.

Полностью поглощенный этим простым вопросом, Дин не сразу заметил, как Дади снова отправила несколько просьб о помощи. Как и не сразу осознал, что уже мчится на

помощь, гоня Эвр во весь опор.

Дади чувствовала как она сама и её комбез выбиваются из сил. Она занесла посох, чтобы ударить уже наверняка. Её стопа скользнула меньше чем на дюйм с края контейнера, но этого хватило, чтобы потерять равновесие. Храмовник нырнул под замах и плечом отправил противницу в проем меж ящиков. Дади повторила трюк своего врага, кувыркнувшись прочь и вскочив в другой части трюма. Храмовник не потратил выигранного времени зря. Когда Дади поднялась на ноги, рыцарь уже стоял преклонив колени и опершись на меч. Через связь девушка вновь услышала его голос, спокойный, ровный, и теперь исполненный сожаления.

— Прошу прощения, сида, — сказал он. Тут же из открытого контейнера у стены трюма вырвалась и покатила целая груда металла. Дади рванула вперед и обрушила на рыцаря удар сверху.

Удар так не достиг цели. Груда железа, оказавшаяся внушительным силовым доспехом, докатилась до своего владельца и нависла над ним, точно также встав на одно колено. Только сжимая в руке посох монахини, вместо меча.

Храмовник оставил свой клинок торчать из крышки контейнера и вставил правую руку в доспех, схватившись за посох уже своей рукой. Дади высвободила свое оружие, сделав его короче. Доспех бросил вперед удар левой рукой, девушка сделала пируэт вправо и тут же нанесла удар снизу, целясь в ещё не прикрытое тело храмовника. Рыцарь среагировал быстрее, взял меч в левую руку и встретил удар её клинка. Девушка отпрыгнула. Пока она восстанавливала равновесие, храмовник уже поднялся на ноги.

Рыцарь обернулся, на его груди сомкнулся нагрудник, пластинчатые наплечники и юбка полностью развернулись и встали на место. Меч, которым он бился до этого, занял свое место на поясе подле ещё большего клинка. Храмовник взял его в руку, кожух на клинке сложился в гарду. В Сети его покрывал сияющий шлейф из регалий и дозволений на применение силы. Над каждой деталью доспеха горел экран с именем монастыря и текстом его благословения, скрывать которые запрещалось монастырским же законом.

Оружие Дади вспенилось и сжалось в форму боевого клинка. Костюм её начал работать на пределе, источая заметные струи пара. Через Связь девушка попросила у команды опустить рампу. И грузовая рампа начала опускаться. Трюм наполнился светом и свежим воздухом. И открылась картина пустоши, по которой вслед за баржей мчался маленький перелатанный катер.

Рам с товарищами держали осаду в коридоре. Малой, как мог, заговаривал зубы военным, таймер отсчитывал мгновения до готовности оружия, паломница прекратила доклады из трюма. Каждая секунда тянулась дольше предыдущей.

В надежде услышать что-нибудь снаружи, Рам осторожно подошел к двери со своей стороны коридора. Как только он оказался в шаге от цели, позади него открылась боковая дверь, отделив юношу от остальных. В огороженную теперь часть коридора ввалился крупный матрос, полный решимости удавить врага собственными руками.

Рам небрежно бросил под ноги матросу газовую гранату. Пока тот пытался не дать панике себя парализовать, Рам дал своим приказ держать позицию и не вмешиваться, чтобы не случилось. Матрос все же взял себя в руки. Задержав дыхание, он двинулся вперед, полагаясь на преимущество своего размера в таком тесном пространстве. И тут же оказался

под прицелом. Но Рам не собирался стрелять, не жалея отбирать жизнь и понапрасну рисковать попасть в своих на том конце коридора. Он только сделал выпад своим оружием и попал матросу под дых, чем удивил последнего. Левой он тут же ударил в открытый живот, одновременно замахиваясь пистолетом, точно дубинкой. Ударом оружия он сломал матросу руку, которой тот инстинктивно прикрылся. Матрос зажмурился, а когда открыл глаза, все уже было объято густым оранжевым газом.

Невольно он сделал вдох, разум его помутился, пространство вокруг зашаталось. Он почувствовал неожиданные, но очень ласковые объятия вокруг своей шеи, а к виску словно плюнули чьи-то губы. Не подавленная до конца рациональная часть его мозга все же разобралась что к чему — то были не объятия, но надежный захват, не губы, но дуло пистолета. Матрос ощутил странную легкость, когда его подняли на ноги и начали толкать вперед, к двери наружу.

Дин видел, как штурман с катера силовиков, который едва мог двигаться по прямой, пытается на ходу починить двигатель. И раз катер все ещё не сошел с курса окончательно, времени было немного.

Эвр вползла носом на трап баржи, пройти дальше мешала мачта. Этого хватило, чтобы опустить передние опоры и хоть как-нибудь зафиксировать судно. Дин выбежал на палубу и увидел как Дади отбивается от врага чуть ли не вдвое крупнее неё самой.

Механик спрыгнул прямо на контейнеры и, неловко приземлившись, он повалился промеж ящиков. Монахиня велела ему не высовываться. Следуя её указу и помогая себе манипуляторами, Дин пополз к машинному отделению так быстро, как мог.

Не церемонясь, Дин вцепился в Сердце баржи всем, что взял с собой. С каждым открученным болтом, с каждой командой корабельным призракам в нем росла готовность выбежать обратно, истошно крича и хватаясь за волосы от страха. Но в один прекрасный момент все просто сработало, обнулив его счетчик паники на какое-то время.

Механик вышел обратно в трюм, размахивая снятым устройством защиты. В этот момент баржу потрянуло и Дин снова свалился, что немного омрачило триумф.

Большим пальцем Рам вынул чеку из своей последней газовой гранаты. Оказавшись на палубе он наконец смог оценить тяжесть своего положения. Один силовик держал его на прицеле, Рам заметил подствольник с шоковым не смертельным снарядом. Ещё один был где-то у другого борта баржи и удерживал второй вход в коридор, занятый командой Рама. Трое стояли на палубе своего катера, уже готового намертво состыковаться и позволить военным ударить в полную силу. На попытки военных заговорить юноша не отвечал. Только медленно пятился к носу корабля. И ждал.

Наконец он увидел, как патрульный катер поднялся над землей ещё на пару метров, с размаху ударился в борт баржи, палуба к палубе, едва не скрестив мачты. Абордажные крюки опустились с лязгом, прорубив леер и намертво сцепили два судна. Солдаты в полном облачении ступили на борт баржи, быстро принимая боевой порядок. Один из них взял Рама на прицел, остальные два присоединились к осаде коридора.

Рам глубоко вдохнул. Пинком он отправил оглушенного матроса вперед. Ударом он вогнал гранату между прутьев решетки у своих ног, соплом вверх. Рыжее облако накрыло почти половину палубы. Защищенные бойцы не боялись газа, но потеря видимости подарила Раму драгоценные секунды.

Бойцы начали переключку.

— Он здесь, — рапортовал штурман патрульного катера. Рам успел пробежать мимо военных и прыгнуть на борт их корабля, укрывшись от них на противоположной от баржи стороне кабины. Юноша взял штурмана на прицел, приказал отцепить крюки и потребовал доступ к его Связи с отрядом. Рам получил все.

— У меня заложник из ваших, — сообщил Рам через Связь всем. — Я знаю что вам нужен только я. И я уже на вашем судне. Оставьте моих товарищей, вернитесь на борт и уходите. Тогда никто не пострадает.

Рам отключил Связь со своей командой, что бы не дать им себя отговорить. Только велел им уходить, пробившись через трюм к Эвр. Военные с ответом не торопились.

Разум Дади был готов сдаться прежде тела. Голова шла кругом от единовременного зачитывания в уме кодов для корабельных призраков и попыток хоть как-то контролировать бой с храмовником — рыцарь то ломился к Эвр, то к пытающемуся встать на ноги Дину, и девушка кружила вокруг, стараясь всегда стоять у него на пути. Но удар, который выбил её из ритма, нанесла сама баржа. На Дади обрушился целый массив данных о корабле, все с чем мог столкнуться каждый из челнов экипажа — от курса и скорости до нормативов напряжения для каждого двигателя в любом режиме работы. На мгновение девушка потеряла ориентацию в пространстве, принуждая отражение систем корабля исчезнуть из своего разума.

Храмовник тем временем бросился к Дину, пытавшемуся скрыться меж контейнеров и проскользнуть к своему катеру. Увидев это Дади поняла — рыцарь далеко, она не успеет защитить парнишку.

Рыцарь медлил, видя в Дине почти ребенка и не зная как с ним поступить. Тогда Дади вонзила клинок в ящик под собой и крепко за него ухватилась. Половиной своего сознания она дотянулась до Эвр и велела призракам убрать катер с ramпы и вести его следом. А второй половиной заставила накрениться всю баржу. Надежно закрепленный груз не шелохнулся, но храмовник в тяжелой броне потерял равновесие и отвлекся. Пытаясь не упасть он тоже воткнул свой меч.

Рыцарь вновь избрал девушку своей целью. Девушка не знала, что делать дальше, пока Дин не велел ей накренить баржу на другой бок. Дади отдала команду, барже вновь накренилась и храмовник покатился к борту вместе с открепленным контейнером.

Рыцарь встал, дальнобойное оружие на его броне пришло в движение, его отражение дополнилось новыми горящими разрешениями. Дади видела, наяву и через симуляцию, что храмовник целился в катер. Она попыталась дотянуться до всего этого оружия, отключить его. Левый глаз рванула сильнейшая боль, казалось голова вот-вот взорвется, выстрелив этим глазом как снарядом из пушки, но тщетно. Рассчитанная на целый экипаж системная нагрузка баржи, глубокое погружение части себя сеть, и даже относительно легкая связь с Эвр — все это разрывало сознание девушки. И она дала слабину.

Даже храмовник почувствовал вспышку Недуга ещё до того, как отражение систем корабля начало наливаться красным, нить за нитью, узел за узлом. Вскоре неладное ощутили все, связанные с баржей, и потому поспешили от неё отключиться.

Дин, повредивший от внезапной качки ногу, наконец доковылял до паломницы. Казалось, Дади его не заметила, так и продолжала смотреть только на храмовника. Её лицо застыло от напряжения.

Из глубины трюма раздался выстрел. Предупрежденный симуляцией храмовник успел частично повернуться, его наплечник отвел снаряд в сторону, но рыцарь едва устоял на ногах.

Абордажная группа побежала через трюм, храмовник рванул им наперерез. Малой бежал впереди, он бросил назад заряженный карабин, снимая с плеча второй и выстреливая на бегу. Снаряд угодил храмовнику в ногу и срикошетил. Рыцарь упал, кубарем прокатился по инерции, но тут же встал на одно колено. Он уже не пытался подняться и начал целиться в новых противников дальнобойным оружием. И с удивлением обнаружил, что не имеет права стрелять — часть разрешений уже была отозвана, оставив лишь необходимое для обороны. Но его приказов пока никто не отменил.

Храмовник приготовился прыжком сорваться с места, готовый переломать себе кости усилием собственного доспеха. Из сочленений брони повалил пар. И как только он ринулся вперед, земля ушла у него из-под ног — Дади снова накренила баржу. Рыцарь все же сократил дистанцию, хоть не достиг цели.

Девушка плохо воспринимала происходящее вокруг, она сама запуталась в стремительно багровеющей золотой паутине. И, к её ужасу, эта алая порча подбиралась к Сердцу баржи. Голос Дина звучал глухо и словно издалека, слова были с трудом различимы. Но сквозь гул панических воплей призраков и собственных мантр, она все услышала его призыв вернуть контроль.

Дади вернула Эвр на рампу, остальные не преминули начать забираться на борт. А затем потянулась к системе управления баржей и заменила в ней себя на храмовника. Ошарашенный рыцарь начал бороться с наплывом данных, отдавать приказы автопилоту и пытаться просить помощи у своего монастыря.

Паломница уходила последней, ноги её едва слушались, в голове царил хаос. Малой помог забраться, но девушка до последнего не обрывала связь с кораблем, пытаясь сдержать Недуг. Обернувшись Дади увидела рыцаря ещё один раз, прежде чем рампа поднялась. Он все также стоял в смиренной позе, преклонив колено и оперев руку на меч. Она почувствовала, как он хочет что-то сказать через Связь и позволила это сделать.

Храмовник сказал, что о барже и Недуге позаботятся и попросил паломницу быть осторожнее в следующий раз. И снова принес свои извинения.

Катер военных отцепился от баржи и начал медленно отдаляться. Рам увидел как от кормы грузовоза отделилась и начала разворот Эвр, увидел Малого и остальных на палубе. Потом он услышал пять глухих ударов — отряд военных спрыгнул на борт своего катера. В полном составе они окружили его.

Рам вернул свое оружие в кобуру. Несколько шоковых снарядов впились в его тело через одежду. Пережив несколько мгновений агонии, выворачивающий мышцы наизнанку, Юноша потерял сознание.

Воспитанники и монахи собрались у ворот монастыря. В холодном воздухе полудня искрилась снежная пыль, поднятая легким ветром. Заснеженные хребты стремились к равнине, постепенно теряя белизну, сглаживаясь и растворяясь, в конце концов, в ровной земле. А земля простиралась до горизонта, и не было в его направлении более ни одного человека, лишь хозяева Пустоши паслись на тех просторах.

Одетая в теплый комбинезон с послушнической желтой накидкой, Дади стояла подле стайки своих сверстников. В сопровождении старших и самого настоятеля им предстояло спуститься с вершины к путевой станции, стоящей на самой высокой точке склона, доступной для кораблей. Там их уже ждала пара катеров.

Фари и его компания увлеченно обменивались планами на эту поездку. Дади просто стояла рядом и слушала. Сама она никогда ничего не ждала от таких вылазок, кроме смены обстановки на время, поэтому она понятия не имела, как вклиниться в разговор.

— Вы готовы, дети? — раздался зычный голос. Через монастырские ворота вышел Андж и вразвалочку подошел к группе. Воспитанники почтительно поклонились, прервав свои разговоры.

— А вы? — обратился Андж к остальным монахам, вскидывающим рюкзаки на плечи.

— Мы уже готовы идти, сид, — ответил Оргун. — Нужно выдвигаться, чтобы дойти до станции к вечеру.

— Тогда не отставайте!

Старый монах пошел вниз по дороге и Дади быстро нагнала его.

— Вы отправляетесь с нами, учитель? — спросила она.

— Не каждый же раз мне бегать на своих двоих. Да и посмотреть бы, — монах кивнул в сторону вытянувшихся в колонну детей — на что уходит труд моих парней. Да и мой тоже. — Монах наклонился к своей ученице. — Ты же не собираешься тащиться со мной всю дорогу? Может лучше тащиться рядом с ребятами?

Дади мельком посмотрела на идущих следом.

— Часовая бомба. Я слышала что меня так называли. Они все ещё боятся меня?

— Нет, — ответил Андж, разматывая трубку своей курительной машины. — Они повторяют поведение взрослых, а взрослые бояться не тебя. Они боятся ответственности за то, что с тобой может случиться под их надзором. Прости, дитя, но эту дурь я из них выбить не смогу. У меня самого её больше, чем кажется.

Девушка какое-то время обдумывала услышанное.

— Я за вами не повторяю, — ответила она.

— И не стоит, — монах выпустил колечко густого дыма, быстро растаявшее в разреженном воздухе. — Ты можешь найти себе лучший пример для подражания.

Андж затянулся ещё раз и больше ничего не сказал. Какое время Дади шла рядом с ним. Ей приходилось семенить, в то время как её учитель лениво переставлял ноги. Погруженная в свои мысли девушка не заметила, как отстала. Заметив это, она все же решила не нагонять учителя, а шагать рядом с братьями и сестрами. Разумеется она не видела, как от этого её учитель широко улыбнулся.

Солнце опустилось за вершину горы, погрузив восточный склон в тень. Силуэт

монастырского астрографа позади обрамляли сигнальные огни, нужные для визуального определения положения лепестков при плохой видимости. И хотя день был далек от завершения, а западный склон ещё должен был быть залит Солнцем, включили эти огни не просто так. Спустя несколько минут, через вершину начало переваливаться густое облако, проглотив монастырь.

Дади и её спутника уже спустились довольно далеко, и облако постепенно нависло ними. Только Андж, который уже час шел закинув голову к небу был этим несколько раздосадован. Более никто из спускающихся не придал это явлению особого значения, но под хмурым облаком разговоры стали более вялыми, а лица — усталыми. Не занятое болтовней внимание юношей и девушек теперь искало за что бы зацепиться. Естественно, многие умы цеплялись за Дади, идущую рядом, как за нечто из ряда вон. Девушка чувствовала это, то и дело ловя настороженные взгляды. Так она и шла, иногда вслушиваясь в чужую болтовню.

— Кстати, никто не знает, работает ли сейчас Чад? — спросила одна из послушниц, обращаясь ко всем идущим.

— Связь они ещё не восстановили, но кто знает, — ответил ей один из братьев, скучающим тоном — а что?

— Забыл? Мы должны отыгаться у местных.

— Мы же им и не проиграли, — ответил брат и зевнул.

— Мы не выиграли, были унижены и выдворены с пустыми руками. Тянет на проигрыш, как по мне! — послушница почти рычала.

— Хорошо что я тогда пошел спать вместо участия. Не хочу знать, что с вами там сделали, раз тебя это коробит целый год.

Послушница начала ругаться довольно тихо, но каждое следующее бранное слово было громче предыдущего. Кто-то из старших её наконец-то услышал и сказал достаточно громко, чтобы перекрыть все разговоры:

— Катри! Наряд на ведение учета до конца поездки! Раз хорошо владеешь словом, то будешь писать протоколы.

— Тхе, — рывкнула сестра Катри, и попыталась успокоиться, сделав глубокий вдох, — неважно. Если у Чада теперь висит плакат с её разноглазым лицом и надписью “Не Свяжитесь ни в коем случае!”, то в этот раз мы доиграем до конца.

— Теперь я хочу впутываться в это ещё меньше.

Дади вспомнила как тогда, год назад, Фари и Катри держали её под руки, помогая покинуть забегаловку Чада и добраться до комнаты в гостинице. Тогда ей стоило отказаться, а теперь даже предлагать поучаствовать в игре никто, скорее всего, не будет. Мысль эта была тоскливая, но, словно глубокий выдох, она принесла некоторое облегчение — с неизбежным смириться было куда как проще.

На закате группа дошла до путевой станции, где уже ждала пара кораблей. Подняться выше они не могли, так как здесь пролегла граница потока. Оба судна не были рассчитаны на прием ещё дюжины пассажиров, помимо экипажа, поэтому для неприхотливых жителей монастыря палубы были затянуты брезентом.

— Приветствую! — крикнул Андж обращаясь к капитанам, расположившимся между кораблями в раскладных креслах у походной печки, — у кого из вас кают-компания больше?

Один из капитанов поднял руку.

— Тогда я с тобой. Надеюсь у тебя на борту можно курить. Иначе ты будешь мне рад.

Монах не стал дожидаться ответа, только съезжил свой массивный посох и поднялся по опущенному трапу.

Настоятель и остальные старшие принялись распределять своих подопечных по кораблям и обсуждать детали поездки с капитанами. Поднявший руку капитан то и дело нервно оглядывался в сторону открытого входа своего корабля, из которого вскоре повалил дым. Дади почему-то посадили на борт другого судна, но хотя бы Фари отправили следом за ней.

Палуба освещалась несколькими закрепленными на мачте светильниками, запитанными от самого корабля, и отапливалась лучевым обогревателем. Дади нашла себе уголок рядом с фальшбортом, расстелила свой спальный мешок и уселась на него, намереваясь что-нибудь почитать и лечь спать.

— Итак, я связалась с Чадом. Есть две новости, — сложив свои вещи у мачты, Катри принялась нарезать круги по палубе, сложив за спиной руки. — Его забегаловка работает, хоть и без выхода в Сеть. Но проводить игру он запретил.

— Какая досада... — ответил ей вечно скучающий брат, уже растянувшийся на своем спальном мешке.

— Так найдем другое место, — вклинился Фари, — хоть прямо в порту. Там как раз не будет плаката “Не Связывайтесь ни в коем случае!”, так что менять состав не придется.

— Ты что, — Катри оглянулась на сидящую с отрешенным видом сестру и перешла на шепот, — хочешь оставить её?

— Разумеется! Мы же тогда шли с нехилым отрывом. Ну, пока не...

— Не-не-не, в этот раз чтобы никаких интересных случайностей. И вообще, она понимает все это не хуже нас. Верно?

Дади услышала адресованный ей вопрос и открыла глаза, только для того, чтобы виновато их отпустить.

— Даже настоятель Оргун сейчас бы этого не запретил, — парировал юноша, — и это она тоже понимает, верно?

— Медики подтверждают, — ответила Дади, — Предельный уровень нагрузки на мою Связь вырос. При игре я теперь не превышу нормы. В любом случае.

— А теперь покажи Катри твой счет за этот год, — посоветовал Фари, и девушка так и сделала. Катри начала свирепеть — горечь поражения и унижения теперь разбавлял кислый привкус собственной неправоты.

— А почему это ты её теперь так защищаешь? — съехидничала Катри.

— Защищаю? — Фари ухмыльнулся, — от чего? Если кто-то хочет потягаться с ней в чем-либо, то я отойду в сторонку. Ну, кроме красноречия разве что.

Девушки встретились глазами.

— Тхе. Ладно.

Дади проснулась от того, что корабль, швартуясь, круто повернул и девушка стукнулась лбом о фальшборт. Остальные уже проснулись и сидели на собранных сумках. Гадая, забыли бы её здесь, Дади начала спешно паковать свой рюкзак. Она попыталась дотянуться до учителя через Связь, но не смогла, от чего стала собираться ещё быстрее.

Андж уже сошел с корабля, стоя на пирсе он что-то обсуждал с монахами. Воспитанники собрались кучкой чуть поодаль. Они во все глаза наблюдали за срезом

суетливой жизни порта Барнола-Шесть. Докеры тоже то и дело тарасились на гостей в желтом, оранжевом и красном.

Старый монах закончил свой разговор и жестом подозвал Дади.

— Я исчезну на пару недель. А ты уже достаточно взрослая, чтобы пережить несколько дней в городе без меня.

— Да, учитель.

— И запомни главное, — опустился на одно колено перед своей ученицей, — сейчас вы все — лицо нашего монастыря. Поэтому, что бы ни случилось, даже если тебя угораздит попасть в самую сложную ситуацию, сделай все возможное, чтобы твои старшие не попали на деньги. С остальным мы как-нибудь разберемся.

— Да, учитель.

— Я постараюсь вернуться сюда к вашему отъезду, но ничего не обещаю.

Андж поднялся на ноги.

— И последнее. Я не смогу приглядывать за тобой. И надеюсь ты этим воспользуешься.

Монах улыбнулся, подмигнул девушке и пошел к портовым воротам. Он до последнего не пропадал из виду, возвышаясь над всеми.

Следующие дни были наполнены исключительно бытовыми заботами. Смотрители и монахи водили своих воспитанников по городу, где демонстрировали свою работу — помогали органам правоохранения решать вопросы, устраняли проблемы с Сетью, помогали людям у которых были трудности с теломодами и тому подобное.

Также они посещали занятия в городской школе. Пока монахи читали лекции и общались с местными учениками в одной аудитории, их воспитанники, вместе с другими детьми, посещали занятия местных учителей. Но эту часть поездки Дади пропускала, вынужденная проводить эти часы в компании настоятеля, и самых старших воспитанников, для которых это посещение города было последним перед Паломничеством.

Дади все же довелось побывать в местных школах. Местные дети держались от неё на расстоянии, но лишь с непривычки, девушка не чувствовала от них того напряжения, которое постоянно исходило от сестер и братьев в её присутствии. В этом абсолютно беззлобном и непривычном отчуждении Дади чувствовала себя словно в промокшем насквозь платье. Когда настоятель не мог взять свою группу с собой, его часть воспитанников бродила по городу в поисках приключений, Дади оставалась в гостинице, в одиночестве занимаясь игрой на флейте и чтением книг.

Одним таким вечером желание практиковаться в музыке словно отключилось и Дади никак не могла найти себе место. Время словно остановилось, мысли застилал белый шум. И тогда она просто встала и вышла за дверь своей комнаты, которую делила ещё с тремя воспитанниками, еще не вернувшимися из города.

Дверь мягко закрылась и Дади несколько мгновений просто стояла посреди коридора — на выходе за порог её планы на остаток дня обрывались. Тогда девушка просто начала переставлять ноги в сторону фойе. За дверью одной из комнат она слышала знакомые голоса — Катри и её ленивый приятель бурно обсуждали предстоящую после заката игру.

Дади подняла руку, собираясь постучать в дверь. Но тут же заметила, что голос Фаридина, с той стороны не звучит. Это не значило ровным счетом ничего, но уверенность девушки тут же пошатнулась. А ещё она вспомнила, что до сегодняшнего дня об игре с ней вообще никто не разговаривал. Дади вздохнула и рука её опустилась. Она развернулась и

пошла дальше.

В фойе Дади наткнулась на группу старших воспитанников, с которыми проводила свои вылазки из гостиницы. Настоятель был чем-то занят, по этому ребята собирались в город развеяться. Девушка подошла к ним, сама не зная зачем, и кто-то из братьев спросил, не собирается ли она с ними. Спросил исключительно из вежливости, но Дади согласилась, от чего радости на лицах заметно убавилось.

Выйдя из гостиницы, Дади почти сразу перестала понимать куда и зачем она идет. Её ум снова заполнил вездесущий шум. Возможно братья даже пытались её окликнуть, но девушка не обратила на это внимания. Незаметно для себя она оказалась одна в большом, по сравнению с монастырем, городе.

Дади наконец осознала где находится и тут же поникла — она явно заблудилась и, по наказу настоятеля, не могла воспользоваться Сетью и поискать себя на картах. По отражению города тоже было не сориентироваться, ведь Дади всю дорогу его игнорировала. Не придумав ничего лучше, она просто побрела обратно в том же направлении, откуда пришла. В худшем случае хотя бы настоятель её хватится и быстро отыщет.

Так она и брела, время от времени тучи её мыслей расступались и в эти мгновения ясности она смотрела на людей вокруг. Люди смотрели на неё в лучшем случае с любопытством, в худшем — рефлекторно обращали внимание на её желтую накидку, бывшую ярким пятном посреди монохромного пейзажа. Но Дади не чувствовала от этих людей ничего, ни страха, ни гнева. Это было все ещё не привычно. Но в этот вечер Дади впервые встретила взгляд, исполненный надежды.

Простая женщина средних лет остановилась посреди тротуара, когда увидела идущую с другой стороны улицы послушницу. Она слышала, что группа воспитанников монастыря на востоке сейчас в городе, она хотела бы встретиться с монахом, уже получившим посох и сан. Но судьба связала её с простой, на вид, послушницей. Женщина быстрым шагом пересекла улицу и несколько секунд пыталась выдать из себя подобающее приветствие. Задача стала ещё труднее, когда девушка наконец заметила её и, остановившись обернулась. И в вопросе той женщины прозвучала первая, чистая и звонкая нота будущего кошмара.

— Сидя... я... мне... не могли бы вы помочь? Мой муж... его... сердечный толмод... с ним что-то не так... физически он исправен... но его Связь...

Дади слушала с, казалось бы, беспристрастным видом, но на деле она просто впала в ступор. Годы подготовки служению людям и прямой запрет настоятеля пользоваться Сетью без присмотра вступили в прямое противоречие. Девушка все равно кивнула в знак согласия, хотя и машинально. Женщина воспрянула духом и позвала Дади за собой. Она все ещё была занята моральной головоломкой, по этому пошла следом не задумываясь.

Дом женщины оказался недалеко. На внутреннее убранство девушка не обратила никакого внимания, она его словно не видела. Все её восприятие, которое было не занято закипающим внутри страхом, сосредоточилось на койке с мужчиной средних лет, погруженным в глубокий медикаментозный сон.

Слотнув, девушка заглянула в Сеть. Обладающий минимальной монашеской подготовкой сразу мог распознать все проблемы, взглянув на отражение этих машин. И Дади их увидела. Пара призраков получивших конфликтующие указания, затрудненная связь с удаленными узлами, неверно прописанные коды разрешений и допусков — это были не сложные проблемы, но эти мужчина и женщина были обделены средствами их решения.

Девушка не сразу осознала, что уже видела то, что видит сейчас. Все эти проблемы она так или иначе решала во время своего обучения и прекрасно знала, чего будет стоить как её действие, так и её ошибка.

Дади так и не решила задачу, разрывающую её пополам. Но обычная человеческая эмпатия все же двинула чаши весов. Девушка принялась за работу даже не попросив хозяйку дома выйти из комнаты. Она погрузилась в Сеть глубже, мир ограничился отражением теломодов, связанных с ними Призраков и тянущихся прочь нитей Связи. Сцепив ладони словно в молитве, девушка простояла подле кровати почти полчаса.

Она закончила плести клубок из кодов и команд для Призраков в своем уголке Сети. Оставалось самое простое и одновременно самое сложное — выпустить этот “черновик” на волю и проследить за его работой. Дади сделала глубокий вдох и одной рукой вцепилась в изголовье кровати. Как только она отдала команду, глаз пронзила резкая боль, девушка едва не согнулась пополам. Но она устояла, не заметив как женщина позади неё всполошилась. Боль оказалась сильнее, чем ожидала девушка, ведь поддерживающий её монастырь был сейчас далеко.

Минута тянулась мучительно медленно, но в конце концов она прошла. Мужчина не проснулся, но теперь с его сердцем все должно быть в порядке какое-то время. Дади с облегчением вздохнула, но тут же поняла, что поторопилась с этим — боль так и не стихала. Обычно она плавно ослабляла свою хватку после взаимодействия с Сетью, но не в этот раз. Девушку начало трясти, к горлу подступил ком. Такого она не предусмотрела, а теперь просто не могла нормально соображать. Когда у неё начали трястись колени, хозяйка наконец вмешалась.

— Сида, все в порядке?

— Ваш муж в порядке, — выдавила Дади сквозь зубы, — Я — нет.

— Как вам помочь?

Дади хотела было позвать настоятеля, но отбросила эту мысль — хватит Сети не сегодня. Вернуться в гостиницу — вот хорошая идея, но сейчас там не было никого из её братьев и сестер. Старшие где-то шныряли, а остальные...

— Чад, — девушка заговорила слабым голосом, — Кантина. Рядом с гостиницей. Найдите в Сети. Отведите туда.

Один глаз Дади зажала рукой, второй уже застилала слезы. Дорогу до заведения она провела почти в беспамятстве. Даже обезболивающее, которое ей дала женщина, не помогало. Девушка ввалилась внутрь, моля вызвать настоятеля Оргуна. Она с трудом могла видеть посетителей. Но по знакомым возмущенным крикам быстро поняла, игру она все таки испортила.

Окончательно Дади пришла в себя уже в каюте корабля, который срочно вез её обратно в монастырь. За дверью она слышала приглушенный разговор. Монахи были явно расстроены, и на то у них было достаточно причин. Во-первых, этот экстренный переход обойдется в немалую сумму. Во-вторых, никто так и не смог дотянуться до Анджа, бредущего где-то в пустоши. В-третьих, никто пока не придумал как затащить двух больных на вершину горы.

Двух. Девушка быстро догадалась, что в соседней каюте на такой же койке и в таком же паршивом, если не хуже, состоянии лежит настоятель Оргун.

За пару дней дороги Дади и настоятель восстановили достаточно сил, чтобы подняться

от путевой станции. Как только они прошли ворота монастыря, их тут же сопроводили в лазарет. По дороге девушка и монах обменялись лишь парой слов.

— Тот мужчина. Его ведь... не зацепило? — спросил Оргун.

— Нет.

— И остальное ты смогла сделать?

— Да. Надеюсь, что да.

— Тогда больше не думай об том. Дальше мы за ним приглядим.

Войдя в палату, уже ставшую родной, Дади переделалась в больничное, приняла оставленные ей таблетки, забралась в койку и свернулась под одеялом.

Проспав почти сутки, девушка теперь чувствовала себя словно губка, напитанная чем-то липким. Но ни глаз, ни голова её уже не беспокоили. Беспокоил странный шум, доносящийся из коридора. Волоча ноги, Дади вышла из своей палаты. В другом конце коридора она увидела полдюжины монахов в черных с оранжевым лекарских одеждах — здесь собрались все, кто сталкивался с Недугом и имел представления о его сдерживании. К ним вскоре присоединились и зрители. Из их тихого разговора Дади уловила главное — настоятель так и не проснулся.

Ещё ни разу в жизни Дади ожидание не было столь изматывающим. Полупустая палата не имела в себе ничего, что могло бы скоротать время. За её пределами было столь же пусто — ни тренировок, ни занятий, ни учителя. Лишь редкие обрывки бесед, иногда доносились с той стороны двери и окна.

К моменту возвращения сестер и братьев из поездки, Дади так ничего и не узнала о состоянии настоятеля кроме того, что он до сих пор пребывал в лазарете. Девушка увидела, как прибывшие из города монахи и воспитанники собрались во дворе, получили последние напутствия, и разошлись кто куда. Только Фари остался стоять подле дерева, уставившись в окно палаты, в которой сейчас была Дади. Вскоре он ушел.

Девушка целый день ждала, что наконец-то раздастся стук в дверь, что в комнату ворвется Фари и начнет винить её во всех бедах этого мира, что он прямо оттуда потащит её в фехтовальный зал выяснять отношения самым понятным им обоим способом. Но этого не произошло. Ни тогда, ни на следующий день.

Вскоре Дади выписали и даже позволили вернуться к занятиям. Сверстники отстранились ещё больше. Это её не волновало, но без общества Фаридина тоска на душе девушки только крепла. Даже учитель до сих пор не вернулся, даже ни разу не попытался связаться с ней. Дади начала задаваться вопросами. Неужели он ничего не знает о случившемся? Или, ему просто плевать на всех здесь, кроме неё?

Дади приободрилась, когда Фаридин все-таки позвал её поупражняться в фехтовании, но это продлилось недолго. Юноша был сосредоточен и хмур, он не проронил ни слова сверх того, что должен был сказать из приличия. И выигрывал поединки за поединком.

— Зачем это? — спросила девушка, когда их время вышло, — ты же не хочешь тренироваться со мной.

— Не хочу. Но кроме закончивших обучение бойцов, только ты мне ровня. Спарринг с остальными — трата времени.

— Мне жаль.

Дади действительно было жаль. Она хотела бы отразить все оттенки сожаления на своем лице, вложить все тона раскаяния в свой голос. Но вырвались лишь эти два никому не

нужных слова.

— Мне все равно, — Фари поставил свой тренировочный клинок на стойку и вышел, не прощаясь и не оборачиваясь.

В двери комнаты Дади больше никто не стучался. Даже на занятиях она оставалась наедине с терзавшим её вопросом — что же она может сделать? Она не была любимым воспитанником настоятеля Оргуна, но все же он не щадя живота своего помогал ей бороться с Недугом. И вот пал жертвой их общего врага, оставив девушку в неоплатном долгу.

Дади продолжала драться с Фаридином, ведь и он для неё был единственным достойным соперником, хотя и заметно сдала позиции. Отныне их поединки были лишены азарта, они лишь механически оттачивали навыки. Черета безрадостных дней была наполнена только учебой, тренировками и тщетными попытками узнать больше о состоянии настоятеля никого об этом не спрашивая.

Но монастырь был тесен. Все, сказанное вслух вне закрытых кабинетов, рано или поздно долетало до каждого здешнего уха. Так и весть о том, что настоятель впал в бардо наконец вырвалась наружу.

В тот день Фаридин впервые позволил чистой ярости вмешаться в тренировку, едва не покалечив соперницу. Дади уже давно терзало желание что-то сделать для настоятеля, но об стену её опыта поездки в Барнол-Шесть разбивались любые идеи. И вот, поддавшись отчаянию, Дади наконец увидела выход. И выход до смешного простой — если настоятель страдает от Недуга, то помочь ему может то, что помогает и ей.

Она тотчас отправилась к зрителям и изложила свою идею. Нужно было просто подключить настоятеля к системе подавления Недуга, созданной для Дади. Чутье подсказывало ей, что это слишком просто, и она оказалась права. Это могло бы помочь, но к этой системе имели доступ лишь два человека во всей Экумене — Андж и его подопечная. Но только один из них знал, как ей управлять, и вестей от него все ещё не было.

Вернувшись в жилище она погрузилась в свой уголок Сети. Девушка потянулась к узлу системы подавления Недуга, с которым была связана, и раскрыла его. Перед ней развернулся хаотичный на первый взгляд калейдоскоп золотых и рубиновых узоров. Но в спиральных и круговых траекториях этих информационных тел была заложена непостижимая обычным умом математика. И Дади сама была переменной в этих уравнениях.

Узлы данных пришли в движение, закручиваясь вокруг некоей оси, и приобретая вид золотого ока с красной радужкой, неусыпно наблюдающим за Дади. Девушка призвала пару призраков и начала пробовать свои полномочия. В конце концов ей не нужно было ничем управлять, только поделиться своей защитой с ещё одним человеком.

И удача ей улыбнулась — её власти над этой системой для этого хватало как раз.

Монах-медик, которому выпала очередь присматривать за Оргуном, вошел в палату и собрался провести рутинные процедуры — снять показания с приборов, заменить капельницу с питательным раствором и прочее. Когда он приготовился сделать массаж от пролежней, настоятель открыл глаза и прохрипел одно единственное слово:

— Нет...

Дади не знала остальных двух имен Оргуна, но монастырской сети это имя встречалось лишь один раз, Призракам системы подавления большего было не нужно. Девушка

подготовила все необходимые команды, оставалось только собраться с духом и приказать их выполнить.

И приказ был отдан. Система пришла в движение, сердце девушки начало биться втрое чаще. Девушка пыталась унять волнение, но это становилось сложнее с каждым ответом системы. Спустя несколько секунд всё остановилось. И к Дади пришла радость, ведь система приняла новую переменную настоятеля. Даже глаз её почти не беспокоил, ведь далеко тянуться ей в этот раз не пришлось.

Дади позволила себе улыбнуться. В первый раз за многие прошедшие дни. И в последний на долгие грядущие годы.

Настоятель попытался встать, но за несколько неподвижных дней его тело утратило такую возможность. Сил хватило только сказать:

— Отключай...

— Что? — спросил монах. — Или кого?

— Всё... всех...

Крохотный узелок, созданный для настоятеля, едва заметно ошетинился нитями, другие концы которых уходили вовне, к другим людям, другим системам. Дади не понимала, что это означает. Она вообще не ожидала, что такое случится.

Сидя в своей комнате, в полном одиночестве и погрузившись в сеть, девушка не видела, как многие монахи сейчас открыли свою связь, обеспокоенные странным сигналом. Не видела она и как некоторые из их воспитанников делали то же самое.

Дади продолжала рассматривать странный узел. Одна из его нитей была толще, чтобы пропустить больше данных. Уже догадавшись куда ведут остальные, она решила проверить эту. Нить вела напрямую к Сердцу, поддерживающему жизнь в монастыре.

Настоятель пытался сказать что-то ещё. Он мог бы прокричать свое предупреждение внутренним голосом в каждую голову, если бы Недуг не лишил его возможности использовать Связь. Но монах-медик в его палате уже ощутил неладное.

— Не смей... — прохрипел Оргун, — отключай...

Дади заметила и ещё одну необычную нить. Она появилась последней, спустя несколько секунд после остальных. И вела эта нить прямо к ней. Девушка похолодела, ведь и этого тоже не должно было произойти. Она судорожно пыталась понять, что же она упустила, почему возникла эта Связь. Но в этом уже не было смысла — нить, соединяющая её с настоятелем стала стремительно краснеть.

Медик начал понимать тревогу и отключать от монастырской сети все, что мог. Увидев это Оргун удовлетворенно кивнул. Собрав последние крохи своих сил, настоятель потянулся к собственно уголку Сети. Недуг не давал ему полноценно пользоваться Связью, по этому оставалось лишь разорвать столько нитей, на сколько хватит сил и времени.

Фаридин стоял напротив болванчика для тренировок, с мечом в руках и в боевой стойке. Он уже приготовился нанести удар, как почувствовал странное через Связь. Он открыл её, странный сигнал от монастырской сети требовал внимания, но юноша его проигнорировал. Нити, связывающей его с дедушкой, на своем месте почему-то не было.

Дади мчалась со всех ног. Игнорируя все вокруг, она просто бежала. По короткой улице. По монастырской площади. Через двери и коридоры лазарета. К дверям палаты настоятеля. И когда ноги почти донесли её до двери, девушку догнал Фаридин.

Из палаты вышел монах в оранжево-черных одеждах. И он уже открыл рот, чтобы произнести свои черные вести. Но смог только покачать головой и уйти.

Дети остались наедине друг с другом. На глаза обоих наворачивались слезы. Под грузом печали у Дади начали трястись колени. От ярости Фари сжал кулаки. Девушка уже привыкла к недоброжелательным взглядам своих братьев, сестер и старших товарищей. Но впервые она видела такой искренний, такой чистый гнев, до капли предназначенный ей одной. И обжигал он втрое сильнее от того, что это был гнев её единственного друга.

Фаридин бросил свой кулак в выверенном, машинальном ударе. Дади столь же рефлекторно он него уклонилась. Но к её лицу уже летел второй кулак. Девушка закрылась от него, но удар отбросил её к стене. Инстинкты и навыки бойца заставляли девушку сопротивляться. Она была не против упасть ничком и принять столько избиений, на сколько у юноши хватило бы сил и совести, но и в ней разыгрался требующий выхода гнев — гнев на саму себя.

Фари попытался схватить противницу за волосы. Дади извернулась и ударила локтем в пах. Юноша обхватил её руками и навалился всем весом, приложив врага об стену. Девушка смогла его повалить, рухнув вместе с ним на пол. У обоих оказались свободны руки, и оба смогли приложить друг друга по лицу, окропив кровью пол и стену.

Не было ни правил, ни защиты, ни азарта, ни желания помериться мастерством. Только брат и сестра, причиняющие друг другу боль в пустом коридоре.

Дади не торопилась открывать глаза. Она и так знала, что лежит в лазарете, и любое движение, даже самое незначительное, отзывалось болью в лице, украшенном синяками и рассечениями. В этот раз она услышала незнакомый свистящий звук в другом конце палаты — Фаридин пытался дышать сломанным носом, то и дела тихо постанывая от боли и всхлипывая. Но девушка предпочла остаться в темноте за сомкнутыми веками, игнорируя все вокруг. Даже наполнивший палату знакомый сладковатый запах, по которому она уже соскучилась, не побудил её взглянуть на вернувшегося учителя.

Андж сидел у стены скрестив ноги и руки и не скрывая грусти на своем лице.

— Просыпайтесь, дети, уже утро, — старый монах говорил тихо, в голосе его не звучало привычной силы, — вылезайте из-под одеял и сядьте передо мной.

Фари подчинился. С трудом, стонами и ворчанием он смог опуститься перед монахом на твердый пол. Но Дади даже не пошевелилась.

— Как же до этого дошло? — спросил Андж. Он посмотрел в окно, Фаридин посмотрел на девушку и ответил.

— Она...

— Виновата во всем? — закончил за юношу старый монах.

— Да. Она — ходячее бедствие.

— И в чем это проявляется? — мягко спросил монах. — В желании поделиться своей защитой с другим? Защитой, которую я создал, и я же не завершил? Которую пришлось создавать, только потому, что я принес беспомощного ребенка сюда?

С каждым вопросом юноша все больше погружался в замешательство, совершенно не

понимая, к чему эти вопросы подводили.

— Дитя, за каждый её поступок, продиктованный моей опекой или направленным моими уроками, я столь же в ответе, сколько и она, с чем уже согласны и смотрители. И мы здесь не одни, Фаридин. Многие решения многих людей сложились друг с другом, дав такой результат. Решения, на которые мы не хотели и не пытались влиять. Но мы все зачастую связаны теснее, чем готовы признать. Даже настоятель Оргун на своем смертном одре успел внести свой весомый вклад в спасение воспитанников. Чем обрек монастырь на гибель.

Юноша посмотрел на монаха не понимая.

— Первым, с кем Оргун разорвал связь, был ты, дитя. Он бросил все силы на то, чтобы первым делом спасти внука. Достойный поступок достойного человека, последним выбором в жизни которого стала любовь. Но теми мгновениями, которыми он заплатил твое здоровье, он мог выкупить здоровье монастырского Сердца. Да, он не успел разорвать с ним Связь. Не успел на доли секунды.

Фари начал дышать гораздо тяжелее, его нос засвистел особенно громко и мерзко. Но юноша так и не нашелся с ответом.

— Да. Решение, ставшее последней каплей приняла твоя сестра. И как её теперь наказать? Какое наказание сможет причинить ей больше страдания, чем она сама? — монах тяжело вздохнул и наклонился немного вперед. — Мы все виноваты. Ты, она, я. И все будем нести этот груз. Груз, который поймем только мы, и только мы сможем облегчить эту ношу друг для друга. А значит нужно принять решение. Вы поможете друг другу нести это бремя или пойдете по одиночке, сгибаясь под его весом?

Обдумывая услышанное, Фаридин какое-то время молчал. Тем времен Андж поднялся на ноги и подошел к койке Дади. Она все ещё отказывалась открывать глаза и Монах поговорил с ней через связь, после чего ушел.

Дади не проронила ни слова, но позволила себе заплакать. Фари пытался думать, не давая скорби подпитывать гнев. А старый монах разрешил себе до рассвета не чувствовать ничего.

Хозяева этой Пустоши I

Естественный механический шум Эвр действовал на нервы всем на борту. Сорваться готов был каждый, путь и каждый по своему. Дади предавалась хандре наравне с остальными, но в своей каюте. Она была погружена в себя, просматривая записи своего поединка с храмовником. Сколько раз она обращала внимание на какое-либо свое действие, столько ошибок и недочетов она находила. Сколько решений в пылу боя она смогла вспомнить, столько их было неверными. И любая причина винить себя в провале всей операции казалась предельно весомой.

— Сида, — обратился к Малой через Связь, — я вынужден попросить вас кое о чем. Если у вас остался какой-либо доступ к барже, не могли бы вы его передать нам?

Воображение Дади наводнили мрачными образами Акабы-Пять из будущего, которое теперь казалось неминуемым. Она представила, как идет по улице города-призрака не ощущая вокруг вообще ничего. И теперь она хотела только одного — свернуть с этой улицы. С этой картиной на уме, передала Малому то, о чем просил.

Экипажи двух кораблей молча разошлись с места встречи. Эвр вместе с ополченцами повернула обратно в Акабу-Пять, корабль Рама с остатками его команды отправился вслед за своим капитаном.

Большую часть обратной дороги Дади и Дин провели взаперти, одна в своей каюте, а другой на мостике, избегая разговоров о случившемся. Первым из своего панциря выбрался механик, чьи обязанности кока вынудили его оторваться от пилотирования и заняться готовкой — пустые животы перекликались своим урчанием даже через дверь. Девушка тоже покинула каюту, ведомая зовом голода. Какое-то время они старались не обращать друг на друга внимание.

— Я...

Заговорила было Дади, но остановилась. Дин посмотрел на спутницу, и вид у нее был отсутствующий.

— Я выросла в монастыре, — сказала она и сглотнула, — я попала туда...

— ... по веской причине, о которой можешь не говорить, — ответил Дин, не отрываясь от готовки.

— Но уговор?

— Да, твоя история за мое участие. После дела. Меня устроит любое “после”, поэтому если не хочешь...

— Не хочу.

— Полагаю, мы оба не в настроении, — сказал Дин, поднося к столу еду и питье, — и оба голодные.

Юноша начал есть свой суп без видимого желания. Но аппетит стремительно возвращался, и вскоре он разогнался до привычных скоростей. Тем временем Дади смотрела в тарелку.

— Ешь, пока не остыло, иначе супчик станет...

— Противен вдвойне, — ответила Дади. — Я знаю. Ты же и так готовишь не очень.

Глаза Дина округлились, а половинка не втянутой лапшинки беспомощно повисла изо рта.

— Что? Ты же сам так сказал.

Парнишка начал усердно пережевывать еду, чтобы дать внятный ответ, но в процессе до него дошло.

— Стоп, ты пыталась меня подколоть?

— Да. Видимо неудачно.

— Полагаю, в монастыре такому не учили.

— Нет, — с тоской ответила Дади, — не учили.

Эвр вернулась в город на закате, и в порту ей предстояло провести остаток ночи и часть утра, пока Сердце отдыхало. Ополченцы без лишних слов отправились восвояси. Дин ушел на поиски хоть кого-нибудь, с кем можно было бы поговорить о мелком ремонте, запчастях, расходниках для катера и прочих важных мелочах. Дади осталась наедине с учителем в пустом порту и принялась рассказывать о своем злключении в Пустоши.

— Неудивительно, что вы такие кислые, — подметил Андж, когда его ученица закончила повествовать. — Скажи только о чем ты думала, когда отдавала ключи от той баржи?

— Я...

— Я не осуждаю, дитя. По крайней мере пока. Только хочу знать, что тебя на это сподвигло.

— Рам, учитель.

— Он, конечно, обаяшка, но дело ведь не в этом верно?

— Нет. Я не справилась. И горожане лишились лидера. Теперь...

— Все будет не хуже, чем не вмешайся ты вообще, — перебил девушку Андж. — Но это мы от рефлекслируем по пути, а сейчас мы все пойдем спать.

— По пути? Куда?

— В Акабу-Четыре, разумеется! — с энтузиазмом воскликнул старый монах. — Будем спасать нашего красавчика.

Дади на это ничего не ответила, но удивления на её лице было достаточно.

— Ну, ты будешь его спасать. Если будет такое желание. А у меня там просто есть дело и нет желания тащиться пешком.

— То самое дело?

— Да, — Андж понизил голос. — Но об этом тоже не сейчас. Сейчас твоя очередь делиться секретами.

— Моя? Почему?

— Потому, — монах понизил голос ещё ниже и наклонился к Дади, для лучшего эффекта выпуская изо рта втянутый до этого дым, — что я так сказал. А ещё он, — монах выпрямился и кивнул в сторону Дина, возвращающегося в порт на боте, груженом арматурой, — должен знать, какой багаж несут пассажиры, вроде тебя.

Паломники покинули город ещё до полудня. Остатки напряжения между ними растаяли посреди путевой рутины, и на пару дней все вернулось на круги своя. Дин хлопотал один за целый экипаж, Дади занимала время упражнениями для тела и ума, а её наставник — едой и сном. Утром третьего дня погода начала меняться, как за бортом Эвр, так и внутри.

— Есть новости, — сказал Дин, спускаясь в кают-компанию, где завтракали монах и его ученица. — Я заметил корабль, который тоже идет на северо-запад. Точно параллельно нам.

И движется только тогда когда мы стоим.

— И что это значит? — спросил Андж.

— Понятия не имею. Но выглядит странно.

— Ждешь неприятностей?

— Я — нет, но вот вы — лучше бы да. Если это пираты, то не мне же от них отбиваться, в конце концов.

— Это верно. В таком случае, капитан, ваш экипаж будет в полной боеготовности.

Андж отсалютовал словно матрос не вставая из-за стола.

— Э-м-м, вольно. Ладно, нам пора двигаться. Не расплескайте похлебку пока Эвр трогается.

Дин вернулся на мостик и корабль вскоре пришел в движение. Ни капли супа не пролилось при этом, и паломники спокойно продолжили трапезу, когда ход корабля выровнялся. Андж все это время сверлил тяжелым взглядом свою подопечную, даже не моргая при этом. Дади быстро осознала причину столь пристального внимания.

— Сегодня, — сказала она, обращаясь скорее к своей тарелке, чем к учителю. — Я расскажу все сегодня.

Ближе к ночи Эвр вновь пришлось остановить для отдыха. По странному стечению обстоятельств, в паре десятков шагов от места стоянки оказался камень, высотой в пояс обычному человеку, неведь как оказавшийся посреди ровной пустыни. Сойдя с корабля, чтобы не смущать Дади своим присутствием, Андж тут же заметил этот булыжник. Усевшись на камень с бутылкой вина, старый монах позволил себе насладиться тишиной, звездным небом, рассеянным надвое серебристой полосой астероидов, и бескрайним унылым пейзажем. На луну, чей кроваво-красный бок был виден почти полностью, он старался не обращать внимания. Последнее было в этот раз не сложно — зоркие глаза монаха приковал к себе едва различимый силуэт далекого, но стремительно приближающегося судна.

Спустя час, борт катера покинул уже его капитан. Он был крайне возбужден и до хруста сжимал все свои шесть кулаков.

— Вы! — воскликнул Дин, тыча тремя правыми указательными пальцами в монаха. — Вы же знали!

— Знал что?

— Тхе, вы знаете что вы знали!

— Я знал, знаю и буду знать довольно много, юноша, — Андж игриво улыбнулся, — но не знаю что из этого ты имеешь в виду.

— Недуг! — процедил юноша. — В мой город, в мой порт, на мой корабль вы протащили часовую бомбу! Зачем? За что?! И почему я?!!

Андж отхлебнул из бутылки, и с глотком терпкого вина пришла подходящая аналогия.

— Если коротко, то я предупреждал, что тебе это все аукнется. Но я дам более полное объяснение, если пообещаешь не кричать на старика пару минут, идет?

Дин скрестил руки на груди и закатил глаза, но кивнул в знак согласия.

— Итак. Миллионы лет назад начались геологические процессы, которые привели к тому, этот самый булыжник, — Андж постучал доньшком бутылки по своему сиденью, — оказался на этом самом месте. Относятся ли эти процессы к нам? Разумеется, нет.

Значительнее менее миллионов лет назад начались процессы, которые привели к тому,

две моих ягодицы оказались здесь и сейчас. Относятся ли эти процессы к бульжнику? Разумеется, нет.

Но! Я оказался здесь, на этом самом куске этой самой Пустоши, уже с причиной выйти и присесть, а этот камень оказался весьма подходящей формы. Иными словами, этот валун и мой зад оказались здесь независимо друг от друга, однако их встреча стала неизбежна, как только стала возможна. Можешь назвать это судьбой, если угодно. Уверен, ты бы наверняка назвал это судьбой, если бы я завел речь не о камнях и ягодицах, а о чем-то более существенном.

Например, — Андж сделал ещё глоток, — о корабле, его капитане и паломниках, которые оказались в одном месте и в одно время, по совершенно не связанным причинам. Но у этих причин были следствия, которые определили единственное решение этой, так сказать, задачи трех тел. Давай и дальше называть это судьбой, просто для удобства.

Так вот, именно судьба привела к тому, что ты сейчас оказался здесь в нашей компании. И сейчас нам предстоит решить следующую задачу, которая, по иронии судьбы, также является задачей трех.

И вокруг точки равновесия, коей является этот самый бульжник сейчас закрутятся твой гнев, моя и Дади необходимость продолжить путь, и... — Андж отхлебнул ещё вина и указал горлышком на темнеющий горизонт, на фоне которого человеческим глазом уже был различим силуэт корабля, — ... и интересы вон тех ребят.

Дин посмотрел вдаль и тоже увидел стремительно приближающийся корабль. Он даже мог различить гул двигателей в шуме ветра.

— Это пираты?

— Это точно не добрые самаритяне, — ответил монах.

— Сама... кто?

— Не важно. Важно, что они тебе не друзья.

Чужое судно приближалось быстро и не сбавляя ходу. На миг механик даже подумал, что оно идет напрямик на таран. Но подойдя на пол сотни метров, корабль выпустил опоры, резко повернулся бортом, сильно накренился и прошел боком вперед ещё несколько десятков метров, пока не завис в воздухе на мгновение. В эту секунду прямо с палубы через леер перемахнули пять крепких и опасного вида ребят. Когда они выпрямились после эффектного приземления, корабль позади них наконец-то выровнялся и плюхнулся на землю.

— Впечатляет, — сказал Андж, очередной раз прикладываясь к бутылке.

— Благодарю, — отозвался предводитель пришельцев, делая реверанс своей полностью искусственной правой рукой, — прошу простить за беспокойство. Но встреча двух кораблей на одной стоянке по среде Пустоши, да ещё и в пределах Восточного Края — это крайне маловероятно и весьма интригующе!

— Только если вы не тащились за нами от самого города, — вставил Дин.

— Дерзкое заявление. Но проверять его мы, конечно, не будем. Итак, могу я поговорить с капитаном?

— Уже говорите, сид.

Пришелец смерил Дина взглядом. На миг он изменился в лице, озадаченный тем, что все пошло немного не по сценарию — отпор со стороны юнца в грязной спецовке был неожиданным.

— В таком случае, приветствую, коллега!

— А Гильдия Судоходства знает, что мы коллеги?

— Конечно же нет, я предпочитаю работать на себя и своих ребят.

— Тогда, может, прекратите этот фарс и перейдете к делу?

— Но зачем?! — вклинился Андж, не вставая со своего камня и разведя руки так, что из бутылки пролилось немало вина. — Здесь сейчас развернется весьма пресный конфликт интересов, пусть в нем останется кислинка легкой наигранности.

— Благодарю вас, сид. Приятно встретить ценителя выразительности в этой глуши. И к тому же, — капитан сделал медленный шаг навстречу Дину и мотнул головой в сторону своих вооруженных людей, — зачем расстраивать зрителей.

— У меня есть две крайне боеспособные причины не заботиться о мнении окружающих. Если только... — Дин получше рассмотрел снаряжение чужаков и показал пальцем на одного из них, больше других похожего на механика — ...это часом не плазменная горелка?

— Она самая, штурмовой вариант. Прекрасно топит лед непонимания при абордаже.

— Сид, — обратился Дин к необычно довольному монаху, — а помогает ли огонь против... ну вы понимаете.

Андж резко сменил свой тон с радостного на суровый.

— Полегче на поворотах, дитя, — ответил монах. — Наш договор — это сейчас единственная для меня причина подняться с этого камня и встать между вами. Кроме того, — Андж вернулся к игривости как по щелчку, — нет. Огонь не помогает. Проверено на практике.

— Но без корабля мы можем не успеть, учитель, — вклинулась Дади, появления которой никто не заметил.

— Знаю, — тяжело вздохнув ответил монах, — это был блеф и ты его раскрыла, спасибо. Кроме того, где твои манеры?

Дади встрепенулась и поприветствовала пришельцев.

— Доброй ночи, сати. Что вас привело?

— Нас привели вы, господа, и вы... — капитан осекся. Наконец до него дошло, с кем он разговаривал все это время. Он оглянулся и увидел, что его люди, уже начавшие медленно окружать экипаж Эвр, заметно нервничали. Особенно тот, что с горелкой — он подошел к Анджу почти вплотную, и лишь сумрак скрывал от окружающих тот факт, что он обливался потом.

Капитан также осознал, что прекратилась вся передача через Связь. Он попытался организовать своих людей, но они не видели в этом смысла, полагая что монах наверняка их слышит.

— А почему бы вам не взять их корабль? — спросил Дин у своих спутников.

— У нас уже есть контракт. Зачем нам договариваться с ними? — ответила Дади.

— Во-первых, их мне не жалко. Во-вторых, не мне жалко и их корабль...

— Это жестоко. Я же обещала, что больше не прикаснусь к Эвр. Никогда.

— ... а в-третьих, тебе не придется давать им подобных обещаний. Можно вообще не брать их с собой.

— Так, — подал голос капитан, — а вот это уже не спортивно. Мы бы подвезли вас до города, и только там вышвырнули за борт с частью пожитков и парой легких травм. Верно, ребята?

Капитан переглянулся со своими людьми. Все они были напряжены, особенно его механик — Андж то и дело косо поглядывал на него, и с каждым разом горелка

оказывалась все ближе от его лица, а нервы её хозяина все ближе к срыву.

— То-то же. Кроме того, подозреваю что это тоже был блеф. В конце концов, нас немного больше.

— Я своими глазами видел как она в одиночку унизила отряд вооруженных наемников. Она не только сможет уложить всех вас. Она этого ещё и хочет, — сказал Дин. Пришельцы посмотрели на Дади — девушка просто стояла скрестив руки и всем показалось, что её левый глаз как-то странно блеснул. Они посмотрели на её учителя — Андж только пожал плечами. Капитан сглотнул, не зная что делать дальше, но зная, что монахи теперь их просто так не отпустят. К счастью, механик с горелкой все же нашел выход из положения.

— Я не хочу в тюрьму... — прошептал он и пустил струю синего пламени прямо Анджу в лицо. Тот даже шелохнулся.

Голова монаха моментально превратилась в огненный жар. Он только устало встал, и все наконец поняли, насколько этот человек был в огромен. Дади в этот момент побежала обратно к Эвр.

— Мои губы сейчас расплавится, поэтому скажу один раз. Нам нет до вас дела, убирайтесь. Если хотите продолжить разговор, то я буду говорить на языке тела, — Андж скрестил на груди свои массивные руки, и повернулся к Дину, — а с тобой, дитя, мы договорим, когда у меня отрастает новое лицо.

Дади прибежала обратно и протянула учителю одеяло, которое он набросил на голову и сбил пламя.

Оба экипажа вернулись на борт своих кораблей. Дин с тоской смотрел в иллюминатор, глядя как корабль неудавшихся захватчиков движется в том же направлении, в котором позже отправится он сам.

Луна, уже показавшая больше трех четвертей своей алой стороны, скрылась за горизонтом. С противоположной стороны мира начался восход, очертив плавные линии рельефа и одну большую зазубрину на них — силуэт уже видимой Акабы-Четыре.

Последняя стоянка перед прибытием уже подходила к концу. Дин маялся от безделья, томимый ожиданием сигнала от Эвр, что судно готово продолжить путь. Не найдя занятия лучше, он устроился на палубе и потянулся к городской сети.

По сравнению с ближайшими соседями по Магистралаи, Акаба-Четыре была по настоящему крупным городом, и местные новости представляли собой настоящее месиво, особенно для Дина. Он бросил попытки вникнуть в местную историю, ограничившись последней официальной сводкой.

Дади тоже поднялась на палубу, дабы подышать свежим воздухом. Увидев напряженное лицо механика, она спросила:

— Что-то не так?

— Вы сможете дойти пешком? — спросил в ответ механик, указывая кружкой на силуэт города, тающий в свете восходящего Солнца.

— К полуночи, возможно.

Дин поднял одну бровь, давая понять, что имел в виду вовсе не это. Девушка сразу поняла сигнал.

— Прости. Недуг не доставит тебе проблем, обещаю. Кроме того, осталось недолго.

Механик покачал головой.

— Я не об этом. Вы видели новости? Вам же по профессии положено знать что, где и

когда.

— Нет... — в голосе Дади прозвучал стыд.

— Хорошо, что рядом есть я, верно? — юноша сам дивился тому, насколько извительным он мог быть в такой ситуации. И с такой собеседницей.

— Извини, — процедил он. — В городе неспокойно. Введен комендантский час, расположен целый отряд храмовников, а наемники проверяют все прибывающие корабли. Некоторые суда даже арестовывают на неопределенный срок. И все это на фоне новостей об аресте одного нашего общего знакомого. Ну, того самого, красивого, умного, харизматичного...

— Я поняла, ком ты.

— ... опасного, расчетливого, преданного...

— Я же говорю, что поняла, о ком ты. И нет. Он не настолько великолепен. Он... вполне обычный.

— Неужели?

— Да. Он просто мотивирован. Хотя не знаю, чем именно. И... и у него достойные доводы.

— Хм, так кто кого в итоге должен наставлять на путь истинный?

Дади этот вопрос сбил с толку и с ответом она не нашлась.

— Ладно. Но я хочу услышать твои доводы в пользу моего захода в этот порт.

— Учитель поможет с любыми проблемами. Как только закончит свои дела. И вырастет новое лицо.

— И как долго это займет?

— Полтора суток. Плюс-минус. Сейчас он, цитирую, “может пройти на руках и никто не отличит голову от...”

— Ладно, убедила. Если в худшем случае я просто проведу пару дней в гостинице, то вперед.

Войти в порт оказалось нетрудно. Но службы сразу дали понять, что выйти из него будет несколько сложнее.

Большой плоский участок голой земли был окружен полукругом устремленных к центру пирсов, за которым стоял частокол из подъемных кранов, маяков и контрольных вышек. Все это придавало порту очертания циклопической нижней челюсти, в который мог бы поместиться Барнол-Семь едва ли не целиком. Его истинный размер все же был куда меньше, но Дин был впечатлен настолько, что начисто позабыл возмутиться грубому обыску на борту.

Обыск, к счастью, ничего не обнаружил, но силовики убедительно попросили не покидать город ближайшие два дня. Дин поздравил себя с успешным прохождением волокиты. Лишний раз проверив все сетевые документы и убедившись, что Эвр под защитой местных силовиков, механик переключился на заботу о собственном теле, которое нестерпимо желало нормальной еды и ванны.

Дади решила отправиться в город безотлагательно, тем более что её учитель уже помог договориться о встрече с местными властями. Губернатор Дасс был готов принять её лично в любое время.

Дин молча проводил девушку до портовых ворот, за которыми они разминулись. Его внимание привлек киоск с едой у портовой стены. Он выглядел точь-в-точь как забегаловка

из Барнола-Шесть. Повар, приветливый, но усталый, поздоровался с Дином, принял заказ и скрылся на кухне, из которой тотчас начал доноситься запах прожариваемых продуктов.

Пока Дин ожидал горячий полноценный обед, по его бокам сели двое. Повар попросил их немного подождать, на что уже знакомый голос ответил, что никто никуда не спешит. Дин оцепенел. Он перепугался так, что не мог повернуть голову, но уже понял, что место рядом с ним занял тот самый капитан из Пустоши, с которым они встретились пару дней назад.

— Отдавай ключи от корабля, парень, — сказал капитан, уже без какой-либо наигранности, — рыжержаженные тебе сейчас не помогут.

— Я закричу, — выдавил из себя юноша, судорожно пытаясь дотянуться до службы безопасности порта.

— Тогда мы убежим, скроемся, и найдем тебя чуть позже. И разговаривать мы уже не будем.

Дин сглотнул. Служба безопасности порта с сожалением ответила, что не в силах помочь, ведь данное заведение уже не находится на территории самого порта. Тянуться куда-то ещё времени уже не было. Юноша уже был готов заплакать. Но сделал, то что от него просили.

Капитан и его напарник исчезли также внезапно, как и появились. Повар поставил на стол самую большую тарелку фирменного супа и поинтересовался, все ли в порядке. Но к еде Дин так и не притронулся.

Акаба-Четыре была крупнейшим городом Восточного Края, и здание управление было под стать — коренастая башня, возвышающаяся над всем вокруг на несколько десятков метров, снаружи лишённая излишеств, но увенчанная короной из антенн и спутниковых тарелок. И кабинет губернатора, разумеется, располагался на вершине.

Кабинет был просторным, под его потолком вполне поместился катер без мачты. Вместо боковых стен были два панорамных окна, южное с выходом на террасу и видом на четверть города, вплоть до порта, и северное, открывающееся на промышленный район города.

В центре помещения находился массивный стол, и часть столешницы рядом с креслом являлась доской из цельного дерева. На высокой стене позади стола висели государственные знамена Восточного Края, Третьего Круга, магистрали Акаба и дома Донно, что правил всем Востоком от Метрополии. Между знаменами висел огромный портрет. Дади не узнала и не запомнила изображенного лица. Но посмотрев на него через Сеть увидела золотой венец на его челе, сотканный из сетевых нитей, устремленных вверх. Человек казался подвешенным на этих самых нитях за прямо голову. И под ним горела золотая подпись — Император Энцзи IV, Двенадцатое Дитя Второй Династии, Владыка Востока, Юга и Севера, Говорящий от Имени Всех.

Дади никогда не была в таких дорогих комнатах. Но ни портреты, ни дерево, ни роскошный пейзаж за окном не говорили об уровне достатка этого города так же красноречиво, как тот факт, что это отнюдь не маленькое помещение было на практике бесполезным. И город мог позволить отдать всю эту площадь ради того, чтобы один человек сидел за одним столом. И было здесь что-то ещё, что-то едва уловимое, но задевающее струны тревоги.

Губернатор сейчас стоял у южного окна, рассматривая свой город. Увидев паломницу

он неуверенно поклонился и жестом пригласил к столу. В его походке, в каждом его движении читались вялость. После всего, что Дади слышала об этом человеке, она нарисовала в голове совсем иной образ — в жизни Раух Дасс вовсе не выглядел как сын адмирала.

— Приветствую, Сида, — губернатор занял свое место за столом. Для своей должности он был молод, едва ли разменял четвертый десяток. Но даже его голос был лишен энергии.

Дади села в кресло напротив. Она почувствовала, как через Сеть к ней потянулся Дин, но проигнорировала его. И снова ощутила что-то странное, витающее в воздухе.

— Мое прошение — это прошение помощи, Сида. Если у вас нет доводов против.

Доводов у Дади не было. Она покрепче ухватилась за посох, предчувствуя, что в большом городе её вряд ли попросят устранить маленькую проблему.

— Боюсь, в городе назревает бунт. Возможно даже с покушением на мою скромную персону. И я прошу вас сделать все, что в ваших силах, чтобы этого не допустить.

Девушка сжала посох так, что хрустнули кости, и довольно громко. Если губернатор это услышал, то не подал вида.

— Это все? — только и смогла сказать Дади, пропустив очередную попытку Дина связаться с ней.

— Да. В вашем распоряжении будет все. Охранная служба предоставит любые данные и любые средства. Только храмовников я не могу передать вам, сами понимаете. И есть несколько приказов, которые в большем приоритете у силовиков, нежели вы. В остальном вы вольны поступать по своему разумению. У меня ничего не получилось, надеюсь вам повезет больше. Я... — губернатор откинулся на спинку кресла, — я вообще не должен этим заниматься. И больше так не... — он выпрямился и поправил одежду, — простите, Сида, мою краткость и откровенность. Но я не вижу иного выхода, кроме как свалить эту ношу на вас и тем времен попытаться не дать городу заглохнуть. Больше мне сказать нечего. Поэтому озвучьте ваше решение и мы вернемся к работе.

Бунт. Дади немало читала о таких явлениях, но столкнуться этим лицом к лицу... Девушка не знала, что было для нее страшнее — хаос и разрушения как они есть, или та сила, которую способны проявить люди, связанные общей волей, безумием или судьбой.

Сеть уже сочилась историями о том, как Рам, любимый народом благородный пират, чья личность стала общим достоянием, спасал раз за разом Акабу-Пять. Дади догадалась, что его пленение и грядущий беспорядок связаны. А раз Дади несет ответственность за одно, придется ей отвечать и за другое. И менее всего она хотела, чтобы из-за её поступка разразилась очередная буря.

Дади согласилась и со всеми формальностями закончила эту встречу. Только подойдя обратно к двери она заметила ещё одну неудачную попытку Дина поговорить, и наконец поняла, за что же цеплялись её чувства — кабинет губернатора пропах алкоголем.

Дин нарезал круги у входа на территорию управления, тщетно пытаясь дотянуться до паломницы. Все его шесть рук бессильно болтались. Но вскоре его терпение было вознаграждено.

— Дади! — воскликнул механик, — я... мы... ну, в общем случилась беда.

Увидев наконец, насколько девушка была хмурой, он понял, что эта фраза относилась к ним обоим.

— Те клоуны из пустоши. Они угнали Эвр.

— А мне поручили предотвратить бунт, — сухо ответила Дади.

— Да, пожалуй это круче.

— Я не знаю что делать. Вернее знаю что, но не знаю как. Хотя нет, этого тоже не знаю. Мне нужна помощь.

— Моя? — удивился механик, и Дади кивнула в ответ. — Я-то что могу сейчас сделать?

— Быть рядом. И быть не мной.

— По моему твой учитель справляется с этим гораздо лучше.

— Да, — девушка вдохнула, — и он все ещё скрывается от Сети. Кстати, где он?

Ответ на этот вопрос тут же прозвучал у Дина в голове, но большим трудом сорвался с его губ.

— Ну... эм-м-м... его тоже угнали.

Рам сидел за столом в темной комнате. Обе его руки лежали на столешнице ладонями вверх. Связка из шести нуль-Сердец, похожих на бусы диаметром в полтора дюйма и наделявших его руки силой, лежала в нескольких сантиметрах от его пальцев. Но он не мог до них дотянуться. Он уже битый час не мог даже сжать кулаки. Эти черные руки сейчас были надежнее любых наручников. Впрочем, слабая плоть под вороненой броней в сдерживании не нуждалась.

Столь же тщетно офицер пытался вести допрос, сидя с другой стороны стола. Не зная как ещё привлечь внимание своего собеседника, офицер взялся за один конец связки Сердец и начал елозить ей по столу, чем наконец привлек внимание заключенного.

— Наконец-то, — проговорил офицер, свет единственной низко висящей лампы наделял его лицо рублеными чертами, которых, возможно, и не было в действительности. Офицер откинулся на спинку стула, утянув Сердца на свой край стола.

— Ласерн-сид, во-первых, у меня очень много свободного времени. А у вас его больше вдвойне, так что торопиться нам некуда. А во-вторых, с тех пор как на Краю официально запретили полицейские побои, я выработал терпение святого. По этому, мы можем позволить себе пройтись по нашей истории ещё разок. В этот раз я надеюсь на ваше внимание, сид. Иначе мне придется попытаться в третий раз. И в четвертый. И столько раз, сколько пройдет пока твоя молодость не станет тоскливым воспоминанием, твои выходки — недоразумением в семейной хронике, а твои соратники — сокамерниками. Заочно, разумеется. В этом учреждении я — твой единственный друг.

Друг.

Это слово эхом раскатывалось по гудящей голове Рама. У него был как минимум один друг вне этой комнаты. Проверенный, верный. Влиятельный? Могущественный?

Как только его повязали, его накачали тем же газом, которым он вырубал экипаж баржи, хотя и не настолько крепким. Рам мог думать, но сосредоточиться достаточно, чтобы воспользоваться Связью, ему уже было не под силу. Химические кандалы для мозга были комфортными, но надежными.

— Начнем пожалуй с конца, может так будет поинтереснее. У тебя ведь есть друг где-то в Сети? Единомышленник и информатор, живущий в местах, где куда больше больших шишек, нежели здесь. У меня тоже есть пара таких друзей. Я не всегда уверен, существуют ли они вообще, но нам весело вместе играть в Ур, так что на их нереальность я закрыл бы глаза. А вам весело? Игрушки-то у вас занятные. Отделяющий газ, с которым ты штурмовал баржу, поступил на вооружение спецов из Метрополии всего-то пару месяцев назад. Походу

ты тоже оформил на него предзаказ, а? А твой пистолет — это вообще что-то с чем-то, такую модель я не нашел ни в одной базе.

Рам промолчал. Его глаза слезились, разглядеть лицо офицера во всех деталях он сейчас не мог. Но оно смутно напоминало его собственное отражение в грязном зеркале гальюна его корабля. Не ужели окружающие видели именно таким, изо всех старающимся казаться круче, словно небрежно держащимся за руль жизни одной рукой, а второй обнимающим фортуна за талию?

— Последняя игра у вас явно задалась. Хотел бы я знать, кто позвал других хулиганов в вашу песочницу, но эту загадку придется разгадывать тебе самому. Впрочем, твой послужной список до этого момента впечатляет. У меня плохо с математикой, поэтому даже ну буду пытаться подсчитать, сколько людей лишились своего имущества с твоей легкой руки. И ради чего?

Разве это не глупый вопрос? Рам задавал его себе неоднократно. Ответ казался таким очевидным, что он уже не мог с уверенностью его сформулировать. Но он был, этот краугольный камень убеждений, на котором зиждилась воля к борьбе. Он определенно был...

— Но возможно это глупый вопрос. Ответ напрашивается сам, если учесть, что бюджет одного городка стал заметно больше именно с тех пор, как в его окрестностях завелся один лихой пират. Или революционер? Твое образование и подноготная дают основание думать, что ты все же не идиот. Но возможно, самую малость романтик, а?

Да. Определенно да. Не будь Рам романтиком, он бы не оказался в такой неприятной обстановке. Вместо допросной его бы сейчас окружали стены врачебного кабинета. Или офиса управленца. Или это все чушь, и его судьба сложилась уже давно.

— Но если серьезно, я даже душевных травм не могу откопать. Да, семья у вас не самая ладная. Как и каждая вторая в этих местах. Да, с Наавой получилось некрасиво, учитывая как ты сблизился с экипажем. Но это толкает на разбой далеко не всех. Меня бы не толкнуло. Хотя я бы тоже поругался со своим отцом после такого, даже зная что его руки связаны. Это было решено выше, скорее всего нашим любимым губернатором.

Рам не стал спорить ни с офицером, ни с собой, ведь в этом была истина. Гнев на родича позволил сделать первый шаг на этом пути, но идти дальше заставляет нечто иное.

— Хочешь сказать виной всему твой изъян? Брось, я тоже на подпорках хожу. Пока что могу предположить только одно — ты просто святой. Неужели ты и правда, готов подняться на эшафот ради сырых и убогих просто потому, что считаешь это правильным?

Рам попытался заговорить, но пересохшее горло жутко болело, а я язык задеревенел. Сглотнув слюны, он все таки смог сказать:

— Разве нужна другая причина?

— Тебе, судя по всему, нет, — офицер наклонился вперед с довольной ухмылкой. — Однако, наконец-то я узнал тебя немного получше. А через тебя — и твоих дорогих друзей.

Наконец они встретились взглядами.

— Хочешь об этом поговорить? Ну же, откройся мне, друг, и дай причину не голосовать за возвращение побоев.

Хозяева этой Пустоши II

Малой нашел себе укромное местечко в неприметном углу неприметной питейной, где успешно делал вид, что просто потягивает выпивку. Пока его тело удобно строилось на подушке за низеньким столиком и принимало слабый алкоголь, его ум находится в столь же не примечательном для посторонних уголке Сети. Малой нередко участвовал в собраниях своих далеких соратников, но все разговоры вел Рама, пока сам он просто наблюдал и слушал. Вот и сейчас он, помалкивал, наблюдал за склокой главарей местных и не только команд.

— Давайте к делу, — раздался наконец долгожданный голос всеобщего друга посреди кромешной черноты, а следом появились и его мутные очертания. Разговоры прекратились тут же.

— Рама взяли во время его последнего налета, и если мы не хотим потерять все достижения последних лет, нужно его вызволять.

Перспектива пустить плоды долгих трудов на помощь одному бойцу пришлась не по нраву всем. Дебаты были готовы разразиться с новой силой, но общий друг не дал им разогнаться.

— Нравится это нам или нет, но мы потеряем гораздо больше, если оставим это на самотек. Его имя — один из важнейших активов, его потеря нас отбросит назад дальше, чем потеря некоторых средств. И это в лучшем случае. В худшем — Восточный Рубеж будет для нас потерян очень и очень надолго. Поэтому я предлагаю пойти ва-банк.

Но на этот раз все крепко задумались.

— Губернатор Акабы должен быть свергнут сейчас, — продолжил друг. — И если мы сыграем наши карты правильно, с народной поддержкой у нас будет возможность потянуть время до окончания выборов в Метрополии. Тогда наши друзья из числа политиков смогут развернуться здесь во всю ширь. И наконец-то начнется настоящая работа... А сейчас, голосуем господа. Вы знаете, за что мы боремся и что на кону. И, учитывая ситуацию, решение должно быть единогласным. В противном случае проще лечь на дно на ближайшие лет десять.

Единогласия среди собравшихся, разумеется, не было. Но всеобщий друг умело склонял капитанов к делу одного за другим. И вот, на пути согласия осталось последнее препятствие — отсутствие плана. А составить его мешало то, что в распоряжении губернатора было гораздо больше людей и оружия. И ещё отряд храмовников.

— Мы думаем не о том, — вмешался наконец Малой. Как один из команды Рама он был лишен права голоса, но не права слова. И момент, которого Рама велел дожидаться в последнем сообщении, наконец настал.

— Какой смысл пытаться перехитрить систему, которая умнее, быстрее и сильнее нас? Нас слишком мало для изящных маневров. Поэтому я предлагаю грубую силу.

— Что-то я не понимаю, — ответил один из главарей, — если нас мало для хитрости, то как нас может быть достаточно для штурма?

— Очень просто. Обмануть ожидаемые ожидания, — сказал Малой, и те из присутствующих, кто уже имел удовольствие общаться с ним вне собраний, закатили глаза. — В случае штурма малое число может быть компенсировано большим молотком, которым мы ударим губернатора по ноге. И у нас он есть. В порту сейчас стоит баржа. Довольно большая, но по главной улице пройдет.

— И у тебя есть к ней доступ?

— Скорее доступ к доступу, но нашим шаманам должно хватить. Баржа, идущая прямо на таран здания управления и груженная невесть чем — это настолько большой блеф, что им придется на него ответить.

— И слой силовиков между нами и Рамом станет заметно тоньше, — закончил общий друг.

— Сомневаюсь что на барже получится уйти, — ответил один из главарей, — для этого нам нужен катер, пришвартованный прямо под окном кутузки.

— И он у нас есть, — успокоил его другой. — Небольшой, неприметный, чистый в глазах Гильдии. Я его... реквизирует сегодня. Мы, — он кивнул в сторону общего друга, — думали вывезти на нём кое-какую контрабанду из города, но и для этого сгодится.

— Даже банальный таран — это уже прямая и явная угроза, которая точно наведет шороху, — подтвердил друг. — И прежде, чем пыль уляжется, мы покинем город. Так или иначе. Деталей пока не хватает, но это уже похоже на план. У нас есть сутки на подготовку и исполнение, вряд ли я смогу прятать вас от храмовников дольше. На это вы согласны?

Спустя минуту раздумий, собравшиеся таки приняли единогласное решение — завтра они пойдут на штурм здания и городской тюрьмы. Раз госпожа удача проявила к ним интерес, то не стоит её игнорировать.

Малой ещё какое время присутствовал, пока остальные составляли планы и вели расчеты. Все подготовленное для переворота через год, нужно было подогнать под реалии сегодняшнего дня, но его это мало волновало. Он сыграл свою роль здесь, и когда он допьёт свой коктейль и немного поспит, он отправится играть её в другом месте, внося свой малый вклад в общее дело.

— Я не знаю что делать, — сказала Дади, сворачивая свое видение городских баз данных, доступ которым ей любезно предоставил лично губернатор. Она потратила целый день на блуждание среди этой информации, так не найдя нужную нить, чтобы распутать этот клубок.

— И я не знаю что делать, — ответил Дин. Они оба сидели на подушках в углу главного зала “Узла” — одной из многих разбросанных по Экумене заведений, в которых днем люди могли поработать не опасаясь увидеть свой скучный дом открыв глаза. А по ночам спасались от этой самой работы.

— Но мы оба знаем, чего не делать, — сказал механик, вглядываясь в бездонную пропасть бокала с самым крепким напитком, который имелся в “Узле”. — Но как же этого не сделать, если больше нечего делать.

— Зачем ты просил меня это купить? — спросила паломница, бросив взгляд на кружку, которую Дин разглядывал уже битый час, но так и не притронулся.

— Потому что мне такое не продадут и будут правы. И потому что у меня есть повод. Весьма поганый повод выпить алкоголь впервые в моей жизни, но что поделать.

— Ты же не хочешь.

— Кто бы говорил, — ответил Дин. — Перед тобой ведь тоже стоит кружка горького пойла, которого ты не хочешь на сама себе заказала.

Дади на всякий случай посмотрела на стол перед собой и не увидела там ничего.

— А, это метафора. Да, у меня есть зацепка. Нет, я не хочу её использовать. Да, она должна привести меня к его команде. Нет, я не хочу чтобы их посадили. Да, таков закон и

моя ответственность. Нет, я не хочу нести её.

— Только вот других вариантов-то нет, верно? — сказал Дин, взялся за кружку и начал осторожно подносить её к губам.

— Кто бы говорил. У тебя тоже есть метафорический стакан, — сказали Дади, Дин остановил свою руку на пол пути. — Обратись к службам. Они должны помочь.

— Они должны сделать всё по протоколу. То есть обнаружить следы... наших шалостей в пустоши. Это все равно что отдать Эвр на растерзании Гильдии.

Дин ещё раз попытался поднести выпивку ко рту, но отпрянул, когда резкий запах ударил в нос. Затем он безуспешно попытался ещё пару раз, но теперь его останавливал осуждающий взгляд девушки.

— Ладно, — сказал механик поставив стакан обратно на стол. — Ладно, я доверюсь профессионалам.

Шаманы потрудились на славу и Малому не составило труда проникнуть на баржу в назначенный час. Вместе со Шкипером он спокойно прошел мимо охраны и зашел на мостик как к себе домой, предварительно забрав массивную сумку со снаряжением, заботливо припрятанную в порту его коллегами по подрывной деятельности.

Шкипер заняла штурманское кресло и начала готовить судно к движению. Малой тем временем проверил свое снаряжение, отбивался от вопросов портовой службы и наблюдал за происходящем в городе. Канал связи трещал от сообщений, городская сеть начала наполняться вестями о беспорядках, взрывах, столкновениях с силовиками.

— Легкие и средние травмы, ущерб имуществу, инфраструктуре... — пробубнил Малой, — но погибших нет. Впечатляет. Обе стороны громят город, но соблюдают манеры.

В ответ Шкипер только пожала плечами.

— Согласен, — сказал Малой. Он вызвал перед собой карту города, и какое-то время наблюдал, как над ней всплывают отфильтрованные сообщения о пробивающихся на городской земле ростках хаоса. Про себя Малой отметил, что большие головы, судя по всему, подготовились и спланировали все на славу. А значит нужно не переживать об остальном и делать свою работу. Работу, которую ещё долго по достоинству не оценит никто из тех, для кого она делается. Но и об этом Малой старался не думать, довольствуясь собственным желанием освободить губернатора от его должности.

Наконец-то час пробил. Малой сел в кресло и пристегнулся, Шкипер принялась за работу, и на её лице проскользнуло удивление.

— Что-то не так? — спросил Малой и ответ он получил изображение из трюма. В трюме баржи находился катер с отпиленной мачтой и грубо вскрытым бортом. Вырезанные куски обшивки до сих пор лежали на полу, громыхая в такт раскачиванию баржи. Дыра в борту катера вела прямо в машинное отделение, туда, где раньше билось Сердце судна.

— Интересно. Но времени выносить мусор нет. Нам это мешает?

Шкипер покачала головой.

— Тогда отчаливаем.

Опоры корабля поднялись и прижались к корпусу, оставив его висеть в воздухе. Судно сперва рвануло назад, вырывая швартовы с корнем. Выйдя на пустое пространство в самом центре порта, баржа развернулась и нацелилась на портовые ворота. Створки уже начали закрываться, но остановились на полпути, дернулись и вновь отворились — шаманы поработали и здесь. Судно устремилось на полном ходу к воротам. Завидев это докеры

начали разбегаться кто куда.

Баржа со скрежетом протиснулась через ворота едва не сорвав двигатели, и Малой увидел путь к своей цели. Длинная и широкая улица уходила вперед, прямо темной башне городского управления, но путь преграждали перекрестки и развязки. В его голове уже родилась подходящая к случаю шутка, но озвучить её он не успел. Стоило кораблю начать движение по улице, как дверь на мостик открылась.

Обернувшись, Малой увидел знакомую паломницу. И она была явно не в духе.

— К сожалению, мы ничего не можем сделать без передачи вопроса в Гильдию Судоходства.

Женщина-инспектор произносила это с улыбкой на лице и огоньком в глазах, и с каждым словом улыбка становилась шире, а огонек — неприятнее. Дин сидел напротив нее, в одном из кабинетов здания силовой службы, и над столом между ними висело разделенное видение кучи экранов с документами, текстами законов и прямой трансляцией из порта.

— Но почему? — негодовал юноша. — Мой катер стоит прямо здесь, в вашем порту я не могу даже подойти к нему из-за кучки деклассированных делинквентов, которых вы можете взять тепленькими и посадить на холодные нары.

— Акт передачи ключей подтвержден, — ответила женщина, и теперь улыбка на её лице пошла на убыль. — Для местных служб это достаточная причина не вмешиваться. Боюсь вам придется передать дело в Гильдию Судоходства.

Вместе с экранами над столом повисла тишина. Дин пытался прикинуть в уме, сколько займет разбирательство, и что может вскрыться в процессе. Несмотря на свою борьбу за чистоту корабля в глазах Гильдии, Дин хотел бы чтоб эти глаза смотрели на что-нибудь другое, куда более достойное их внимания. А сидеть смиренно и дожидаться монаха он просто не мог. Тем временем, инспектор отвлеклась на сообщения от коллег и заметно помрачнела.

— Послушайте, сида — попытался в последний раз Дин. — Я прекрасно вас понимаю. Кажется, что мир вокруг свихнулся, в утомленных рутиной руках не осталось сил держаться и долгие годы труда идут насмарку прямо сейчас. Я чувствую ровно тоже самое к своему кораблю, понимаете? Неужели мы никак не можем войти в положение друг друга?

— Надин-сати, ваше положение включает баржу, которая проломила портовые ворота и несется на полном ходу прямо сюда?

— Боюсь что нет.

— А мое включает, — ответила инспектор, и в здании разразился сигнал тревоги. — Прошу прощения, но наш разговор придется прервать. Вы можете подождать здесь.

Женщина встала, поправила форму и портупею с табельным оружием и удалилась. Дин ещё какое-то время провел за столом убеждая себя в том, что в этом здании должен, нет, обязан быть хотя бы один человек, способный решить его проблему.

— Никак?

— Никак.

Капитан и его механик тщетно пытались открыть люк, ведущий с палубы Эвр в трюм. Они имели весь необходимый доступ, что управлять кораблем, но вот двери почему-то не поддавались.

— Ладно, — сказал капитан, разминая свой протез, — займешься этим когда, остановимся у тюрьмы.

В порту уже царила суматоха, вызванная невиданным зрелищем прохода баржи через портовые ворота на полном ходу. Капитан занял место на мостике и приготовил катер к отходу. Краем глаза он заметил ещё один катер, приближающийся со стороны Пустоши. Учитывая обстоятельства, ему уже должны были дать от ворот поворот, но он плавно шел вперед.

Наконец капитан получил сигнал, и сдвинул Эвр с места. Подпиленные механиком ограничители никак этому не помешали. Проходя через ворота капитан не стал оглядываться, он и так знал, что за ним уже собирается в погоню отряд силовиков на ботах. Однако оглянувшись он бы увидел вместо погони тот странный катер из пустоши, неспешно пересекающий порт и приближающийся к тем же воротам.

Малой посмотрел на стоящую в дверях Дади с клинком в руке. Затем на улицу через лобовое стекло. Дальше по улице несколько ботов с силовиками уже образовали заслон.

Тут же раздался залп из карабинов, нацеленный прямо в мостик. Малой и Шкипер пригнулись, Дади не двинулась с места, только прикрыв лицо. Несколько снарядов прошипел прямо над приборной панелью, разбив окно и рассеяв осколки стекла по всему мостику. Один снаряд вонзился в перегородку прямо над головой девушки, остальные угодили в стену или остались торчать из обшивки снаружи. Поняв, что баржу не остановить, заслон спешно убрали и теперь пытались не стоять на пути неостановимой груды металла.

— Только не проси нас остановиться, — сказал Малой поднимаясь обратно в кресло и давая понять, что драться он не собирается, шансов в рукопашной у него все равно нет.

— Судно взорвется, — сухо ответила девушка. Малой пару мгновений переваривал эту информацию и пришел к выводу, что ей можно верить и спустился с паломницей в трюм.

— Я успела осмотреть катер, — сказала Дади когда они сворачивали к машинному отделению баржи. — На борту были монахи. Но тел нет.

Последняя дверь открылась. Машина, в которой было заключено Сердце баржи, теперь носила на себе уродливую, словно гнойный нарост, пристройку с Сердцем катера. Малой начал нервно чесать шею.

— Мы хотели устроить взрывы в городе, а не взрыв города...

— Подстава? — спросила Дади, уже не способная отогнать картину кольца разваливающихся зданий, цепочкой окружающих дымящийся кратер.

— Подстава, — ответил Малой. — И, похоже, если мы остановимся, кто-то где-то просто даст этой штуке команду взорваться. Ты не можешь её отключить своими приемами?

— Нет. Собравший это знает эти приемы. Я могу выиграть время. И только.

— Значит нужно разобрать это безобразие, пока мы отыгрываем операцию “спасение” и молимся, что наша игра убедительна. И на главную роль нам нужен крайне рукастый механик.

Губернатор безвольно сидел в своем кресле и смотрел в окно через стекло своего полупустого бокала. Даже через эту призму было видно, как в городе один за другим прорастают столбы дыма.

Чиновник сделал ещё один глоток и вернулся к работе. А работа его была проста — нужно было сохранять невозмутимый вид перед коллегами, передавать их вопросы нанятым консультантам из дома Хинан, и затем возвращать ответы. Какой бы кризисной не была текущая ситуация, глава Магистрала Акаба был вполне доволен тем, что не делает её хуже.

Тем временем, Рам находился в своей камере. Он ничего не видел через крохотное окно в двери и не мог посмотреть в столь же маленькое оконце в стене. Он просто лежал на своей койке, уставившись в потолок и вдыхая иногда подаваемый в камеру газ. Юноша тоже был в самом центре происходящего, при этом ничего самостоятельно не делая.

Два человека в одной башне, один на её вершине, второй — у самого её основания, просто в бессилии ждали того, что еще преподнесёт этот день.

— Две новости, — сказал Малой через Связь, все ещё осматривая машинное отделение. — С какой начать?

Образ Шкипер перед его глазами только пожал плечами.

— Начну с хорошей. Мы, возможно, взорвемся и этот абсурд сразу закончится. Плохая — это можно предотвратить, но тебе придется покружить вокруг треклятой башни какое-то время. Сможешь?

Лицо его напарницы поджало губы.

— Мне бы твой оптимизм...

Малой смотрел через камеру как на палубу забирается отряд силовиков и уже нацеливает карабины на мостик. Когда они прошли половину судна, позади них из люка появилась Дади.

Девушка попыталась поговорить с ними, но без успеха. Часть силовиков только резко развернулись и попытались открыть огонь по неожиданной цели. И с удивлением обнаружили, что их цель носит посох и оранжевое, а оружие отказалось служить.

В этот момент Шкипер отдала двигателям несколько команд, а Дади вонзила посох в палубу. Баржа на секунду замедлилась, а её корма задралась вверх. Силовиков швырнуло вперед, но девушка осталась стоять. Не дожидаясь, пока бойцы придут в себя, она начала методично рубить оружие и искусственные конечности. Вскоре она оказалась между мостиком и силовиками, с клинком в руках, готовая продолжить бой, но все ещё призывая противников остановиться.

На миг ей показалось что она преуспела, ведь бойцы начали отступать к носу. Но они просто расчистили место для двух храмовников, наконец-то присоединившихся к потасовке.

— Сидя, — заговорил один из них. — Пожалуйста, отступите. Позвольте силовой службе выполнять свою работу.

Девушка не ответила, только сильнее разогрела костюм.

Эвр остановили на улице недалеко от здания управления, с противоположной порту стороны. Самозванный капитан нервно разминал костяшки искусственной руки. Пока все шло гладко, и каждый транспортный бот, способный быстро доставить отряд силовиков, был задействован где-то в другом месте. Из некоторых окон башни начал сочиться оранжевый дым, значит штурм уже начался.

— Живее, — сказал он своему механику, все ещё пытающемуся прорваться в трюм. — Баржа вот-вот придет.

Где-то впереди по перекрестной улице пронесся бронированный бот. Капитан замер гадая, обратили ли на него внимание или нет.

Обратили.

Капитан чуть не сломал свою механическую кисть, когда увидел, как ворота, ведущие во двор управления, пересекла фигура в доспехе храмовника.

Рам смотрел на дверь, пытаясь сфокусироваться хоть на чем-то. И ему это начало удаваться, разъединяющий химикат помногу ослаблял хватку на его мозг.

Вместе с полной сосредоточенностью на двери, к нему вернулись способности слушать и думать. Кто-то что прокричал за дверью. Где-то раздался грохот удара металла о металл. Откуда-то прокатилась ударная волна, сотрясая камеру. Прибавив к этому факт своего заключения и учтя репутацию, которой обросло его имя, он смог сделать вывод — снаружи бушует насилие, и бушует ради него. Либо кто кто-то с боем рвется вниз башни, к камерам и их узникам, либо вверх, к кабинетам и их обитателям.

Прямо за дверью раздался звук выстрела. В камеру начал просачиваться едкий запах теплоотвода, вместе с ароматом неразбавленного газа. Затем, в том месте, где должен быть замок, в комнату прорвался сноп искр. Через отверстие сперва просунулось оранжевое щупальце газа. Затем погас свет, и раздвижную дверь начали отворять с помощью инструментов.

Рам сделал глубокий вдох и задержал дыхание. Через химическую пелену он чувствовал попытки дотянуться до него через Связь, и пытался на них ответить.

Дверь распахнулась, газ оранжевой лавиной обрушился в комнату. Из облака выбежал человек в респираторе и поставил рядом с юношей коробку. Сперва он извлек из коробки флакон с черной жидкостью и помог Раму выпить.

— Этот прочистит тебе мозги, — сказал человек то, о чем Рам уже догадался.

Затем натянул на его лицо взятый из коробки респиратор. Следом из коробки извлекли черные бусы батарей для рук, надели хозяину на шею и подключили. Волна красного пробежала по рукам Рама от шеи до кончиков пальцев. Он смог сжать руки в кулак, хотя эти руки слушались плохо. Наконец из коробки извлекли портупею с его оружием и связкой снарядов.

Пошатываясь, юноша поднялся на ноги, закрепил боеприпасы и кобуру на бёдрах. Он чувствовал, как мерзкая черная жижа движется по его телу, понемногу очищая его от всякой дряни.

— План? — спросил Рам.

— Пробиваемся в вестибюль, оттуда к выходу и транспорту.

— Запасной план?

— Надеемся на Малого.

Рам кивнул. Он положил руку на плечо своего спасителя, взявшего перезаряженный карабин на изготовку, и позволил вывести себя из камеры в заполненные газом коридоры. Рам старался не оступиться и не отпускать плечо своего проводника, чтобы не потеряться. Наконец они оказались в небольшом фойе, в котором окопались бунтовщики.

— Беда, — рапортовал один из них. — Храмовник идет сюда. И он уже пытается отключить наше оружие. Шаманы держат его, но надолго их не хватит.

— Значит, дело за Малым, — сказал Рам, собственный голос, все ещё казался чужим. Юноша наконец отпустил плечо бойца и попытался поиграть пальцами — хотя бы нажать на спусковой крючок он уже мог.

— Пусть заходит, — сказал он настолько твердо, насколько мог. — До моей пушки он не дотянется. Один точный выстрел, и...

И что? Рам не сомневался, что его оружие способно пробить броню храмовника, но как быть с плотью по ней? Юноша начал перебирать в голове способы обезвредить храмовника

одним выстрелом. Но только обезвредить.

Рам занял позицию у стены напротив двери и осмотрелся. Там, где были камеры под потолком, теперь красовались только черные пятна — значит храмовник ворвется в слепую. Он взял оружие на изготовку. Оно уже было готово стрелять, хотя юноша не помнил, как отдал ему команду активации. Он подошел спиной вплотную к стене напротив двери, через которую вот-вот должна была ворваться угроза. С трудом Рам приводил в действие боевые программы своих рук.

Двери открылись. Храмовник влетел в них на всех скорости, шлейф газовых вихрей протянулся за ним словно плащ. Доли секунды хватило рыцарю, чтобы опознать свою цель. И ещё одной доли, чтобы увидеть заряженный пистолет.

Рам велел рукам нацелиться на правое плечо. Но из-за плохо послушных пальцев не успел вовремя выстрелить. Храмовник прикрылся левой рукой и сгруппировался, чтобы отвести снаряд. Программа потеряла цель, но Рам не дрогнул и продолжить ждать, надеясь, что рыцарь откроется, когда подойдет ближе.

Храмовник начал тормозить чтобы не пробить стену насквозь. Убрав руку он нам миг растерялся, не увидев противника перед собой.

В последний момент Рам повалился в бок, уйдя с пути рыцаря. Храмовник инстинктивно выбросил левую руку вперед, чтобы смягчить удар об стену. Рука Рама наконец нашла свою цель, но сам юноша промедлил долю секунды, укрываясь от бетонной крошки, полетевшей из стены во все стороны.

Рам выстрелил. За грохотом выстрела он не услышал, попал ли снаряд в цель. А за облаком белого газа, распутившимся между ним и рыцарем, он этого ещё и не видел.

Мертвый храмовник рухнул на пол.

Металлический снаряд торчал из его шеи, пройдя через позвоночник и уперевшись в доспех с другой стороны. Если бы храмовник не пригнулся, то ворот его брони отвел бы угрозу.

Рам спешно снял с себя респиратор и его стошнило выпитой ранее черной жижей. Нацепив маску обратно он поднялся на ноги. Препарат действовал, кровь стучала в висках, но с каждым ударом сердца голова становилась яснее.

— За ним придут остальные, — сказал он, первым оправившись от случившегося.

— Значит нам конец, — ответил кто-то из бойцов.

— Есть иной путь, — сказал Рам. Мы сможем подняться наверх?

— Да, пока шаманы держат контроль над лифтами.

— Тогда вперед, — скомандовал юноша. — Придется брать заложников.

Губернатор стоял у окна с бутылкой в руках. Он все же исполнял возложенные на него обязанности, жонглируя запросами, ответами и указаниями. И новость о том, что дюжиной этажей ниже только что убили храмовника, он принял с безразличием. Он мог только следить за тем как хаос в городе где-то там внизу набирает обороты. Краем глаза он даже видел погоню за несущейся по городу баржей, изуродовавшей одну из главных улиц города и свернувшей на кольцевую дорогу.

До последнего губернатор не обращал внимания на неприметный катер, словно крадущийся по городским улицам, хотя не увидеть его проход через портовые ворота было нельзя. И катер наконец привлек внимание чиновника, когда врезался в стену вокруг башни. Увидев это губернатор лишь покачал головой и собрался сделать очередной плоток. Но рука

его остановилась, когда из борта катера вырвалось черное щупальце, толщиной с бочку. Вслед за ним из другого борта вырвались и второе, и третье.

Хтон сбрасывал с себя остатки катера словно кожу. Город вокруг чудища словно замер. Ибо никто из живущих такого ещё не видел.

Губернатор вскоре получил четкое указание не пытаться что-то с этим поделаться. Этим займутся храмовники и их монастырь. Сделав наконец плоток из бутылки, он вернулся к работе.

Храмовник запрыгнул на палубу Эвр прямо с земли.

— Пожалуйста, — начал вещать рыцарь, — объясните свое присутствие вне порта.

— Нам же запрещено покидать город, — ответил поджидающий его на палубе капитан. — Ну так город мы не покинули, а контракт никто не отменял.

— Какой контракт? — спросил храмовник, подойдя к капитану на шаг ближе.

— Товар везем, вот сюда.

Капитан показал пальцем на какой-то магазинчик и начал делать вид, что ищет в своем уголке Сети нужные документы. Но на самом деле он просто молился, что его механик сейчас выскочит на палубу с разогретой плазменной горелкой.

— Пожалуйста, предоставьте необходимые документы, — продолжил рыцарь. — Или мне стоит связаться с другим зарегистрированным владельцем Эвр?

— Эвр? — переспросил капитан. И понял, что прокололся. Всеми силами он пытался не дать своей ладони удариться об собственное лицо — рыжий шкет переписал его судно под именем для прошлого дела, настоящего имени катера капитан до этого не знал.

— Ясно. Дайте мне минуту.

Храмовник умолк. Капитан начал потеть когда увидел, как со стороны здания управления к нему со всех ног бежал кто-то в спецовке. И капитан не привык к тому, что с такой скоростью бежали к нему, а не от него.

Тем временем, в кают-компании механик готовил свою горелку работе. Нервы его были натянуты точно струны, но чуть не лопнули, когда он услышал какой-то посторонний звук из ведущего к каютам коридора. С инструментом на перевес, он начал медленно шагать, заглядывая в двери. Шум в ушах, нервное дыхание, звук шагов — все это звучало давящей какофонией во внезапной тишине. Ничего не обнаружив, он начал пятиться назад.

Делая очередной шаг, он почувствовал как что-то зацепилось за его ботинки. Не успев среагировать механик потерял равновесие и упал на спину. Подняв голову он увидел, как у его ног открылся люк и внутрь корабля забралось некое жуткое создание на двух ногах, с шестью руками и невысокого роста.

Двумя руками тварь вцепилась в горелку, тремя — в руки и шею механика, а пальцы последней запустила ему прямо в нос. Запрещенный болевой прием вынудил мужчину отпустить свою горелку, а тварь отпрыгнула назад, получив желаемое.

Ствол горелки загорелся, готовый извергнуть струю синего пламени. И в этих отблесках механик наконец разглядел врага. Это был тот самый рыжий парнишка, у которого отобрали этот катер.

— Мой, — прорычал он, вторя шипению огня.

Капитан и храмовник уставились на свои стопы в попытке понять, что это за шум раздается под палубой. Звук вскоре затих, и медленным шагом, с горелкой наперевес, со стороны мостика на палубу поднялся Дин.

— Попрошу покинуть мой корабль, — сказал юноша, выпустив из горелки сполох пламени, — пока ситуация не накалилась.

— Попрошу вас воздержаться от использования данного инструмента не по назначению, Надин-сид, — сказал храмовник. — Я вижу, что у вас равные права находиться на данном судне. Однако у судна нет права находиться здесь. Настоятельно прошу отогнать его в порт до окончания...

Фразу рыцарь так и не закончил. Сперва он повернулся в сторону здания управления. А спустя пару секунд оттуда донесся грохот. Ничего не сказав, храмовник спрыгнул с Эвр и умчался на звук, оставив Дина наедине с его противником.

Дин немного усилил пламя в стволе горелки, капитан начал поигрывать пальцами механической руки, в которой было спрятано оружие.

— Одно резкое движение, и я буду посыпать голову твоим пеплом, — сказал Дин.

— Сомневаюсь. Ты же знаешь что произойдет, если пальнуть в меня из этой штуки?

— Просвети меня.

— Меня охватит огонь! Я буду биться в истерике, корчиться, кричать от боли пока мои мышцы будут превращаться в уголь, объятые огнем моего воспламенившегося жира. Вонь моей горячей кожи разнесется по округе и будет сводить людей с ума сегодня, завтра... Ты готов причинить столько боли живому человеку, парень?

— Я могу поджарить твои ноги. Тебя подлатают в ближайшей лечебнице при местной тюрьме, с этим я смогу жить. И кроме того, — Дин ехидно прищурился, — почему ты не спросишь что случилось с твоим напарником?

— Потому что ты не способен на такое насилие, сосунок.

— Я может быть не способен, — сказал Дин.

— А я способен, — сказал третий голос, низкий и глубокий, раздавшийся из-за спины капитана.

Хозяева этой Пустоши III

Дин смотрел, как монах уходит к башне. Капитан, стоящий перед ним, держался за правое плечо — он достаточно хорошо знал свое тело, чтобы поверить в угрозы монаха взорвать его правую руку в случае неповиновения. А также понимал насколько этот рыжий парнишка, который только что получил полный контроль над рукой и остальными теломодами, был привязан к своему катеру.

— Ты теперь в моих руках, — сказал Дин поигрывая пальцами манипуляторов и сдавленно хихикая.

— А ты — в моих, — раздался через Связь голос монаха.

— Тхе...

— Прости парень, но твой талант нужен в другом месте.

— Какой талант?! В каком месте?! Я забираю Эвр и убираюсь отсюда в порт и буду ждать вас два дня, потому что мне не нужны проблемы с законом! — внутренним голосом выпалил Дин.

— А если я скажу, что порт все ещё в радиусе взрыва?

— Взрыва?!!

Больше Андж ничего не сказал, чтобы не мешать совести Дина работать. Пять очень быстрых стадий принятия спустя, механик спросил:

— Что на этот раз?

Дади держала последний рубеж обороны между мостиком баржи и двумя храмовниками. Обратив посох в копьё, девушка умудрялась не подпускать к себе обоих рыцарей. Черное копьё паломницы со свистом описывало дуги, от сапог до ворота её броня источала теплоотводный пар, закручивающимися вслед за каждым её движением. Храмовники не пытались убить Дади, но били наверняка, и лишь доступ девушки к более точной и быстрой симуляции не давал им пробиться через её оборону. Их схватка едва ли продлилась минуту, и паломница не рассчитывала продержаться ещё хотя бы столько же.

— Нам нужна подмога, — сказался Малой, с мостика наблюдая за тем, как мечи и копьё вырисовывают в воздухе узоры, в точках соприкосновения которых вырывались снопы искр. — И ближайшие друзья сейчас...

— Давай, — только и сказала Дади, поняв что речь о башне управления.

Баржа качнулась и набрала скорость. А храмовники, переглянувшись, остановили свой натиск. Через считанные секунды баржа вышла на площадь вокруг башни. Все на борту посмотрели вперед. Прямо на их глазах, на участок площади между баржей и зданием выкатился хтон. Катящаяся гора черной массы, окруженная спиральными вихрями намагниченной пыли, все ещё волочила за собой останки катера, из которого вылупилась. Осознав приближение баржи с огромным Сердцем, тварь словно начала разрывать саму себя, пытаясь сбежать во всех направлениях разом, от чего застряла на месте.

Храмовники тотчас спрыгнули. А обезвреженные силовики не знали, куда деваться с движущегося корабля. Дади тоже растерялась, но тут в её голове прозвучал знакомый низкий голос.

Монах шагал особо не торопясь. Тварь перед ним бесновалась, но не двигалась с места и он знал почему. Даже её отражение, это огромное подвижное месиво информации, сжалось в небольшой ореол над ней. И всё то невероятное стремление вступить в контакт теперь было направлено внутрь, словно взбесившаяся иммунная система.

Подойдя на два десятка шагов, Андж смог увидеть другую улицу, ведущую к башне, и приближающуюся по ней баржу.

— Не вздумайте поворачивать, — сказал он своей ученице и экипажу корабля через Связь. — Идите на таран.

Так они и поступили. Баржа была втрое больше твари и навалилась на нее всей своей массой. Двигатели взревели, стали цепляться разрядами молний за землю, когда судно стало переваливаться через неожиданное возвышение. Прокатившись по твари и потеряв скорость, баржа врезалась в стену, пропахла двор и вонзила свой нос в основание башни, остановившись окончательно.

Группа следовавших за баржей ботов, влетела на площадь следом за своей целью. Они уже собирались развернуться и удирать, как неожиданный властный приказ, несущий в себе признаки официального, заставил их выстроиться вокруг хтона и приготовиться к бою.

Пока силовики, точно не понимая почему, выполняли команду, Андж открыл захваченную с Эвр канистру с водой и начал жадно пить. В это время его обступили призванные им храмовники. Пятеро, что ещё уцелели.

— Мы вынуждены просить вас назвать себя, — сказал один из рыцарей, вместе с братьями окружая монаха и нацеливая на него клинки, — и попросить объяснения, откуда у вас допуск к командованию нами.

В ответ, не отрываясь от канистры, Андж поднял посох и ударил им оземь. Тут же в головах рыцарей прозвучало оглушительное “На колени!” и их доспехи заставили их опуститься. Они даже не могли повернуть головы, чтобы обменять ошарашенным взглядами. Вопросы отпали тут же. Монах отбросил канистру и сказал:

— Посмотрите на эту тварь...

Андж снял свой донгак и расстегнул верх комбинезона, из-под которого уже повалил пар.

Храмовники посмотрели. И наконец заметили, что тварь была какой-то... не такой. Хтоны не имели четкой формы и с трудом поддавались описанию, но в корчах этой твари было что неправильное, отличающее её от того что можно было прочесть или увидеть.

— Вы можете мне её завалить...

Андж сбросил верхнюю часть комбинезона, обнажив торс. Там, где заканчивались с виду человеческие голова шея, начиналось тело машины. Под просвечивающей серой кожей бугрились черные искусственные мускулы, повторяющие настоящие до последнего волокна и светящиеся красным словно раскаленный металл. Чем туже монах затягивал рукава на поясе, тем меньше становилось его брюхо. Чем сильнее накалялись мышцы, тем больше пара они выпускали.

— И не бойтесь, мальчики, это враг вам по зубам...

Тварь продолжала словно драться сама с собой, не издавая при этом ни звука. Но на миг она застыла и позволила увидеть что она встала на четырех сплетениях щупалец, словно на четвереньках. Силовики дали залп, но добились только внимания чудища, которое вышло из ступора. Тварь перевалилось ближе к линии выстроенных ботов, чем распугала её защитников, потянулась щупальцами и захватила несколько катеров.

— Он не сможет обрушить нас всю свою мощь, потому что боится...

Хтон с невероятным проворством выковырял сердца из трех катеров, проглотил и выплюнул вместе с большими кусками собственной плоти в сторону монаха и рыцарей. Из этих сгустков черной массы выросло ещё три твари, но ростом с человека. Они уже вели себя иначе, встав между родителем и храмовниками. Тем временем Андж закинул посох на плечо, придав одному его концу форму массивного лезвия, похожего не тесак, а его массивное тело теперь являло пик человеческой формы и силы, воссозданный и многократно усиленный. Он широко расставил ноги, приготовившись к рывку. С его рук, плеч и спины пар срывался словно с раскаленной сковороды. А с его лица не сходила улыбка.

— До смерти боится меня!

Дин чуть не забыл повернуть, наблюдая за трансформацией монаха и твари, бой с которой вот-вот разразится.

Катер зашел за башню и помчался по двору, внося свою лепту окружающую разруху. Сажать корабль тоже пришлось грубо. Механик всей душой молился о том, что башни между катером и чудищем будет достаточно, чтобы Эвр не затянуло в круговорот сражения.

Пробраться на уже знакомую баржу труда не составило. Но оказавшись в трюме Дин на миг замер при виде изувеченного катера. То, что он вскоре увидел в машинном отделении поразило его не меньше. Увидеть силовую установку с неказистой надстройкой он был готов. Но сердце его упало от зрелища его спутницы, сидящей на коленях упершись лбом в лежащие на полу ладони. Она словно молилась этой бомбе.

— Он хочет её взорвать, — простонала девушка. — Он отдал команду. Долго не продержусь, разбери ее, пожалуйста.

Дади подняла голову. Слезы были отчетливо видны на грязном её лице, правый глаз болезненно покраснел, а левый остался отрешенно ясным.

Без лишних слов Дин забрался на машину и принялся за работу. На пол дождем посыпались винтики, гайки и прочие дела. Ровный перестук падающих частей прервался, когда баржа сотряслась от удара снаружи. Механик нервно сглотнул, но тут же продолжил работу.

— Сейчас, сейчас... — бубнил механик, пытаясь успокоить не то девушку, не то себя. — Ещё немного, и...

Дин вырвал что-то из сплетения механизмов и бросил на пол. На лице девушки отразилось сильное облегчение.

— Вот! Это даст нам передышку. Команда взрывателю будет мотаться в петле какое-то время, но я не смогу отключить её в одиночку.

— Да, — сказала Дади переводя дыхание, — я помогу, только...

Раздался звук ещё одного удара о корпус. Следом за ним скрежет разрываемого металла и ещё один удар, но уже из трюма.

— Только быстрее, — ответил механик, чувствуя как подается панике.

Храмовники не лезли на рожон, изучая нового противника. Малые твари двигались быстро и хаотично, но за ними можно было уследить глазами. Ударам предшествовали взмахи с предсказуемым направлением. Беспорядочные попытки рыцарей бить и отбиваться быстро перешли в осторожный и выверенный обмен ударами в ожидании ошибки врага.

Упорядоченность боя нарушила большая тварь, поднявшая свое похожее на колонну сплетение щупалец и обрушившееся его прямо на монаха. Земля взорвалась в месте удара, рыцари ринулись в разные стороны. Тварь тут же отдернула свою конечность, ставшую на порядок короче. Облако пыли быстро рассеялось, явив Анджа, стоящего на том же месте с огромным обрубок за спиной. Он весь был покрыт черной жижей, противно шипящей на его раскаленной коже. Подняв голову к небу он прокричал:

— Кончай с прелюдией и спускайся!

На одну секунду хтон замер на месте, его отражение в Сети умолкло и остановилось. И следом тварь снова зашевелилась. Её бесчисленные щупальца сплетались друг с другом, придавая телу определённую форму. Форму человека. Неправильную, непропорциональную, но узнаваемую. В таком виде тварь не могла стоять, одна её нога не имела стопы, а колено другой выгибалось не в ту сторону. Одна рука была с двумя локтями. Тварь упала на четвереньки и попыталась поднять отросток, заменявший голову.

Взрывным рывком Андж рванул вперед, навстречу врагу. Он прыгнул, прочертив в полете полосу черного дыма и пара. Монах прервал свой полет, зацепившись за голову гиганта и приземлившись ему на спину, и сразу начал прорубать свой путь к Сердцу.

Новая чуждая анатомия не давала твари просто так сбросить монаха с себя, тогда она нацелилась на храмовников. Похожей на огромный канат рукой с семипалой ладонью, тварь попыталась дотянуться до группы рыцарей, но они успели отреагировать и уклониться. В безмолвном гневном чуде схватило лежащих рядом бот, и с огромным замахом метнуло его в одного рыцаря, который вел одиночную схватку с “детёнышем” ближе к барже. С одной рукой в объятиях щупалец, он не мог уйти от удара. Брошенный бот смел его вместе с малой тварью и ударился о борт баржи.

Только в этот момент Андж перестал ухмыляться, и начал рубить с утроенной силой. Наконец его тесак нашел на что-то твердое, и тогда монах запустил свою руку в нанесенную им рану. Но тело твари начало терять форму и распадаться, монах потерял опору и рухнул на землю вместе с горой черной массы.

Андж оказался на четвереньках, и увидел свет Сердца, прорывающийся через черное месиво с другой стороны кучи останков. Сперва оно поднялось на выросшем пьедестале. Затем начало притягивать к себе черную массу, формируя вокруг себя тело, подобное человеческому, но вытянутое, с тонкими конечностями. Это существо было высоким, ростом даже выше огромного монаха, в его строении было исправлено все, что не удалось исправить эволюции людей. Только не было у нее человеческого лица, а из живота торчало полушарие Сердца.

Андж посмотрел туда, где у врага должны были быть глаза. Черная фигура склонила голову и с неестественной походкой умчалось к барже.

Дади вбежала в трюм и увидела его. Высокая черная фигура, озаряемая столбом дневного света и алыми отблесками Сердца в брюхе. Рефлекторно девушка приняла боевую стойку и разогрела костюм до предела. Ей пришлось разделить сознание, чтобы не прекращать работу с бомбой. И с её точки зрения теперь она осталась с новым врагом один на один на крошечном, окруженном золотой паутиной островке посреди бесконечного ничто.

Девушка приготовилась отразить удар, но его так и не последовало. Вместо этого тварь медленно подошла и пригнулась, почти опустившись на четвереньки, чтобы быть на одном

уровне с лицом паломницы. Дади одновременно пыталась помогать Дину и предугадывать действия противника, который в этом миг плавно поднял руку и указал пальцем на её левый глаз.

Вспышка боли, следом — вспышки красного среди данных вокруг. Увидев это, девушка не придумала ничего лучше кроме как ринуться в бой. Вложив в удар все тело, она направила меч прямо в шею врага. Клинок едва вошел в тело, такая рана не сразила бы и обычного человека, а тварь даже не шелохнулась, продолжая указывать пальцем на глаз девушки.

Дади смотрела на гладкую поверхность, служившую твари ничего не выражающим лицом. Только в Сети лицо было — мутное, искаженное, словно тысячи других лиц сменяли друг друга ежесекундно. Девушка нанесла ещё один удар. Следом ещё один, и ещё, и ещё. Мнимыми руками она цеплялась за нити и узлы, старясь создать преграду для Недуга. Но тщетно. Страх смерти начал сковывать тело девушки, а зрелище расползающегося по паутине вокруг багрянца — разум. А освобожденный Недуг достиг бомбы.

Дади медленно отступала. Усилие искусственных мышц её брони скрывало дрожь в руках. Но нельзя было скрыть страх в глазах, которые видели темную фигуру с большим машинным Сердцем в животе, встающую в полный рост на пятачке света среди алой паутины Сети. Девушка не понимала, с чем столкнулась. Но понимала, что до сих пор стоит на ногах лишь по воле это существа.

Глаз девушки пронзила очередная вспышка боли, словно от попытки дотянуться слишком далеко, но в теперь кто-то, или что-то тянулось к ней. Она пошатнулась и упала бы, не оказись дверь прямо за её спиной.

Золото блеснуло среди багрянца. Один узел вернулся к обычному виду, следом — пара связанных с ним, а затем ещё и ещё. В осколок реального пространства, который оставался в восприятии, через грудь существа ворвался огромный черный тесак с длинным древком. Брошенный словно копье, он прошел через тварь насквозь, оставив конец древка в её груди, на миг приковав её к месту. Тварь схватилась за оружие в попытке освободиться, но из темноты появилась ладонь, схватившая её за голову и выдернувшая прочь. На миг Дади осталась одна в своем островке реальности. Усилием воли она вернулась к яви.

Посреди заполненного хламом трюма она увидела ещё одно чудовище, на пару голов выше любого человека. С его кожи, под которой тускло светились раскаленные мускулы, испарялось что-то черное и пахучее. Лицо тоже было покрыто грязью. Но на нем появилась знакомая улыбка.

— Учитель...

— Иди, — он ввернул свое оружие в руку и указал на дверь. — Обезвредь эту штуку. Мой черед лезть в драку.

Дин застыл сидя верхом на силовой установке. Он тяжело дышал и был бледен как кость. Промедли он ещё полсекунды и подцепил бы вырвавшийся Недуг. А может уже подцепил? Как проверить? Как защититься? Как быть? Тревожный поток мыслей прервала вернувшаяся Дади. Мгновение они смотрели друг на друга, не замечая грохот нечеловеческой битвы в трюме.

Девушка тут же погрузилась в Сеть. Мир заменила чернота, а вместо машины теперь стояло сплетение данных с уходящими в никуда нитями. Дади принялась раскрывать узлы один за другим, окружая себя золотыми сплетениями линий, кода и символов. Ей пришлось

поделить сознание на три. Одна её часть общалась с призраками, вторая пыталась изолировать пораженные узлы, а треть вела Дина мимо Недуга. Она видела как бесцельно мечутся призраки, несущие команду детонации и неспособные найти путь к своей цели. Но это вопрос времени.

Дади начала падать духом. Даже не сдерживаемая осторожностью, она была слишком медленна. А сколько протянет учитель? Ему нужна помощь? Хотя какая от нее там помощь... Она хотела взять в руки меч и рубить, пока проклятая машина развалится на части, пока жуткий и таинственный враг не падет. И это всё было ей недоступно.

Тогда она рискнула отделить от себя ещё одну часть. Четырехкратный поток информации грозил свести её с ума, но она чувствовала что сможет продержаться так какое-то время. Этим новым сгустком внимания она отправилась глубже. Теперь даже учитель не мог защитить её от ещё одного врага, живущего у нее в голове с момента рождения.

Дади погрузилась так глубоко, и раскрыла столько узлов, что плетение вокруг нее стало почти непроглядным. Часть её сознания словно погрузилась в золотое озеро, в воде которого то и дело образовывались и всплывали красные пузыри. Эта её часть уже почти не ощущала своего тела. Только боль в глазу ещё указывала ей путь обратно. Но в какой-то момент она притупилась настолько, что начала ускользать от внимания девушки. На такой глубине можно было заблудиться, не останься большая часть внимания у поверхности.

Девушка продолжала тянуться. Последние нити, связывающие машину воедино, уже должны были быть рядом. Метастазы недуга множились вокруг, но ей оставалось только верить, что им удастся разорвать последнюю нить, отключить последний провод и оборвать Связь с этим устройством прежде, чем зараза поднимется из глубин.

Заветная нить наконец показалась, но погруженная часть Дади уже с трудом осознавала происходящее. Она поймала нужного призрака и подчинила его. Девушка уже приготовилась выдохнуть и вернуться, но нить не исчезла. Только окрасилась красным.

Поколебавшись, девушка погрузилась глубже, чтобы разорвать эту Связь изнутри. Она отправила часть себя дальше в Сеть. И потерялась.

Холмистая равнина, покрытая густой высокой травой, простиралась насколько хватало глаз. Ночное небо было украшено звездами, ярче и многочисленнее чем можно увидеть где-либо ещё. А серебряной линии с красным отливом там вовсе не было.

— Гхасса... — не то сказала, не то подумала Дади.

Это имя? Это место? Откуда она вообще это знает? Она уже была здесь?

Небо застилал возвышающийся силуэт человека, от груди до головы. Он поднимался откуда из-за горизонта, а голова находилась там где должна была быть луна.

Как же он далеко? Насколько же он огромен? Больше планеты? Звезды? Солнечной системы?

Силуэт непрерывно искажался, словно образ передаваемый при плохой Связи. На миг он исчез и возник снова прямо перед лицом Дади, но уже став крохотным, променяв неосознаваемый мозгом масштаб на размеры обычного человека. Откуда-то девушке пришла мысль, что эта странная тень ей не враг. По крайней мере — не тот враг, с которым...

Учитель? Сражается? Кто? С кем? Зачем? Где?

Силуэт медленно потянул руку к левому глазу Дади. Девушка не сопротивлялась. Та её часть, что оказалась в это странном месте почти утратила связь.

С чем? Или кем?

Образ девушки был неполным, словно собранным из разных статичных изображений её самой. Тень наконец-то коснулась её глаза. И исчезла. И затем появилась вновь, но уже повторяя облик Дади. Девушка не смогла узнать себя. Отовсюду и ниоткуда закричали три голоса. Нет, не три, один, но из трех мест. Они были связаны, связаны с...

Машина. Дади искала способ оборвать Связь, на которой держалась машина, сковавшая два Сердца.

Получилось?

Девушка смутно ощущала, что чуть не оборвала ещё какую-то связь. Крик усиливался, искажался, пока не превратился в невыносимый шум. Порывы ветра начали пускать волны по травяному покрову. Черная тень с лицом Дади стояла неподвижно, словно маяк посреди моря.

Какая ещё связь чуть не оборвалась? С чем? Или кем?

С собой.

Шум вновь зазвучал как единый голос, произносящий одно слово.

Вернись.

Действительной накатила на Дади волной ледяной воды.

— Получилось? — спросила она держась за голову и все ещё приходя в себя.

— Нет, — сглотнув ответил Дин. — Мы облажались. Я больше не могу безопасно их разделить. Осталось два силовых кабеля, но если я отключу хоть один, будет, ну...

Дин изобразил взрыв всеми своими руками. В подтверждение его слов машина начала нагреваться, вокруг нее становилось жарко.

— Время. Нам нужно время. Чтобы... — плечи девушки устало опустились, она склонила голову. — Не знаю. Я не знаю.

Дин наконец спустился и задумался. Неминуемость быстрой смерти удивительным образом помогла ему успокоиться.

— Запусти двигатели, — сказал он. — на полную мощность. У нас будет чуть больше времени, пока они жгут энергию. А потом передай мне корабль.

— Как же недуг?

— А как же взрыв? Если баржа может двигаться, то придется рискнуть. Просто прикрой систему управления на пару минут.

Дин принялся судорожно настраивать автопилот и приводить корабль в рабочее положение. Машинное отделение сотрясалось словно от судороги. Механик начал отдавать другие команды, но тряска так и не прекратилась. Баржа поднялась на полметра над землей. Затем на метр, обычную высоту для движения. Затем и на полтора, и на два. И продолжило медленно подниматься выше, чем вообще способны корабли такого размера. Механик бросил встревоженный взгляд на силовую установку.

— Да что же мы с ней сделали?

Андж вытащил своего соперника на свежий воздух через пробоину в борту баржи. Снаружи он начал разить тварь с удвоенной яростью, которую мог не сдерживать в дали от ученицы. Он полностью отдался сражению и не обращал внимания на происходящее за спиной.

Двигатели баржи дали залп электрических разрядов, часть которых вцепилась в стену. Со скрежетом судно начало подниматься, словно держась за башню дугами электричества и

прорезая в ней глубокую борозду своим носом.

Тварь пыталась проскользнуть мимо монаха, но Андж разил неистово, оставляя на теле врага глубокие раны и тесня его все дальше и дальше от баржи. Его враг попытался пройти на пролом, нырнув под очередной удар и заключив монаха в объятия и отшвырнув его в сторону после короткой борьбы. Ошеломленный Андж резко вскочил и, развернувшись, на миг поразился зрелищу медленно, но верно поднимающегося корабля.

Тварь уже собралась прыгнуть на стену и начать забираться вверх. Но у Монаха была другая идея. Он придумал посоху форму копья с крестовиной у основания лезвия. Встав в позу для броска, он так сильно разогрел руку и часть спины, что их охватило пламя. Монах метнул оружие в цель, вслед за копьем вперед сорвалось облако огня с его кожи.

Копье с хлопком пронеслось над площадью и двором, увлекая за собой пыль. Снаряд попал в цель, крестовина не позволила ему пройти насквозь, и копье вместе с тварью пробило стену и исчезло в недрах башни.

Андж ещё раз смерил взглядом грохочущую баржу, поднимающуюся все выше и выше, и метавшую молнии словно железная туча. На миг он дотянулся до судна, подправил указания для автопилота и удовлетворенно хмыкнул.

— Он наверху, и вот-вот совершит глупость. Отговори его ладно?

Попросил монах свою ученицу и ринулся следом за своим врагом.

Дади посмотрела с палубы вниз, на удаляющийся двор. На нечеловеческой скорости её учитель вбежал в здание. Палуба наполнялась обломками фасада, который баржа вспахивала своим носом. Девушка обратила свой взор вверх, на приближающуюся террасу, на которую выходит кабинет управляющего.

— Ты готов? — спросила Дади, закрепляя съездившийся посох на спине и готовясь к прыжку. Баржа тем временем начала разворачиваться, вставая бортом к стене.

— Прыгать с летающей баржи на вершину башни? — воскликнул Дин, перекрикивая рев моторов и скрежет обшивки. — Нет, я не хочу уми...

Дади, разогрев костюм до предела остатками энергии, схватила механика под мышки и перемахнула через леер. Приземлившись, оба кубарем покатались по террасе. Девушка быстро поднялась на ноги. Энергии в броне осталось немного и в случае драки толку от неё будет немного.

Через панорамное окно был виден большой и пустой кабинет губернатора, в это раз там было полно людей. На фоне противоположного окна, обрамляющего закат, они выглядели как черные силуэты. Некоторые стояли на коленях с руками за головой. Другие стояли нацелив на окно свои карабины. Но главными в этой композиции были две фигуры в креслах за столом. Губернатор откинулся спинку с бутылкой в руке. Рам сидел боком, скрестив руки и ноги. Свое оружие он нацелил на чиновника, а карабин — на выход.

Дади вернула посох в руку, сделал глубокий вдох и вошла.

Вершина горы находилась недалеко за пределами монастыря, в тени астрографа. На небольшой ровной площадке рядом с ней располагался мемориал — несколько рядов гранитных колонн, на каждой из которых были написаны имена, даты и путь к памятному узлу, отправленному в Верхнюю Сеть.

Камень был разного оттенков серого — чем больше разница между двумя датами, тем светлее тон. За последние два года мемориал стал шире на целый ряд из девяти новых колонн, доведя общее их число до сорока двух. Из новых колонн одна была почти белой и носила имя последнего настоятеля — Оргун Нан Хат. Остальные восемь были гораздо, гораздо темнее.

Дади провела не один час сидя перед этими колоннами, разглядывая вырезанные в камне сетевые пути и осознавая, как же мало она знала о тех, с кем выросла. А теперь она не могла дотянуться до Верхней Сети и узнать больше. Но и будь у неё такая возможность, она бы не стала позволять скверне, которую она носит с собой, соприкоснуться со святыней.

В последней церемонии погребения, равно как и в остальных, Дади не участвовала. Она смотрела со стороны, как устанавливали последнюю из этих колонн, как Андж отправлял наверх последнюю сумму сохраненных в Сети воспоминаний об её владелице, как последний раз над горой развеяли прах и прозвучали молитвы. После этого Дади спустилась во двор и села поджав ноги на каменную ограду вокруг клочка чернозема в главном дворе, из которого росло дерево. Девушка смотрела как оно сбрасывало золото и багрянец своей листвы, во второй раз возвещая о приходе осени с тех пор как монастырь начал медленно умирать.

Она смотрела как все те, кого она называла братьями, сестрами и учителями, собрались у ворот. У некоторых даже появились свои посохи. Внизу на путевой станции их ждала пара кораблей, которая доставит их до Барнола-Шесть. От туда их пути разойдутся. Кто-то вернется домой, став уже другим человеком и перестав быть тем, кого из этого дома однажды изгнали. Кто-то снимет монастырские одежды и попытается счастья на другой стезе. Другие поедут дальше, в другой монастырь. Иные, те что получили свой посох, отправятся в Паломничество.

И вот ворота открылись, жители монастыря отправились в путь. Фаридин, вскинув посох на плечо, уходил последним. Из его рюкзака торчал длинный футляр с деревянной флейтой. Сделав шаг за ворота он остановился и оглянулся. Брат и сестра встретились глазами. Спустя долгое мгновение, ворота закрылись.

Все воспитанники покинули монастырь Дади осталась одна. Здесь ещё какое-то время пробудут ученые и их помощники, но в этом общем доме между ними теперь всегда будут стены.

— О чем думаешь? — окликнул девушку Андж, незаметно подойдя и усевшись рядом по её левую руку.

— О том же.

— И как, есть прогресс?

— Да. Думаю да.

— Ха, — ухмыльнулся монах. — Это уже интересно! Выкладывай.

— Они неправы. Все они, — сухо ответила Дади, от чего улыбка учителя несколько сузилась, а девушка крепче обняла свои колени. — Я не ходячая катастрофа. Но как убедить их в этом?

— А ты можешь убедить в этом хотя бы себя? — спросил монах, но ответа не последовало. — Тогда для этого разговора ещё не время.

Листья один за другим плавно опускались на землю за их спинами. Так они и сидели, учитель и его ученица, не говоря друг другу ни слова, пытаясь дать всем тревогам пройти мимо и оставить их в покое хотя бы на время. Но у Дади этого не получилось.

— Они не правы, — сказала она. — Они это увидят. Если вы меня научите.

— Научу? Чему?

Дади повернула голову, сверкнув левым глазом.

— Как им пользоваться. Как сдерживать Недуг. Чему угодно, чтобы исправить мои изъяны.

— А потом что?

— Не знаю.

Монах снова улыбнулся, настолько тепло, насколько мог.

— А по моему знаешь. Да будет так, я научу тебя всем своим трюкам, на которые хватит твоего упорства, Регалии и... — монах на секунду отрешился, вспомнив об одной из самых нелюбимых переменных в своих расчетах, — ... и времени. Я дам тебе год. Этот будет год самых тяжелых тренировок, самых трудных уроков и самых одиноких месяцев в твоей жизни, дитя.

— Это будет частью моего наказания, — ответила девушка.

— Такой ответ мне не нравится. Но если этим крепится твоя решимость, то пусть. Не дай своему запалу потухнуть, тогда за эти ворота ты пройдешь держа в руках собственный посох.

Дади ничего не ответила. Но образ её самой в оранжевом одеянии и с черным посохом, впервые за долгие годы оживший в голове девушки, отогнал остальные мысли. И она смогла дать всем своим тревогам пройти мимо, пусть и на время.

Первыми в кабинет губернатора вошли собранные по пути наверх заложники, подгоняемые нацеленным на них оружием. Рам и его соратники вошли следом. Остатки охраны соорудили импровизированную баррикаду из укрепленных щитов, но живые щиты захватчиков все же были надежнее.

— Бросьте оружие и отпустите людей! — скомандовал старший офицер охраны. — Военный флот уже в пути!

— Нет, — спокойно ответил Рам, в респираторе его голос звучал глухо. — Ваше оружие на пол. Ваши руки за спины. Ваши лица к стенам.

Офицер попытался дальше вести переговоры, но Рам просто стоял и смотрел, ничего не говоря в ответ. Только нацелил оружие на ближайшего заложника и начал считать.

— Три... два... один...

— Делайте что велено, — тихо сказал губернатор. Офицеры обернулись к нему с недоумением. — Вы сами сказали, флот идет сюда. Не будем усугублять.

С неохотой охрана выполнила приказ. Люди Рама быстро и без суеты присвоили оружие, сами заняли баррикаду, и расположили заложников лицом в пол в два ряда у стены, так, чтобы никто не мог пошевелиться или дотянуться до соседа незаметно. Пока захватчики занимались своим делом, Рам уселся напротив губернатора за его столом. Молча юноша протянул чиновнику ещё один респиратор. В ответ губернатор пододвинул бутылку с крепким напитком ближе к своему гостю, предлагая её разделить. Рам же поставил на стол газовую гранату и привел её в действие. Молча оба смотрели как ковер густого оранжевого дыма принялся стелиться сперва по столу, а затем и по полу, равномерно заполняя весь кабинет. Вскоре шипение прекратилось.

— Теперь мы можем говорить, — сказал Рам. Губернатор все же налил немного в свой бокал и опрокинул его, задержав дыханием и сдвинув на миг респиратор.

— Да, — ответил чиновник, поправляя маску на лице. — Думаю, можем. О чем же? Полагаю вы хотите потребовать вместительное свежее судно и возможность беспрепятственного перехода подальше отсюда с парой заложников на борту для страховки, верно? Да, и чтоб флот сейчас же прекратил движение, скажем, на сутки.

— В общих чертах, да. С чего такая сговорчивость?

— Ни с чего. Просто следую протоколу на такой случай. Кроме того, если флот настигнет вас в Пустоши, то у меня будет меньше забот здесь.

— Просто следуете протоколу? — спросил Рам, на миг о чем-то задумавшись. — Полагаю в этом есть смысл.

— А в порту есть подходящий корабль, и он отправится сюда при первой возможности. Будет тесновато, но вы и ваши люди должны все там поместиться.

— Только люди. Меня пока не считайте.

— Одним больше, одним меньше. Позвольте узнать почему, Ласерн-сид?

— Из-за вас. У меня с вами есть отдельная проблема. И я намерен сидеть с вами за этим столом пока мы её не решим. Даже если остальные нас покинут.

— Жаль, я бы хотел закончить рабочий день и вернуться домой, — посетовал чиновник я тяжело вздохнул. — Тем не менее, я слушаю.

— Наава, — начал Рам, наклонившись над столом. — Судно вышло из Барнола-Шесть несколько лет назад. И пропало без следа.

— К сожалению, для Пустоши это в порядке вещей. Твари, пираты, шторма — небольшие корабли пропадают регулярно.

— Но не регулярно их поиски прекращаются по личному приказу губернатора.

— Столь же нечасто они пропадают вместе со всеми доступными в Сети данными. Нам даже спутники нацелить не на что. У нас буквально нет иного варианта кроме прочесывания территории, чего я разрешить не могу.

— Твари, пираты, шторма, — процитировал чиновника Рам.

— Верно. Что касается утечки данных, то делать подобные, хмм, “сбои” в Системе достоянием общественности — это плохо для народного покоя. И карьеры некоторых людей. Но чиновник уровня вашего уважаемого отца должен быть достаточно осведомлен. Как, следовательно, и вы.

В кабинете заработала вентиляция, начав очищать воздух. Рам не обратил на это внимания, раз заложники и охранники уже достаточно надышались. То, что он мог многое узнать о судьбе Наавы просто поговорив с отцом занимало его куда больше.

— И это всё ваше оправдание? — спросил Рам. Маска сгладила его голос.

— Нежелание рисковать жизнями в соотношении три к одной? Да.

— При этом вы продолжаете подвергать опасности тысячу, ради... ничего.

— Вы об Акабе-Пять? Жаль, очень жаль, что все так сложилось, — ответил чиновник, и даже был искренен. — Но я бессилен. Вот, смотрите сами.

Губернатор жестом призвал Рама разделить с ним видение. Юноша посмотрел на отражение пространства перед ним. Теперь его отделяла от губернатора золотая стена экранов с текстом закона.

— Понимаю, Ласерн-синд, у нас нет времени вычитывать его целиком. Но вы можете указать на любую лазейку, и я назову пяток другой причин, по которым ей нельзя воспользоваться. Это крайне тугой клубок юридических коллизий. И его распутывание уведет вас очень далеко от наших краев.

— Насколько? — спросил Рам, продолжая читать текст закона.

— Настолько, — ответил чиновник указав рукой за спину, на висящий на стене портрет Энцзи IV.

— Хотите сказать, что это все прихоть Метрополии?

— Отнюдь. Просто мы говорим о тех глубинах законодательства, до которых может дотянуться лишь его величество.

— Да, — ответил Рам, все ещё изучая закон. — Похоже на правду. Судя по всему, пока здесь стоит подпись действующего губернатора, отменить это военное положение вообще нельзя.

— Совершенно верно.

— Действующего... — задумчиво протянул Рам.

— Да. К чему вы клоните? — Спросил чиновник.

— Ваш преемник будет должен повторно подписать ряд законов, чтобы они сохранили силу. Принятых экстренно, вроде этого. Верно?

— Верно, — сглотнув ответил губернатор, догадавшись о чем идет речь. — Но уверяю вас, дом Хинан имеет рычаги давления не на меня, но на мое кресло. Есть уйма причин, по которым следующий губернатор будет вынужден дать свою подпись.

— Но ведь будет шанс, если в другое ухо ему будет шептать другой голос? Особенно если выборы придется начать раньше времени... — Рам нацелил своё оружие на губернатора, — ...а в кабинетах будет много шума и суеты.

— Будет. Но крохотный. Особенно с учетом того, что к экстренным выборам на мое место вы и ваши соратники не готовились. Вы готовы перейти черту, ради столь малого шанса?

— В том-то и дело, сид, я уже её пересек. Менее часа назад.

Над столом повисла тишина, которую спустя несколько мгновений прервал жуткий грохот снаружи.

Андж спешно вошел в здание через дыру, проделанную тварью и брошенным копьем. Внутри было безлюдно, нижние этажи уже покинул все. В тусклом сумраке помещения его тело казалось ярче, хотя на самом деле пылало оно уже не так сильно. Копье пригвоздило тварь к столбу и поменяло форму не давя ей выдернуть оружие монаха из себя и освободиться сразу. Андж смог задержать противника лишь на считанные секунды, но этого было достаточно — освободившись от оков противник уже не успеет сбежать дальше.

Разрывая собственную плоть тварь наконец освободилась и, пошатываясь, двинулась монаху на встречу. Тот лишь хмыкнул и ринулся в атаку. Его тяжелы удары метели по конечностям, ломая то, что заменяло твари кости. Чудовище теряло преимущество своего роста в столь ближнем бою, и редкие моменты, когда удавалось отойти на расстояние руки от яростного монаха, оно тратило на попытки залечить свои руки и ноги. Андж тоже пропускал удары, его тело покрывалось рваными ранами, из которых сочились пар и масло. Но старый монах не обращал на это внимания. Это была битва на выносливость, и человек в ней побеждал.

Тварь оступилась, потеряла равновесие на долю секунды. Монаху этого хватило, чтобы оторвать врагу ногу по колено. Андж ударил ей словно дубиной, сломав противнику предплечье. Затем отбросил оружие, схватил тварь и бросил её через спину на землю. Не прерывая движения он обхватил здоровую руку твари и, оперевшись ногами ей в бок, мощным рывком вырвал и ее. Чудовище попыталось подняться на некое подобие четверенек, но тщетно — монах и не думал останавливаться. Оставшиеся конечности Андж получил без боя.

Тогда старый монах наконец добил своего противника, вырвав ему хребет, на концах которого безвольно болтались голова и потускневшее Сердце. Держа трофей в руках, он устало повалился, сев спиной к столбу и сделал глубокий выдох. Он посмотрел туда, где у твари должно было быть лицо и тихо сказал:

— В этот раз вышло неплохо, да?

Дади вошла внутрь. Резкий запах газа ударил ей в нос. Она поморщилась, но в остальном сохранила невозмутимый вид с посохом в руке, хотя стоило это не малых усилий.

— Опустите оружие, — скомандовал Рам своим людям. — Против нее оно бесполезно.

Перестав быть мишенью, Дади немного приободрилась, хотя и понимала, что сказанное Рамом истиной не было. Она не успела бы отключить все оружие налетчиков, защищённое шаманами как раз на такой случай. В случае рукопашной победа ей тоже не светит — энергия в костюме была на исходе, а голову обволакивало облако тупой боли. Её внимание занимало оружие, нацеленное на губернатора и раздумья о том, как это прекратить.

Раздумья, впрочем, уже с трудом выстаивались в цепочку — газ хоть и был сильно разрезан, все же подействовал на девушку. И она не сопротивлялась, от её умения обращаться с Системой сейчас ничего не зависело.

— Полагаю, сида, вы попытаетесь уговорить меня не стрелять? — спросил Рам.

— Да.

— Но почему?

Вопрос сбил Дади с толку. Ответ на него был один, и он был очевиден.

— Это не правильно. Нас не избирали его судьями.

— И не изберут, сида, — ответил Рам. — Меня уже точно. А вот вы... что держит вас?

Ответ Дади был действительно очевиден, но его оказалось недостаточно. Снова она должна держать оборону.

— Мое паломничество. Защита этого человека, — Дади указала на губернатора, сохранявшего молчание, — мое последнее прошение.

— Вы уже нарушали свои же правила, Сида, — продолжил Рам. — Пусть неохотно. От чего не сделать это ещё раз, но по своей воле?

Нутро вновь подсказывало Дади очевидный ответ. Её передернуло от возникшей в воображении картины губернатора, сидящего в своем кресле с огромной дырой в груди, через которую было видно след, оставленный летящим снарядом на ещё видимом газовом ковре. А следом его окружили её братья и сестры. Снова они её судили. Снова она попыталась быть полезной и вызвала этим бедствие.

— Также, как ты? Не потерплю отъем жизни — твои слова. Твое правило. Ты хочешь его нарушить?

— По здравому размышлению выходит, — парировал Рам, — что ему никогда толком не следовало. Сколько горя и смерти пришло в Акабу-Пять, пока я играл по правилам? Сколько несправедливостей до сих пор не наказано? Это правило — лишь иллюзия, дымовая завеса для слабости. Нам давно пора проявить силу.

— Я не могу приговорить человека к смерти.

— Вот тут вы не правы, сида, — ответил юноша. — Вы связаны прошением помощи верно? В какой помощи мог попросить этот человек, кроме как сохранить порядок и его жизнь от нас? Прекратите его защищать и мы прекратим беспорядок. Позвольте нам избрать новую власть, и кровопролития удастся избежать. И мы вернем жизнь в чахнувший город.

Дади хотела просто прокричать “нет”, но чутье подсказывало, что спор это не прекратит, лишь покажет что сказать ей больше нечего. Разум девушки свела судорога, она тщиалась найти точку равновесия между собственным негодованием, наставлениями учителей и осознанием простой, казалось бы, истины — жертва одного во имя многих есть благо. И что-то изменилось. Где-то на задворках сознания Дади протянулась нить, связавшая разрозненные ранее мысли. Нить настолько тонкая, что девушка сама её не заметила. Но нашла все себе силы отбросить собственные желания, мотивы, страдания. И покорила тому, что её учитель назвал Судьбой. Она стояла сейчас на службе, и долг её был предельно ясен.

— Я все сделаю, сида. Возьму всю ответственность. Мои руки уже испачканы.

Эти слова Рам произнес бесстрастно.

— И все? — Спросила девушка. — Ты просто готов столько взвалить на себя? Без сомнений? Без сожалений?

— Конечно нет, сида. Но мне придется с этим смириться. Ради общего дела.

— Как долго ты будешь мириться? Один раз? Два? Три?

— Столько, сколько потребуется, сида.

— Тогда чем твое смирение лучше без различия? Сколько времени пройдет прежде, чем первое обернется вторым?

Рам промолчал. Дади склонила голову.

— Я не в силах тебя убедить. Я не знаю прав ты или нет. Ты можешь забраться три, четыре, пять жизней. Ради общего дела. Но при одном условии.

Дади придала посоху форму клинка и прочертила острием линию в стелившейся по полу оранжевой дымке, заводя правую руку назад. Любопытный в фехтовании увидел в этом позицию для атаки. От этого движения голова девушки закружилась, но остатки энергии в костюме помогали стоять прямо. Она ощутила странное умиротворение.

— Следующая будет моей.

За спиной Дина вершилась судьба города. Но переговоры в кабинете губернатора его не занимали — не было у него в них ни роли, ни интереса, ни понимания. Но все это было в том, что сейчас происходило перед его глазами.

Механик впился руками в поручень и в благоговении наблюдал, как внушительного размера баржа плавно скользила над городом. Ведомый автопилотом, корабль стремился в Пустошь, дабы встретить там свой конец в одиночестве. Дин все ещё не верил тому, что видел, а видел он как большое и изрядно потрепанное судно набирает такую скорость, какую юркие катера могли позволить только в самых прямых рукавах Потока.

Свободная от препятствий, баржа достигла городской черты за минуту, все это время набирая скорость. Спустя ещё минуту Дин уже не мог разглядеть баржу на фоне закатного солнца. Он натянул на лицо свои защитные очки для сварки. На секунду он видел только непроглядную черноту, плоский и тусклый круг светила, и черную точку на его фоне. Точка сверкнула. И над горизонтом вспыхнуло второе Солнце, во сто крат более яркое и погасшее за секунду.

Дин стянул очки. Там, в паре километров от города над Пустошью поднимался огромный огненный шар. Следом докатился грохот, башню управления ощутимо трянуло. Порту и домам на самом краю досталось больше.

Вместе с ударной волной на Дина накатила трепет — такой красоты как сейчас Дин не видел никогда в жизни, и он не знал, увидит ли когда-нибудь ещё. Не знал он и вопросах, которые придут к нему позднее и надолго лишат сна.

Все собравшиеся в кабинете губернатора забыли на миг зачем пришли. Вспышка и грохот перекрыли все разговоры. Самые болтливые опомнились первыми.

— Хорошо, что все пошло не по плану. — подал голос Малой, затерявшийся среди других бойцов.

— Да... — задумчиво сказал Рам, поднявшийся с кресла. — Мы до сих пор не можем связаться с общим другом? — спросил он своих людей через Связь.

— Нет, — ответил кто-то из бойцов. — Даже шаманы не могут до него дотянуться.

Тень накрыла башню, погрузив кабинет в сумрак. Дади продолжала смотреть на столб пыли и дыма, основание которого терялось за городскими крышами. Рам встал рядом с ней.

— Сид, — обратился юноша к губернатору. — наши условия вы знаете.

— Судно уже на подходе.

— Тогда мы уходим. Похоже у вас будет полно забот и без нас.

Рам отдал через связь нужные приказы. Налетчики быстро подняли заложников на ноги и, ведя связанных под руки, покинули кабинет. Рам уходил последним. Обменявшись с девушкой взглядами, он твердым шагом вышел за дверь.

Дади и губернатор остались одни. Чиновник устало обмяк и облокотился на стол, утопив лицо в ладонях.

— Полагаю, на лучшее можно было не рассчитывать, сида?

— Полагаю да, — ответила девушка.

— В таком случае, — губернатор сорвал с себя респиратор, позабыв об остатках газа, вновь схватится за бутылку начала наполнять свой бокал, — я признаю прошение исполненным, сида. Полностью.

Губернатор глотком осушил бокал и поставил его на стол с тяжелым ударом. Воцарилась тишина. Дади посмотрела на чиновника, и её брови ползли вверх

— А что? Восстание предотвращено, мы отделались беспорядками в городе, побегом из тюрьмы и захватом заложников, с которым разберутся военные и храмовники. А я сижу где сидел, живой, и более не смею вас удерживать.

— Ясного вам завтра, — по форме попрощалась Дади.

— Легкого вам вчера.

Девушка вышла на террасу и оперлась на ограждение. Вместе с Дином они ещё какое-то время молча смотрели на солнце за дымом.

Среди разрухи, оставленной в атриуме башни после штурма и драки с чудовищем, монах смог отыскать пару огромных бутылей чистой воды для посетителей и шкафчик с едой, которую работники принесли утром, но так и не съели. Со всем этим добром, монах устроился на чудом уцелевшем диване.

Рам сотоварищи обнаружили его сидящим широко расставив ноги, уже заваленным обертками и пустыми тарелками, с огромной бутылью в руке, а также головой и Сердцем чудовища, лежащими на диване рядом. Сперва их поразил вид этого человека, его массивное искусственное тело с глубокими, сочащимися паром ранами. Потом они заметили стоящий у дивна посох и тотчас осознали, что перед ними монах. Не зеленая паломница, а настоящий монах.

Андж медленно и нарочито лениво поднял руку и указал пальцем в другой конец помещения.

— Выход — там, дети, — сказал монах. — Идите.

Мешкая и озираясь, бойцы повели заложников к выходу. Наконец замыкающий шествие Рам поравнялся с монахом.

— Почему вы не остановите нас? — спросил юноша, задержавшись рядом со стариком.

— По твоему я смогу, дитя?

— Не знаю. Но столкнуться с монахом не хотелось бы, нам сейчас хватит и храмовников.

— О них не переживай. Они потеряли двух братьев сегодня, рисковать ещё одним сейчас не станут. Да и выдохлись они не меньше моего. Но, полагаю, ненадолго.

Рам поклонился монаху и поспешил к выходу. Когда он поравнялся с остальными, организованно покидающими здание и поднимающимися на борт небольшого грузового судна, Малой его спросил через Связь:

— Только честно Док, ты не выстрелил из-за неё?

— А ты бы хотел, что выстрелил?

— Я знаю чего мы добиваемся, Док. И знаю чего это может стоить. Я крови не жажду но кто знает, чем нам обернется сегодняшней день.

— Сегодняшний день чуть не стоил нам половины города.

— Да, мы заметили.

— Как на барже оказалась такая бомба? И почему наш общий друг замолчал?

— Не знаю, Док.

— И я не знаю. Давай думать пока об этом.

Не сказав больше ни слова, Рам и все его боевые товарищи, а также часть заложников, взошли на борт. Корабль поднялся, и не заботясь об уже поврежденный фасадах, чуть ли не на полном ходу покинул город.

Дади рассматривала старого монаха едва не разинув рот. Она не видела своего учителя таким ещё ни разу. А механик, погруженный в себя, просто принялся бродить по разрушенному атриуму, не знаю что ещё делать.

— Учитель, вы... похудели, — робко сказал девушка.

— Это, к счастью, поправимо, — монах развел руками над своим скромным пиршеством.

— А это... — девушка показала на лежащий рядом хребет. Андж взял в руку тот конец, к которому крепилась голова, и начал его раскручивать.

— От этого нужно будет избавиться, должным образом. Не бери в голову.

Постояв ещё секунду Дади подошла к учителю и селя рядом на самый край дивана. И уронила голову на руки. Андж мягко положил руку ей на плечо.

— Выдохни, Дитя.

Дади так и сделала. В ещё гудящей голове роились вопросы и переживания, но девушка решили разбираться с ними по очереди, в том порядке, в котором они будут всплывать на свет.

— Учитель, что такое Гхасса?

— Ты все-таки увидела травяные поля и чужие звезды?

— Возможно. Я запомнила мало. А что запомнила, уходит быстро.

— Я не имею понятия, что это такое, Дитя, — ответил Андж, и его ученица с удивлением обернулась. — Может это другое место. Может другое время. Может просто образ, отпечатанный где-то в таких глубинах Системы, о которых я почти ничего не знаю. Тут уже ты можешь меня просветить, если увидела что-то ещё.

Дади задумалась на мгновение.

— Нет, — сказал она, не скрывая сомнения, — я больше ничего не помню.

— Тогда ничего об этом сейчас думать.

Сердце твари вдруг ожило. Из головы стал доноситься странный шипящий звук. Андж взял её в руки и увидел как растет отверстие там где должен был быть рот. По краям отверстия проступи ростки зубов, подобных человеческим, которые быстро скрылись за сформировавшимися губами. Монах ладоням ощутил вибрации голосовых связок, образовавшихся внутри и начавших издавать странный мычащий звук. И потом голова произнесла:

— Гад... даар...

После этого рот твари начал стремительно терять форму, в мгновения обратившись несколькими висячими лоскутами черной массы.

— Оно... говорит? — спросила Дади, как только первичное удивление миновало.

— Гаддаар. Это слово из древнего языка. Не того, из которого произошло твое имя, дитя, но равно утерянного, — сказал монах. Его лицо украсила улыбка, но улыбка исполненная печали.

— Это значит “предатель”.

Эпилог: Первый шаг за порог

Набрав припасов, и приняв наконец душ, Дин повез паломников к месту в котором его контракт истекал. Машинально он продолжал исполнять обязанности целого экипажа и обслуживал своих пассажиров как мог, но умом он был далеко как никогда.

— Сможешь починить, парень? — спросил его монах за ужином, положив на стол свой курительный агрегат. — Я так и не смог его запустить. Похоже в драке я его сломал.

Дин бросил беглый взгляд на прибор. Отложив еду в сторону он извлек из кармана маленький набор инструментов, запустил нужные программы для манипуляторов.

— Что случилось, Дин? — спросила Дади.

— Да ничего, — ответил он. — А что?

— Ты почти не разговариваешь. С тех пор как мы покинули город. На тебя не похоже.

— Я в порядке, просто... — парнишка тяжело вздохнул, — ... просто я не могу отделать от мысли, что сделал нечто ужасное.

Паломники переглянулись.

— Вы же все его видели, — сказал Дин не отрываясь от ремонта, — корабль, идущий высоко над землей. Это было... было прекрасно. — Механик оторвал взгляд от агрегата, позволив манипулятор продолжить работу. — Все видели первое в своем роде воздушное судно, видели на какой скорости оно может двигаться. И взрывается так, как могут только два связанных Сердца. Ученые всего мира будут ломать над этим головы, может годы, может десятилетия. Но однажды поймут, что мы сделали, и смогут повторить эти минуты полета. А затем превратить эти минуты в часы, даже дни. Только представьте — воздушные флоты, идущие над Пустошью, невзирая на Поток, на рельеф. Как это изменит судоходство? Торговлю, экономику, технологии? А теперь представь, как изменится пиратство. Как изменятся войны. Просто вообрази крохотный катер, груженный двумя большими Сердцами, спускающийся из-за туч на ничего не подозревающий город. Я своими руками посеял зерно разрушения.

Над столом повисла тишина.

— Действия и последствия, — сказал Дин, повторяя фразу, которую не раз слышал от своих спутников.

— Действия и последствия, — повторил Андж. — Действия, альтернативой которым была смерть. И последствия, которые вне твоей власти и видения. Не забивай себе этим голову, Дитя. Не ты один понимаешь, чем это все чревато. Помнишь, что я говорил о судьбе?

— Да. Нужны миллионы лет, чтобы познакомить зад с камнем.

Дади сдавленно хихикнула. Остальные тоже позволили себе улыбнуться.

— Мне нужен верстак, — сказал он и вышел из-за стола.

Монастырь Менри занимал вершину довольно пологого холма в двух сутках хода от Акабы-Четыре. Но причал располагался у его подножия — остаток пути было принято проходить пешком. Андж шагал по склону нарочито медленно, вынуждая и свою ученицу также не торопиться.

— Помнишь, я обещал рассказать, чем занимаюсь в свое отсутствие? — спросил старый монах.

— Охотитесь на хтонов. Очень странных, — ответила Дади.

— Да. Но кажется пора посвятить тебя в некоторые детали. Тебе следует об этом узнать до того, как твое паломничество закончится. И... — монах показал пальцем на монастырь на вершине холма. — ...я больше не могу этого откладывать. Как бы того не хотел.

Свободной рукой Дади ухватила за ворот и посмотрела на своего наставника с любопытством и тревогой в равных долях.

— Посмотри на верх, дитя, — оба подняли головы. Над ними висела плотная завеса туч.

— За этими облаками простирается ясное небо, которое ограждает нас от пустоты Космоса. Дальше есть только пыль, газ и свет. Ты видишь там именно это, да? — Спросил монах и Дади кивнула в ответ. — А знаешь, что вижу я? Тюрьму. Космос — это камера, а небо — решетка. В эту тюрьму я засадил немало опасного народа. И теперь я лишь сторож у её ворот. Иногда им удается поставить одну ногу нашу землю. Моими усилиями, поставить вторую они не успевали. До последнего времени. Я ошибся в расчетах и один из них почти смог сбежать.

— Но как?

— Чтобы спуститься с небес на землю им нужно три вещи. Материя, энергия и проводники. Хтоны служат им телом. Сердца питают их. А люди открывают двери и позволяют им вырваться из глубин Сети, обрести форму и перестать быть рассеянным по солнечной системе сигналом.

— Пропавшие монахи...

— Да. Их умы и мозги переплавили в ключ, которым и открыли дверь. Ты не должна была угодить во всю эту историю. Это моя вина. Но я стар. Очень стар, и однажды я хотел бы просить у тебя помощи в своем деле. Но не сейчас. Не в таких обстоятельствах. Прости меня.

Дади все ещё держалась рукой за ворот. Теперь она была в растерянности, не зная что сказать.

— Я правда хотел сделать тебя своей преемницей, но не стану решать за тебя. Знай только, — монах наклонился и мягко положил свою огромную ладонь и на хрупкое плечо, — что я в тебе не ошибся, дитя. Не будь тебя рядом, Акабу-Четыре я бы не спас. Нам обоим есть о чем сожалеть, но не сегодня. Сегодня мы имеем право на гордость.

У ворот паломников никто не встретил. В полном одиночестве шагали они и по территории монастыря. Гирлянды разноцветных флагов, протянулись над ними от здания к зданию. Молитвенные барабаны, притороченные к стенам, были неподвижны, и Андж мимоходом раскручивал некоторые из них. А небольшой внутренний двор венчало небольшое деревце в центре, уже совершенно нагое и без единого листа на ветках. И все это заливал теплый свет уличных ламп. Монастырь не был заброшен, просто все уже спали, а Андж заранее просил об ускоренной церемонии. По этому Дади предстояло встретиться лишь с настоятелем.

Церемониальный зал был мал и освещен единственной желтой лампой, даже дюжине человек здесь было бы тесновато. Настоятель встретил паломников у дверей и проводил в центр. Андж занял место у стены, и замер в тени словно статуя. Поклонившись и обменявшись приветствиями, настоятель начал церемонию.

— Саудаде-сати, чьи иные имена знает только Система. Монастырь Менри стал завершением твоего паломничества. Ответь, увидела ли ты лицо Экумены?

— Да, сид.

— Откуда начался твой путь?

— Из монастыря Калат, что на востоке.

— Куда привел тебя первый шаг? — спросил настоятель.

— В Барнол-Семь, — ответила Дади так, как велел ей учитель, на которого в этот момент покосился настоятель.

— И в чем нуждались живущие там?

— В помощи. Свергнуть тирана. Моей рукой эта воля исполнена.

— Куда привел тебя второй шаг?

— В Барнол-Шесть.

— И в чем нуждались живущие там?

— В знании. Голос людей просил наставления. Моим умом эти ответы найдены.

— Куда привел тебя третий шаг?

— В Акабу-Пять.

— И в чем нуждались живущие там?

— В мудрости. Голос людей просил наставления. Моим сердцем эти люди направлены.

В это не верил никто из присутствующих. Но прошение было признано исполненным, а значит должно быть учтено.

— Куда привел тебя четвертый шаг?

— В Акабу-Четыре.

— И в чем нуждались живущие там?

— В помощи. Голос людей просил мира. Моей рукой эта воля исполнена.

— Истинно так. Экумена тому свидетельница. Систему тому судья. И когда она огласит свой вердикт, примешь ли ты ответственность?

— Да.

— Когда действия обретут последствия, примешь ли ты ответственность?

— Да.

— И пройдешь ли дальше этим путем, зная что, вновь предстанешь перед судом?

Дади на миг задумалась. Суд на который она торопилась, уже вряд ли когда-нибудь состоится — все её братья и сёстры до последнего уже покинули это место. Стоя перед глазами Системы, а значит и всего мира, девушка ощутила себя совершенно одной в целом мире. Зачем ей сейчас готовить “да”, если никому не станет хуже, скажи она сейчас “нет”? Ответ пришел быстро и неожиданно — ей самой будет хуже, хотя она и могла до конца осознать почему.

— Да, — в третий раз произнесла она, отгоняя сомнения. Настоятель медленно кивнул, ещё раз искоса посмотрев на старого монаха.

В центре комнаты в полу появилось небольшое отверстие. Дади вставила посох. Черный металл моментально окрасился узором, похожим на вязь нитей и узлов Сети. Она почувствовала как к ней тянутся, призывая разделить видение. Она безропотно открыла внутренний взор отражению.

Настоятель, Андж, и даже сама комната — всё исчезло. Остались чернота и золото. Вместо пола под девушкой расстелилась плоскость, по которой вязью расползлась карта Экумены. Там, где был посох, располагалась Метрополия. Там же карту пронзала бесконечно длинная золотая ось, проходящая через руку Дади. Пространство вокруг заполнила паутина золотых нитей, пересечениями которых были бесчисленные спутники. Прямо над её головой оказалась малая луна, а ещё выше — большая. И где-то дальше пролегли линии многочисленных орбит небесных сфер солнечной системы.

И весь мир обернулся вокруг. Голова Дади закружилась, ей казалось, что все до единого неисчислимы узлы Сети сейчас протянули к ней свои нити. Немедля дал знать о себе глаз, взорвавшийся болью, но эту муку подхватила река информации, что понеслась через нее. Девушка чувствовала, в этом клокочущем потоке растворяется её эго со всеми его переживаниями и невзгодами. На миг она почувствовала себя свободной.

Свободной от самой себя.

Но этот короткий миг миновал. Дади вновь оказалась в маленькой комнате маленького монастыря, в котором завершалась скромная и сугубо формальная церемония. Настоятель произносил заключительные слова, но девушка его не слышала — все здесь было мелким, незначительным, на фоне гаснущего ощущения чего-то необъятного.

— Прежде чем мы расстанемся, — сказал настоятель, покончив с официальной частью, — меня просили кое-что вам передать, в случае вашего тройного согласия, сйда.

Настоятель извлек из одежды длинный узкий футляр и протянул его девушке. Дади осторожно открыла его. На оранжевой подложке лежала деревянная флейта. Та самая, которую ей когда доверил другой настоятель другого монастыря. Девушка закрыла футляр и прижала его к груди. И по её ещё пробежала слеза.

— Что собираешься делать дальше? — спросил Андж, когда вместе с ученицей они покинули монастырь и отправились вниз по склону. Дади теперь предстояло выбрать свой дальнейший путь, но у нее ещё было время на раздумья.

— Не знаю. Я не знала, что соглашусь. Я отправилась в путь не за этим.

— И как ты считаешь, ты своего добилась?

— Нет, — ответила девушка, и крепче сжала футляр с флейтой. — Но это шаг вперед. Прогресс есть прогресс.

Услышав это монах одобрительно хмыкнул.

— Учитель, а что если... что если я пойду с вами?

— А что если я подуй с тобой, дитя?

Такое девушке в голову не приходило.

— Утро вечера мудреней. Оставь эту заботу на завтра.

Небо над ними начало проясняться. Через прорехи в облачном покрывале просачивался красноватый свет.

Дин ждал их в порту сидя на лавочке. Руки его держали курительный агрегат, два его манипулятора наносили на прибор последние штрихи, а ещё два подносили ко рту чашку с кофе и шоколадный батончик. Механик смотрел в пустоту, но по бегающим глазам было ясно, что он что-то читает.

— Похожи вы были правы — сказал юноша. — Прошел месяц, и пока в Барноле-Семе дела идут в гору.

— Я же говорил, — ухмыльнулся монах, наклонившись к своей ученице, а затем, он обратился к Дину. — Ты подумал над моим предложением?

— Говоря что не я один понимаю, чем чреват наш... научный прорыв, вы ведь говорили о себе, сид?

— В том числе, да.

— Тогда я согласен, — ответил Дин, протягивая монаху его приборчик. — Если помогая вам я хоть как-то смогу исправить положение, то я и Эвр к вашим услугам.

Андж принял аппарат и с досадой вздохнул.

— Прекрасно, теперь у меня на попечении два ребенка с давящим чувством вины.

Поворчав, он поднялся на борт катера. Тут же начал доноситься сладковатый запах дыма. Дин залпом допил свой кофе.

— Вы ведь оба заставите меня пожалеть об этом, да?

— Весьма вероятно, — ответила Дади.

— В таком случае, — Дин встал, стряхнул с себя крошки и поклонился, — добро пожаловать на борт.

Дин тоже поднялся на Эвр. Оставшись в одиночестве, Дади позволила себе улыбнуться.

Вскоре облачный полог унесло восточным ветром и небо окончательно прояснилось. Между Экуменой и большой луной, полностью обернувшейся красной стороной, сейчас была лишь луна малая черная. Словно мир лежал нагим перед огромным красным оком. Но смотрело оно только в одну точку, туда, где посреди пустоши стоял маленький катер с тремя спящими путниками на борту.

Больше книг на сайте - Knigoed.net